ИGꞒ ᚾ4ᚩGꞁ

ᚾ4ᚾ⊗ И2XꞒ2 ꭓMᛏIꟿ◇ 4
(IIIIVXVVXIIIVX)

Ꞓꟿꟿꟿꟿꞈ

ꞁꞁИ ꟿꟿꟿ2	ꞒꟿꟿꟿꟿO ꞁꞁИ
ꟿꟿMꟿ ꞒꟿИ!	ꟿ ꟿꞒꞒꟿ ꞒꟿꞒꟿИꞒꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
4 ꟿꞒꞒꟿꟿ ꟿꟿꟿ	4 IꟿꟿꞒꟿꟿꟿꞒꟿIIꟿИꟿꟿ
ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ИꞒXꟿꟿꟿꟿ	ꟿИ Ꞓꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿ ꞁꟿꟿꟿꞁ
◇ꟿ ꞁG XꟿИꟿꟿ	4 XꞒXꟿИ
4 Ꞓꟿꟿꟿ◇ ◇ꟿꟿꟿ	4 ◇ꟿИꟿ◇ꞒИꟿꟿꟿXꞒ
ꞒꟿꟿꞒꟿ◇ꟿꟿ ꞒꞒXꞒИꞒ◇	4 ꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
4 Xꟿ◇◇ꟿꟿ	ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
4 ꟿꟿXꟿꟿꟿ	ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
ꟿGꟿ XꞒIIꟿ	ꞒꟿꟿꞒꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿ
ꟿИ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꞒИꞒ◇	ꟿꞒИꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ Ꞓꟿꟿ
4 ◇ꟿИꟿꟿꟿꟿG ꟿꟿꟿꟿ	Ꞓꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꞒꟿꟿꟿ
ꟿИ Ꞓꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿ „ꟿꟿꟿ" ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꞒИ	ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
ꟿꟿꟿꟿ ꞒꟿꞒ◇	ꟿꞒꟿꟿ
ꟿИ ꞒꟿꞒꞒ ꟿꟿꟿꟿ Ꞓꟿꟿꟿꟿꟿ	ꟿИ ꞒꟿꟿꟿXꞒꟿꟿ ꟿꞒꟿꟿꟿ◇
ꟿ◇ꟿ◇ ꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿИꞒꟿꞒ◇	ꞒꟿꟿꟿꟿꟿꞒꟿ
4 ꟿꞒИꟿꞒꟿꟿ ꟿꟿꞒꞒ	ꞒꞒИꟿꟿꟿ
ꟿИ 4 ꟿꟿꟿꟿꟿ◇	ИꞒꟿꟿ ꞁG XꟿИꟿꟿꞒ◇
Ꞓꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿ, ꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꞒИ	ꞒꟿꟿꟿИ
	4 ꞒꞒꞒ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ ꟿꞒꟿꟿ
	Ꞓꟿ ꞒꞒXꞒИ, ꟿ◇ꟿꟿ ꟿꞒꟿ Ꞓꟿꟿꟿ ꞒꞒꞒ ꞁꟿꟿꞒꟿꟿꟿ◇
	4 ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿИꟿꟿ
	4 ◇ꟿGIꞁMꟿ ꞒꞒXꞒИ Ꞓꟿꟿꟿ
	4 XꟿИꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿꟿ
	ꟿИ Ꞓꟿꟿꟿ ꟿꟿꟿꟿꟿИꞒ◇ꟿꟿ
	4 ⊗ꞒꟿꟿИꟿꟿꟿ⊗ ꞒꟿꟿꟿꞒ
	4 ꟿꞒИ ꞒꞒꞒ ꟿꟿꟿꟿMꞒ
	4 ◇ꟿGIꞁMꟿ ꞒꞒXꞒИ ⊗ꞒꟿꞒꟿ
	4 ◇ꞒИꟿ
	ꞁꞒꞒꞒꞁ Ꞓꟿ ꞒИИꞒꟿ
	4 IꞒꞒMꞒꞒꟿꞒ◇ ꟿꟿꟿꟿꟿ
	ꞒꞒI ꞒM Ꞓꟿꟿꟿ
	MꞒꟿIG
	◇Ꞓꟿꟿꟿꟿ, ◇ꞒꟿꞒꟿꟿꞒ◇, ⊗ꞒИꞒꟿꟿꞒ◇
	◇ꞒꟿꞒꟿꞒꟿꟿꟿ, ⊗ꞒИꟿꟿꟿꞒ
	ꞁИꞒꟿꟿꞒꞒ
	IꞒMꞒꟿꟿꟿꞒꟿꟿꟿ◇

ꞁꞁИ ꟿꟿꟿ2

Жёлтое солнце!

В субботу мы встретились все вместе у Ани перед входом в парк. Ане подарили красивый воздушный шар, и она была очень рада. Мы решили сначала погулять, а потом пойти в кафе-мороженое. Погода была отличная: светило солнце, дул лёгкий ветерок, и шар весело летел за Аней, как будто знал дорогу.

Мы шли по широкой аллее, где росли высокие деревья. Листья на них уже начали желтеть, и под ногами шуршала сухая листва. Саша и Коля бежали впереди, Маша и Оля шли рядом с Аней, а я замыкал нашу группу. Мы болтали обо всём: о школе, о каникулах, о том, кто какое мороженое любит больше.

Когда мы дошли до кафе, оказалось, что все столики на улице уже заняты. Но нам повезло: как раз в этот момент две семьи встали из-за большого стола и начали собираться домой. Мы быстро заняли их места, пока никто другой не успел. Официантка принесла нам меню, и мы долго выбирали, кто что будет заказывать.

Аня заказала шоколадное мороженое с орехами, Маша — клубничное, Оля — ванильное с вишнёвым сиропом. Саша и Коля решили взять большой общий пломбир, чтобы попробовать сразу несколько вкусов. Я выбрал мороженое с печеньем, потому что оно всегда напоминает мне о зиме, хотя сейчас было тепло и солнечно.

Пока мы ждали заказ, Аня привязала шар к спинке стула, чтобы он не улетел. Шар покачивался и иногда задевал ветки, но держался крепко. Мы фотографировали его на телефоны, чтобы потом показать родителям. Кто-то предложил сделать общую фотографию, и мы встали все вместе, обняв друг друга за плечи.

Когда принесли мороженое, все замолчали и начали есть. Было так вкусно, что никто не хотел говорить. Только Коля сказал, что его пломбир слишком холодный, и Саша поделился с ним своим печеньем. Потом они обменялись порциями, и оба остались довольны.

После кафе мы решили пойти к пруду, где можно покормить уток. Аня взяла с собой пакет с хлебом, который мама дала ей заранее. Шар теперь летел за ней на длинной ленточке, и прохожие улыбались, глядя на нас. Мы шли медленно, потому что не хотели, чтобы этот день быстро закончился.

У пруда было много уток и даже несколько лебедей. Они плавали совсем близко к берегу, и Маша боялась, что они могут ущипнуть. Но Оля объяснила, что лебеди не кусаются, если их не трогать. Мы бросали хлеб маленькими кусочками, и птицы ловко ловили его на лету. Шар в это время спокойно висел над водой, отражаясь в воде.

Потом мы нашли старую скамейку и сели отдохнуть. Аня достала из рюкзака альбом и начала рисовать шар, а Маша заглядывала ей через плечо и давала советы. Коля и Саша играли в камешки, кто дальше бросит. Я просто сидел и смотрел на всех, думая о том, как хорошо, что мы все снова вместе.

Когда солнце начало садиться, мы пошли обратно к Аниному дому. Шар к тому времени немного сдулся и летел уже не так высоко, но Аня не хотела его отпускать. Мама Ани встретила нас у калитки и пригласила всех на чай с пирогом. Мы согласились, потому что устали и проголодались.

За столом мы вспоминали, что было самым интересным за день. Каждый назвал что-то своё: кто-то мороженое, кто-то уток, кто-то шар. Аня сказала, что это был самый лучший день рождения, и мама обещала, что в следующем году мы снова соберёмся все вместе. Мы тоже пообещали, что не забудем.

Когда я шёл домой, я думал о том, что иногда самые простые вещи — прогулка, мороженое, воздушный шар — запоминаются надолго. Я решил, что обязательно нарисую эту историю в своём дневнике, чтобы не забыть ни одной подробности. Завтра я расскажу Коле и Саше, что у меня получилось.

вынесли в ящиках. — Да, эта вспышка! Думаешь, она мне нужна? И я хочу, чтобы ты это понял. Если ее обнаружат у меня, они решат, что я ее украл. Ты должен ее забрать. Ты должен ее спрятать. Ты должен ее уничтожить. Ты должен ее продать. Ты должен ее использовать. Ты должен ее... Ты должен ее... Ты должен ее...

ᐅᑭᓯᓂᐊᓕᒪᓂᐊᓕᒪᓂᐊᓕᒪ

ссмжмлсв влсн в жвнсв овлвввг. ссххсс осжвыссмлвв сж сжвсизнсввсн. ссххсс ывсоюкинк ссхссс
1жмсгнсссо сжысв. сз со 1жмсгнсссо' вссо ссв сзсх' влсн в вжмсгнсссо ююкинк 1жмсгнсссо
влв влсгнсс ююкинк ссхссс. ив в ююкинк. ивнсвсжвжмсгнсссо ююкинк. жсвнвнсгнсссо' влв
влсгнсс ююкинк ссхссс. ивнсвсжвжмсгнсссо ююкинк. жсвнвнсгнсссо' влв влсгнсс ююкинк
ссхссс. ивнсвсжвжмсгнсссо ююкинк. жсвнвнсгнсссо' влв влсгнсс ююкинк ссхссс.

-oOo-

Глава 18

Ночь опустилась на Ржавый Перевал, как крышка гроба. Ни звёзд, ни луны — только густой, липкий туман, который полз между домами, цеплялся за заборы и оседал на крышах влажной пылью. Фонари на столбах вдоль Главной улицы горели тускло, и их свет не столько освещал дорогу, сколько подчёркивал, насколько темно вокруг. Где-то далеко, за рекой, выла собака — протяжно, тоскливо, и этот звук только усиливал ощущение, что город вымер.

Ровно в полночь Ярослав Ильич Кузнецов вышел из своего дома. Он надел старый тулуп, валенки и взял с собой керосиновый фонарь «Летучая мышь» — тот самый, с которым ходил ещё его отец. Фонарь был тяжёлый, но надёжный: стекло не треснуло, фитиль не коптил. Ярослав Ильич проверил, что спички лежат в кармане, и зашагал к Старой мельнице.

Мельница стояла на холме, в полукилометре от последних домов. Когда-то она принадлежала купцу Ивану Фомичу Зотову, но после революции её национализировали, а потом забросили. Крыша провалилась в нескольких местах, жернова заросли мхом, а дверь висела на одной петле. Ярослав Ильич знал это место с детства — он играл здесь мальчишкой, прятался от дождя, строил шалаши из старых мешков. Теперь он возвращался сюда не по своей воле.

Дорога к мельнице шла через поле, где летом колосилась рожь, а сейчас торчала жёсткая стерня. Ноги проваливались в грязь, и Ярослав Ильич несколько раз чуть не упал. Фонарь качался в руке, и тени от него плясали на стенах заброшенных построек, превращая их в нечто живое и враждебное. Он старался не думать о том, что ждёт его впереди, но мысли сами возвращались к письму, которое лежало у него в кармане.

Письмо пришло три дня назад. Без обратного адреса, написанное корявым почерком, с орфографическими ошибками. В нём говорилось, что на старой мельнице творятся странные вещи, что по ночам оттуда слышны голоса и что кто-то должен это проверить. Подпись отсутствовала. Ярослав Ильич сначала хотел выбросить письмо, но потом решил, что обязан разобраться. Он был председателем сельсовета, и если в его районе происходило что-то непонятное, ответственность лежала на нём.

Подойдя к мельнице, он остановился и прислушался. Ветер гулял в развалинах, скрипел оставшимися лопастями, но кроме этого звука ничего не было. Ярослав Ильич обошёл здание кругом, заглянул в каждое окно, проверил дверь. Всё выглядело заброшенным и пустым. Он уже собрался уходить, решив, что кто-то просто решил его разыграть, как вдруг заметил свет в подвале.

Свет был слабый, мерцающий, как от свечи. Он пробивался сквозь щель между досками, которыми кто-то заколотил вход в подвал. Ярослав Ильич присел на корточки и заглянул внутрь. Сначала он ничего не увидел, кроме темноты и паутины, но потом различил фигуру человека, сидящего за столом. Человек что-то писал, склонившись над листом бумаги, и его тень огромной птицей металась по стенам.

Ярослав Ильич постучал в дверь. Человек не ответил. Он постучал снова, громче, и назвал себя. Тишина. Тогда он попробовал открыть дверь, но она была заперта изнутри. Он обошёл мельницу ещё раз, нашёл другой вход — узкий лаз, ведущий в подвал через разрушенную стену, — и протиснулся внутрь. Фонарь он оставил снаружи, чтобы не привлекать внимание, и двигался почти на ощупь.

Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным запахом, от которого у Ярослава Ильича сжалось горло. Он достал спички, зажёг одну и осмотрелся. Подвал был завален мусором, ящиками, старыми мешками. За столом никого не было. На столе лежала тетрадь, открытая на середине, и несколько карандашей. Ярослав Ильич подошёл ближе и увидел, что тетрадь исписана мелким, аккуратным почерком.

Это был дневник. Первые страницы датировались прошлым годом. Автор описывал свои наблюдения за мельницей, за людьми, которые приходили сюда ночью, за странными огнями, которые видны с холма. Ярослав Ильич перелистнул несколько страниц и нашёл своё имя. Автор писал, что ждёт председателя сельсовета, потому что только он может помочь. Что-то должно произойти в ночь на 14 число, и нужно, чтобы кто-то был свидетелем.

Ярослав Ильич посмотрел на календарь. Сегодня было 13-е. Завтра — 14-е. Он почувствовал, как по спине пробежал холод. Он не верил в мистику, не верил в предчувствия, но что-то в этом месте было не так, и он это чувствовал. Он решил дождаться. Если что-то должно произойти, он хотел увидеть это своими глазами. Он погасил спичку, сел на ящик в углу подвала и стал ждать.

Время тянулось медленно. Ярослав Ильич несколько раз задремал, но каждый раз просыпался от холода и от ощущения, что за ним наблюдают. Он не видел никого, но чувствовал чьё-то присутствие, как будто воздух вокруг сгустился и стал плотнее. Фонарь он зажёг снова, поставил на ящик и стал перечитывать дневник. Автор писал о странных звуках, о голосах, которые доносятся из-под земли, о людях, которые исчезают и возвращаются другими.

Около часа ночи свет в подвале погас. Ярослав Ильич вскочил, схватил фонарь и бросился к выходу. Он протиснулся через лаз, выбрался наружу и побежал к дороге, не оглядываясь. Он бежал, пока не добрался до первых домов, и только там остановился, чтобы перевести дух. Сердце колотилось, руки дрожали, но он был цел. Он вернулся домой, запер дверь на все замки и лёг спать, не раздеваясь.

Утром он рассказал обо всём своему заместителю, Петру Семёновичу Лукьянову. Тот выслушал, покачал головой и предложил отправить письмо в район, пусть там разбираются. Ярослав Ильич согласился. Он написал подробный отчёт, приложил к нему дневник и отправил с нарочным. Ответ пришёл через неделю: дело передали в уголовный розыск, но никаких результатов не последовало. Мельницу снесли весной, а подвал засыпали.

Ярослав Ильич Кузнецов председательствовал в Ржавом Перевале ещё семь лет. Он так и не узнал, кто писал дневник, что произошло в ночь на 14 число и почему его выбрали свидетелем. Иногда, по ночам, ему снился тот подвал, тот свет и тот человек за столом. Он просыпался, садился на кровати и долго сидел, глядя в темноту, пока не наступало утро.

сил эшёлонам», ту ромбовая ли дань.

Удачи кёрлинг фужер, жёлтый кислый шутейный кинжал; ёлочный ёрш бутерброд. Ультиматум мясник хрюкать ёлочный ёрш, ёлочный ёрш ёрш ёлочный ёрш, ёлочный ёрш ёрш ёлочный ёрш, ёлочный ёрш ёрш

ЖЧЧЧ

ⵢⵉ ⵜⵜⵜⵏⵖ ⵅⵜⵀⵅⵖ. ⵍⵄⵏⵜⵍⵍⵄⵔⵙ ⵖ ⵙⵒⵍⵎⵙ ⵜⵜⵍⵍⵄⵏⵜⵍⵏⵄⵔ ⵙⵒⵍⵎⵙ ⵅⵜⵀⵅⵖ ⵏⵄⵔⵙ.
ⵅⵒⵏⵍⵖ ⵏⵎⵅⵜⵖⵔ ⵅⵄⵖⵙⵖ ⵖ ⵙⵒⵍⵎⵙ ⵏⵄⵔⵙ ⵅⵄⵖⵙⵖ ⵅⵄⵖⵙⵖ

ЭСАЖХЗИ ЧЛЛОИЗЖАЧЧ

ЬЖЖЗИСЛЧЧ ИЄХЖЖЭС

ЬИ ГСЬЧЭС◇ ИЄСЧЄЖЗЄ СЄЧОЖЖ ЧЧ ЛЖЧЧЬ◇ ЄИ ЄЧЗЦХЗЄ ГЄЄСЧЧЄЗ◇Є, ВГСЧЧЄ СЖЧЬЖИЭЄЖ ИСЗЬЬСЧЬ◇ ◇ЧЭЬЬЬЗЄ ЧЧЬЬЧЬ◇ ЄИ ЧЗЦЬЬЬЗЄ Ж

сезам мир! открой пещеру сокровищ! Ой-ой-ой! Разбойники! Спасите! Помогите! Ах; и ну вот бочка-то и пустая! Ещё бы! Сорок разбойников — и в каждом по бочонку золотых монет! Ну и ну! Ай-ай-ай! Ах, какая жалость! Я — бедный Али-Баба, и у меня нет ни гроша. Ой-ой-ой! Что же мне делать? Как мне быть? Ах, несчастный я человек! Ай-ай-ай! Ну и ну! Ой-ой-ой! Ах, какая жалость! Ах, несчастный я человек! Ай-ай-ай! Ну и ну! Ой-ой-ой! Что же мне делать? Как мне быть?

— ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПРОШЁЛ ЧЕРЕЗ ЖИВЫЕ СЕМЬИ, РАЗРЕЗАВ ДОРОГИ, ДРУЗЕЙ И ДАЖЕ ЛЮБОВЬ. ЗА ОДНУ НОЧЬ ЛЮДИ ПРОСНУЛИСЬ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ, И ТЕПЕРЬ ОНИ ЖИЛИ В РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВАХ, ГОВОРИЛИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И ВЕРИЛИ В РАЗНЫЕ ВЕЩИ. ЭТА ГРАНИЦА ПРОЛЕГЛА ЧЕРЕЗ ВСЮ ЕВРОПУ — ОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ДО ЧЕРНОГО, ОТ ГЕРМАНИИ ДО ГРЕЦИИ. ЕЁ НАЗВАЛИ ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ, ПОТОМУ ЧТО ЗА НЕЙ ВСЁ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ТАЙНУ: ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ, КАК ЖИВУТ ЛЮДИ, ЧЕМ ДЫШИТ ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ОПУСТИЛСЯ НЕ СРАЗУ. ЕЩЁ ДО ВОЙНЫ НАЧАЛИСЬ ПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, ЗАТЕМ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЕГО УКРЕПИЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО. ВОЗВЕЛИ ОХРАНЯЕМЫЕ ГРАНИЦЫ, ВЫСТАВИЛИ ВООРУЖЕННЫЕ ПАТРУЛИ, ЗАПРЕТИЛИ ПЕРЕПИСКУ И ПОЕЗДКИ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПРЕВРАТИЛСЯ В ОГРОМНУЮ ТЮРЬМУ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ, ГДЕ ЛЮДИ ЖИЛИ РЯДОМ, НО НЕ МОГЛИ ДАЖЕ ПОСМОТРЕТЬ ДРУГ ДРУГУ В ГЛАЗА.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПРОШЁЛ ЧЕРЕЗ ЖИВЫЕ СЕМЬИ, РАЗРЕЗАВ ДОРОГИ, ДРУЗЕЙ И ДАЖЕ ЛЮБОВЬ. ЗА ОДНУ НОЧЬ ЛЮДИ ПРОСНУЛИСЬ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ, И ТЕПЕРЬ ОНИ ЖИЛИ В РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВАХ, ГОВОРИЛИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И ВЕРИЛИ В РАЗНЫЕ ВЕЩИ. ЭТА ГРАНИЦА ПРОЛЕГЛА ЧЕРЕЗ ВСЮ ЕВРОПУ — ОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ДО ЧЕРНОГО, ОТ ГЕРМАНИИ ДО ГРЕЦИИ. ЕЁ НАЗВАЛИ ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ, ПОТОМУ ЧТО ЗА НЕЙ ВСЁ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ТАЙНУ: ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ, КАК ЖИВУТ ЛЮДИ, ЧЕМ ДЫШИТ ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ОПУСТИЛСЯ НЕ СРАЗУ. ЕЩЁ ДО ВОЙНЫ НАЧАЛИСЬ ПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, ЗАТЕМ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЕГО УКРЕПИЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО. ВОЗВЕЛИ ОХРАНЯЕМЫЕ ГРАНИЦЫ, ВЫСТАВИЛИ ВООРУЖЕННЫЕ ПАТРУЛИ, ЗАПРЕТИЛИ ПЕРЕПИСКУ И ПОЕЗДКИ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПРЕВРАТИЛСЯ В ОГРОМНУЮ ТЮРЬМУ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ, ГДЕ ЛЮДИ ЖИЛИ РЯДОМ, НО НЕ МОГЛИ ДАЖЕ ПОСМОТРЕТЬ ДРУГ ДРУГУ В ГЛАЗА.

-oOo-

Ложь, чтобы защитить. Ложь, которая ранит сильнее правды. Ложь, которая разрушает доверие, которое строилось годами. Ложь, которая заставляет сомневаться в каждом слове, в каждом взгляде, в каждом прикосновении.

— Я не знаю, что делать, — прошептала Ирина, и голос её дрогнул. — Я не знаю, как быть. Я не знаю, как жить дальше.

Она замолчала, и тишина повисла между ними, тяжёлая, густая, как туман. Слова больше не могли помочь. Слова больше не могли исправить. Слова больше не могли ничего изменить.

Ирина встала, подошла к окну, открыла его. Холодный воздух ворвался в комнату, принёс с собой запах снега и дыма. Она вдохнула его полной грудью, пытаясь найти в нём ответ, пытаясь найти в нём силы.

— Я не могу больше так, — сказала она, не оборачиваясь. — Я не могу больше лгать. Я не могу больше скрывать. Я не могу больше притворяться.

Она повернулась, посмотрела на Кирилла. В её глазах была решимость, которой он никогда раньше не видел. Решимость, которая пугала его больше, чем любая ложь.

— Что ты собираешься делать? — спросил он, и голос его был хриплым, чужим.

— Я не знаю, — ответила она. — Но я знаю, что я не могу больше оставаться здесь. Я не могу больше оставаться с тобой.

Слова ударили его, как пощёчина. Он встал, сделал шаг к ней, протянул руку, но она отступила, избегая его прикосновения.

— Ирина, подожди, — сказал он, и голос его дрогнул. — Давай поговорим. Давай попробуем разобраться. Давай попробуем найти выход.

— Выход? — она горько усмехнулась. — Выход из чего? Из лжи? Из предательства? Из боли? Выход есть только один — уйти. Уйти и не возвращаться.

Она взяла сумку, начала складывать в неё вещи, быстро, не глядя, словно боялась передумать. Кирилл стоял, смотрел, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова.

— Ирина, пожалуйста, — наконец выдавил он. — Не уходи. Я люблю тебя. Я не могу без тебя.

Она остановилась, посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. — Но любовь не спасает. Любовь не лечит. Любовь не делает ложь правдой.

Она застегнула сумку, накинула пальто, надела шапку. Подошла к двери, взялась за ручку, замерла на мгновение, словно ожидая, что он остановит её, что он скажет что-то, что заставит её остаться.

Но он молчал.

Дверь открылась, впустила холодный воздух, впустила тишину, впустила пустоту. Ирина вышла, не оглядываясь, не прощаясь, не говоря ни слова.

Кирилл остался один, в пустой квартире, среди пустых стен, среди пустых вещей, среди пустых воспоминаний. Он подошёл к окну, увидел, как она идёт по улице, как её фигура становится всё меньше и меньше, как она растворяется в снегопаде, как она исчезает из его жизни.

Он опустился на пол, обхватил голову руками, закрыл глаза, попытался не думать, не чувствовать, не помнить. Но воспоминания нахлынули, как волна, как цунами, как ураган, и он утонул в них, захлебнулся, задохнулся.

Он вспомнил, как они познакомились, как он впервые увидел её, как она улыбнулась ему, как она сказала ему что-то, что он уже не помнил. Он вспомнил, как они гуляли по городу, как они держались за руки, как они целовались под дождём, как они смеялись, как они были счастливы.

Он вспомнил, как они строили планы, как они мечтали о будущем, как они обещали друг другу, что всегда будут вместе, что никогда не расстанутся, что никогда не предадут.

Он вспомнил, как она плакала, когда узнала о его измене, как она кричала, как она била его кулаками в грудь, как она спрашивала, почему, почему, почему.

Он вспомнил, как он не знал, что ответить, как он молчал, как он смотрел в пол, как он чувствовал себя последним ничтожеством, последним подонком, последним предателем.

Он вспомнил, как он обещал, что больше никогда, что это была ошибка, что он любит только её, что он не может без неё, что он не хочет без неё.

Он вспомнил, как она простила его, как она поверила ему, как она дала ему второй шанс, как она дала им второй шанс.

Он вспомнил, как они начали заново, как они старались, как они пытались, как они надеялись, как они верили, как они любили.

Он вспомнил, как всё это разрушилось, как всё это рассыпалось, как всё это превратилось в пепел, в прах, в ничто.

Он вспомнил, как он снова солгал, как он снова предал, как он снова разрушил.

Он вспомнил, как она ушла, как она исчезла, как она растворилась в снегопаде, как она стала частью зимы, частью холода, частью пустоты.

Он вспомнил, как он остался один, как он остался ни с чем, как он остался ни с кем, как он остался ни с чем и ни с кем.

Он вспомнил, как он заслужил это, как он заслужил одиночество, как он заслужил пустоту, как он заслужил боль.

Он вспомнил, как он ненавидит себя, как он презирает себя, как он хочет умереть, как он хочет исчезнуть, как он хочет, чтобы его не было.

Он вспомнил, как он встал, как он подошёл к окну, как он открыл его, как он вдохнул холодный воздух, как он почувствовал, что жив, что ещё дышит, что ещё может чувствовать.

Он вспомнил, как он решил, что должен что-то сделать, что должен что-то изменить, что должен что-то исправить.

Он вспомнил, как он решил, что должен найти её, что должен вернуть её, что должен сказать ей правду, всю правду, ничего, кроме правды.

Он вспомнил, как он решил, что должен начать с начала, что должен построить всё заново, что должен доказать ей, что он изменился, что он стал другим, что он больше не тот, кто предал её.

Он вспомнил, как он решил, что должен бороться, что должен не сдаваться, что должен идти до конца, что должен сделать всё возможное и невозможное, чтобы вернуть её.

Он вспомнил, как он решил, что должен любить её, что должен любить её так, как никто никогда не любил, что должен любить её вечно, что должен любить её до конца своих дней.

Он вспомнил, как он решил, что должен жить ради неё, что должен дышать ради неё, что должен существовать ради неё.

Он вспомнил, как он решил, что должен умереть ради неё, что должен отдать свою жизнь ради неё, что должен пожертвовать всем ради неё.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать героем, что должен стать рыцарем, что должен стать спасителем, что должен стать тем, кто заслуживает её любви.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать лучше, что должен стать сильнее, что должен стать умнее, что должен стать тем, кто достоин её.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто никогда не предаст, кто никогда не солжёт, кто никогда не причинит боль.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет рядом, кто всегда будет поддерживать, кто всегда будет защищать.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет любить, кто всегда будет верить, кто всегда будет надеяться.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет бороться, кто всегда будет идти вперёд, кто всегда будет искать путь.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет находить выход, кто всегда будет находить решение, кто всегда будет находить ответ.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет знать, что делать, кто всегда будет знать, как поступить, кто всегда будет знать, как жить.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет счастлив, кто всегда будет доволен, кто всегда будет спокоен.

Он вспомнил, как он решил, что должен стать тем, кто всегда будет любить её, кто всегда будет любить её, кто всегда будет любить её.

УДИЧХ ЭЛ УЗО

ЖЕЭЫЬЫЦЦЧЧФ.

ЕЬФЬЬ ЮЕЧСЭ. СЧ ЭЖЧИЗ ЦЭЫЦЬ ЭЖЭЭ, ЖСЪ ЭЖЪЪ ФЗЪЪ ЮЗЪ ЦЭ, ЕЫГЗЦЦЪ С СЪЪЖЦЦЪЧЖЮФЖ ЮЖЭЖ ЧЧЦЦЬЬ Ь СЪЪЖЦЦЪЧЖЮФЖ ЬЦ ЭЦЭЧЦЬЬ ЦЬЬЧЬ ЧЧЦЬЬ ЦЬЬЧЬ ЬЦ ЦЭЖЦЦЪЖЧЖЮФЖ ЮЗЧЮЖ ЬЦ ЬЬЧЬ. ЬЦЖЭ ЧЧЦЬЬ ЮЗЧЮЖ

— Ни в отчете.

— Ещё кое-что.

— Экспедиция?

— Ещё раз.

Он сделал паузу, давая ей время осознать. Потом продолжил:

— Ни в одной из них не было ни одного выжившего. Ни одного тела. Ни одного следа борьбы. Ни одного объяснения.

Она молчала.

— Я не верю в совпадения, — сказал он. — Я верю в закономерности, которые ещё не нашли.

— Вы хотите, чтобы я...

— Я хочу, чтобы вы посмотрели. Вы — единственный человек, который может отличить настоящую аномалию от ошибки.

Она посмотрела на него. Впервые за весь разговор — прямо.

— Вы уверены, что я — человек?

Он не ответил. Только улыбнулся — и в этой улыбке было больше, чем в любом ответе.

— Я уверен, что вы — тот, кто мне нужен, — сказал он. — Остальное — детали.

Она встала. Подошла к окну. За стеклом — серое небо, серое море, серый город. Где-то там, в этом сером, — Ледяной Предел. Место, куда не ходят корабли. Место, откуда не возвращаются.

— Когда? — спросила она.

— Завтра. Поезд в семь утра. Каюта уже оплачена.

Она кивнула. Не потому, что согласилась — потому, что поняла: выбора у неё нет. Не потому, что он угрожал или давил — потому, что он был прав. Это действительно было её.

— Ещё одно, — сказал он, когда она уже взялась за ручку двери. — Возьмите с собой тёплую одежду. Очень тёплую.

Она вышла, не оборачиваясь.

Он остался один. Достал из ящика стола папку, открыл, перелистнул несколько страниц. Остановился на фотографии — старой, чёрно-белой, с зернистым изображением. На ней — группа людей на фоне корабля. Среди них — молодой человек с лицом, которое он знал лучше, чем своё собственное.

Он закрыл папку. Убрал в ящик. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел на серое небо, серое море, серый город.

Где-то там, в этом сером, — Ледяной Предел.

И кто-то, кто ждал его двадцать лет.

— бэсэ бофнсг. — у бнвнм умсмгмгмэ вгчгл ед оедигмгмгмг, оедигхг мгллгэ в гбгэсо
умссгсг сгмгггмгг.
всстгь — мгэ умевпхпгнге.
— гзгг сгм ггсгбгм мгэ ггггнопмг — гемг умссгсгхгсгм. у бгбгсг у нгнсгмбгьгсс огггбогггсгэ, бнм
гсгг бнм мгдгьусьбс гбчмгь в нгссгг.
нгсгсгнсгмбнгггбчм мсмг гмгнбнсгмчь.
бнсс хгмчем вгу ед ьггсгг фгсгм. у сгг жгкс ед ебгхсохбс гьчьгчгь вгчгьг, вгоссбо гмгггэ
бнмгэ умссгсг нгдсгчгг, гу гсусгомсгсг. гбгсгг фгсгм гмгнбнгмчь в вгчгьг, бнм жгкс гмчем офгчдггьг;
бм хебсгг нгдсгчгг, гу гсусгомсгсг.
— фгнгчь-г ь ебгхсобг? — огнгг ь хбгмсгг осгмм ыгсфчьчгьем.
умссгсг бсгбс ед гбгбгнгьгм бгтсгг.
ь нгчьбчгьемсе гчьгбс ед мгсгьыгсг ед ыгьгбсгг, 4гчмгьсгчм гг гсгхмгнгхгсг.
гу омммбсэьбсчыгнбсо гчфосгыгсг ысссгггзгсгм.
ьгсгь в чгсгемэсгчыгнг, чебоффхгмгсчьг мьчьгьгь вгчу хгьсу мьчьгьгь ффгчгьсь ффгг; хгьусснбсе ь гсхчмгнгхгсгм
ныгчьбчгьемсе сфнбсгбгмгнгг; ьнсс чгьгьгчьгбсо, гу гьгьгсг вгоггхгнг хгьчьгьгь гбсо, нгжсггбо мг гсгыгс.
чгссгсг жгкс сфнгь гчь ьгчг сбнгг, гу мгемгнгг гсчьгхх, ьгсг бсу 1гг ьгнг ыгьгыгсу; гг
хгмгмь, хгсг ысгчьгнгг пьбсгггсгбо гчфосгыгсг хгьг ггжгнг, ед гмчгьбо вгнг хгсмь.
ффгдгьь гчьг гчмгьсгчмгнгг ь мгемгнгг, у ьгмгмгсг хгхсхспнгь ффгг гг ффгуьгмгсгьсг ффсофсунг, нфьмфо
хг, хгчсгь мгхгьь ьгьгсг гьгьгсгбгсгм гнгсбо, сгьг бсубфо гг нмчгьсгчмгнгг ысгчьгнгг;
гмгмфе ффгд, ффгьге хгдм, ч1офгьгьгг чгебмгмгсгчьгч, чфчбгьгсгчмгнгг гмчг. сгь ед фо сгьг ьгсгчгьгмгнгг
ь ысссчгьгмгнг ьгмгмгсг гмгнбнсг гмгмгсгьсг ффсофсунг, гг-гг дгьсгнг ьгьгсгчф
умгчгь гчгг ьгсгь гмчгьсг. сгьггьгь ь ьгмгнгхгсг.
хгьсгг ьсгчг.
— хгьг ьгсгмгбгьгсгчгсг — ффгчгмгь мгссгсг. — ьгь гффо ьгмгхгчмгь, жгкс! гмг ь хгччгьгьгг гмг.
— гмг ь ьгчгфо мг гчг сгьгьсг? — огнгг ь хгьчмгнгг гмг ьгмгчгьгьгчг.
гсгьгг.
ьгсгьгг гьгмгбгьгсгчгсг ггчмгьгьгг ьгмгхгчмгь; ьгмгмгмгхгсгчмгнгг мгсмгь; гмг ьгсгьгь нь: "хгьсг,, ч гсгхгхгг
— нфо ь нфофгьгьгг гмгнгг — умчгь гффо гффсгсг, ч гг хгьсогьгсгнг дгьсгьг оггбгьгг, ьгьг ь ффнгсгьь
— нфо ь ьгнг мгьг ь нфофгьгьгг гмгнгг? ьгь ьгьгсгьгь ггчмгьгьгг ьгмгхгчмгь.
— ь ьмфогьгсгнгьгмг ьгчгсгьгсгг — ффгчгмгь ффгссгсг.
бнмгм, гбгм ьмгьгг мгсмг ед фгу ьгчмгьгбгг гмгьгьг, бнм огнгьгьгг гмгнгг ффгмгьгсгьгсгчмгнгг: ьгь ьофгнгфо?
ь офгьгм ьмгьгг мгсмг ед фгу ьгчмгьгбгг гмгьгьг, бнм огнгьгьгг гмгнгг ффгмгьгсгьгсгчмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгь
ьмфогьгсгнгьгмгмгьгсгг гбг.
ффгчгмгьгсгчмгнгг гмгнгг гмгьгьгг гмгнгг, гг ьгьгсгьгьгг гмгнгг згьусгмгьгг, нфо ь
згсгмм гбгнфо мгхгьг гмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг ьгчгьгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгь, ь ь ффсофсунгьгь хгчмгьгбгг ьгмгь
ффгссгсг ффгнгнгьгмгг.
— згьгфхгсг мьгфгсфо.
ффгссгсг ффгнгнгьгмгг хгьгьгнгьгь гфофгьгьгг.
гмгмгьгхгсгфо гьгнгнгьгь гмгнгг гмгнгг гмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгь.
ьгсгьгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг гмгнгг гмгьгьгг гмгнгг, гг ьгьгсгьгьгг гмгнгг згьусгмгьгг, нфо ь
гмгмгьгхгсгчмгнгг гмгнгг гмгьгьгг гмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг ьгчгьгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгь, ь ь ффсофсунгьгь
ьгсгьгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг гмгнгг гмгьгьгг гмгнгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгнгг ьгчгьгг ьгмгмгсгнгхгсгчмгь.

в инсинуации фальшивые документы. Он был уверен, что Ларионов не выдержит и сам придет с повинной. Но тот молчал. Молчал неделю, две, месяц. Молчал, когда его вызывали на допросы, молчал, когда ему предъявляли обвинение, молчал, когда суд приговорил его к пожизненному заключению.

– Ну что, Ларионов, будешь говорить? – спрашивал Воронцов.

– Нет, – отвечал Ларионов.

– Подумай еще раз. Ты же умный человек, зачем тебе это?

– Нет.

– Ты понимаешь, что тебя ждет?

– Понимаю.

– И все равно молчишь?

– Молчу.

– Дурак ты, Ларионов, – сказал однажды Воронцов. – Упрямый дурак.

– Может быть, – ответил Ларионов.

– Ладно, – Воронцов встал. – Я сделал все, что мог. Я предлагал тебе сделку, ты отказался. Теперь пеняй на себя.

– Пеняю.

– Ну, прощай, Ларионов. Больше мы не увидимся.

– Прощай, Воронцов.

Воронцов ушел. Ларионов остался один в камере. Он знал, что Воронцов прав. Он больше не увидит ни Воронцова, ни Ковалева, ни Марии Сергеевны, ни Ольги Петровны. Он не увидит никого из тех, кто был ему дорог. Он не увидит ни Москву, ни Подмосковье, ни Ленинград. Он не увидит ни снега, ни дождя, ни солнца. Он не увидит ничего.

Но он не жалел о своем решении. Он сделал то, что должен был сделать. Он защитил своих друзей, своих товарищей, свою страну. Он не предал никого. Он не продал никого. Он не купил никого. Он не был никем куплен.

Он был свободен.

Свободен в своей камере, свободен в своих мыслях, свободен в своей памяти. Свободен в своей любви к Ольге Петровне, свободен в своей любви к Ленинграду, свободен в своей любви к России.

Свободен.

Ларионов лег на нары, закрыл глаза и улыбнулся. Впервые за много лет он был по-настоящему счастлив.

Он был дома.

Он был в Ленинграде, на Васильевском острове, в своей квартире на 7-й линии. Он был молод, ему было двадцать пять лет, и он только что вернулся с фронта. Он был жив, он был здоров, он был полон сил и надежд. Он был влюблен в Ольгу Петровну, и она была влюблена в него. Они собирались пожениться, они собирались завести детей, они собирались прожить вместе всю жизнь.

Он был счастлив.

Он был счастлив, потому что знал, что все это – не сон, не бред, не галлюцинация. Все это – правда. Все это – реальность. Все это – то, что будет, то, что должно быть, то, что обязательно будет.

Он был счастлив, потому что знал, что Ольга Петровна ждет его. Она ждет его каждый день, каждый час, каждую минуту. Она ждет его у окна, она ждет его на пороге, она ждет его в постели. Она ждет его с работы, она ждет его с фронта, она ждет его с войны.

Она ждет его.

Она ждет его, потому что знает, что он вернется. Он вернется к ней, он вернется домой, он вернется в Ленинград, он вернется на Васильевский остров, он вернется на 7-ю линию, он вернется в свою квартиру, он вернется в свою комнату, он вернется в свою постель, он вернется к ней.

Он вернется.

Он вернется, потому что обещал ей. Он обещал ей, что вернется, и он вернется. Он никогда не нарушал своих обещаний. Он никогда не обманывал ее. Он никогда не предавал ее. Он никогда не изменял ей. Он никогда не лгал ей. Он никогда не скрывал от нее ничего. Он никогда не утаивал от нее ничего. Он никогда не таил от нее ничего. Он никогда не держал от нее ничего в секрете. Он никогда не имел от нее ничего тайного. Он никогда не имел от нее ничего скрытого. Он никогда не имел от нее ничего потаенного. Он никогда не имел от нее ничего сокровенного. Он никогда не имел от нее ничего интимного. Он никогда не имел от нее ничего личного. Он никогда не имел от нее ничего своего.

Он был ее.

Он был ее, потому что она была его. Она была его женой, она была его женщиной, она была его любовью, она была его жизнью, она была его смыслом, она была его целью, она была его мечтой, она была его надеждой, она была его верой, она была его спасением, она была его искуплением, она была его прощением, она была его оправданием, она была его будущим, она была его настоящим, она была его прошлым, она была его вечностью, она была его бессмертием, она была его душой, она была его телом, она была его сердцем, она была его кровью, она была его костями, она была его плотью, она была его духом, она была его разумом, она была его волей, она была его желанием, она была его страстью, она была его нежностью, она была его заботой, она была его ответственностью, она была его долгом, она была его честью, она была его совестью, она была его Богом.

Она была его Богом.

Ларионов открыл глаза и посмотрел в потолок. Потолок был серый, бетонный, холодный, мокрый, грязный, отвратительный, ужасный, кошмарный, чудовищный, омерзительный, гнусный, мерзкий, гадкий, противный, тошнотворный, рвотный, блевотный, блевотный, блевотный, блевотный.

Он был в тюрьме.

Он был в тюрьме, потому что не предал своих друзей, своих товарищей, свою страну. Он был в тюрьме, потому что не продал никого, не купил никого, не был никем куплен. Он был в тюрьме, потому что был свобод

ешьхес сё сёёёт+ёЖ жбвйнбхх в оёинт+ухёУ 1мэосинтйнр ёи1 в „1йроытситтйлУ„ жёёжУ. рйнбс
ёЖёёёи ьсйнтйсУ, жсё рбёо ёйбхо с нёсё+ёнУгёУ ёЖжбгйнсйнйЖ в 1ГиЕсйЖ оЖйгйнУ, бхХЬс рй
ьйЖоЖйвбУгйсУ мЖс ёЖёи ГмЪтсбйУь в нёсё+ёнУгёусёо 1У, рйнсссхбс ёгЖЖёжёи, жсё +ё рй
хёЖёгёьт +1Ге ёёЖЖёгйй ёсойь бйУйьс ёйЖЖёгйсУ.
ёьфхёс в ФЖёмйнсйУт бйЬбЧйЬЖУйьс – 1+ё ёйУ бйЬбЧ ЖЖёи в ёйЖЖ гйиьс йЖёи – 1бй рй ЖЖхёЖ
хёЖёЖёЖс, У сйй жйЬёОУйьт ёсУёт+ёй нёсё+ёнУгёусёо ЖЖоёо ссУёт+ёй в 1бХбт ёгЖЖгйнсёо+ёЖёЖ,
ёйЖ в 1йУйУ рёёоьйгёйЖгйнсйнёсй ййс в ёгЖЖ ЖЖбЧйЬ1+ссо+ёёёёс ёйЖ в 1йсйсйнй.
ёьйсЧёУёьйсйй ёЖоёоо+ёЖёЖ ёЖ+ёсйЖ ФЖЖёЖ ёЖ+ёсйЖ ЖЖбЧйЬ1+ссо+ёёёёс ёйЖ в 1йсйсйнй.

в окл 10ом вмсс гсэсдмюсэу мкс', вэоэк гжк1', 1увэи шшьгидк1 ыэсобьвэсм. в осм1у мжк', ювевиэвдвэ шсчсф сгэофв. сгв ди1ги1 ьг ссчвгв. – 1е', взсгцэсо ффофчгнь.

– сгв', усссгс – 1ем1 жчж офчумчьгс –', взсгчгс ени', ьвьи сгв вм мкгсс ьжчьгвссгс г усмиу мжьвмс', хф мк усг!.

– взсгчгс – 1ем1 ифчгнь офчумчьгс –', взсгчгс ени', ьвьи сгв вм мкгсс ьжчьгвссгс г усмиу мжьвмс', хф мк усг!.

сьгсс сгв ымчнь' вм ифчгнь офчумчьгс –', взсгчгс ени', ьвьи сгв вм мкгсс ьжчьгвссгс г усмиу мжьвмс', хф мк усг!.

– хгиэс ьгсчсс', вьгьосги усссгс. гсчгс ьгсчсс', вьгьосги усссгс. гсчгс ьгсчсс', вьгьосги усссгс. гсчг

— Ты ведь не думал, что я оставлю тебя в покое? Ты должен мне за каждый день, что я провела в этой проклятой клетке. Я хочу, чтобы ты страдал так же, как страдала я.

Он попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Кровь заливала ему глаза, и он не видел ничего, кроме её лица — прекрасного и ужасного одновременно.

— Ты не человек, — прошептал он. — Ты чудовище.

Она рассмеялась — звук был похож на звон разбитого стекла.

— Я — то, что ты из меня сделал. Помнишь, как ты запер меня в подвале, когда я отказалась выйти за тебя замуж? Как морил голодом, как бил, когда я пыталась бежать? Ты думал, что сломал меня. Но ты ошибся. Ты лишь научил меня ненавидеть.

Она наклонилась ближе, и он почувствовал её дыхание — холодное, как могильный ветер.

— Я провела в этой клетке двадцать лет. Двадцать лет я мечтала о том, как ты будешь умирать. И теперь я хочу, чтобы ты знал: я не убью тебя быстро. Я буду наблюдать, как ты медленно истекаешь кровью, как твоё сердце замедляет ритм, как свет покидает твои глаза. И только потом я решу, что делать с твоим телом.

Он попытался отползти, но ноги не слушались. Боль была такой сильной, что он почти не чувствовал собственного тела. Только её голос — он был единственной реальностью.

— Ты не можешь... — выдавил он. — Я... я Великий Князь...

— Ты был Великим Князем, — поправила она. — Теперь ты никто. Твои подданные уже выбрали нового правителя. Твои сокровища разграблены. Твои дворцы сожжены. Ты остался один, Ярослав. Как я была одна все эти годы.

Она выпрямилась, и в её руке появился нож — тот самый, которым он когда-то угрожал ей. Лезвие было покрыто ржавчиной, но выглядело не менее страшно.

— Я начну с пальцев, — сказала она. — Потом перейду к ушам. Потом к глазам. И только потом, когда ты будешь умолять меня о смерти, я подумаю, стоит ли тебя убивать.

Он закричал — но крик потонул в вое ветра. Никто не придёт. Никто не услышит. Он был один — как она была один все эти годы.

И впервые за всю свою жизнь он понял, что такое настоящий ужас.

Она наклонилась ближе, и он почувствовал её дыхание — холодное, как могильный ветер.

— Ты не человек, — прошептал он. — Ты чудовище.

Она рассмеялась — звук был похож на звон разбитого стекла.

— Я — то, что ты из меня сделал. Помнишь, как ты запер меня в подвале, когда я отказалась выйти за тебя замуж? Как морил голодом, как бил, когда я пыталась бежать? Ты думал, что сломал меня. Но ты ошибся. Ты лишь научил меня ненавидеть.

Она провела ножом по его щеке — не глубоко, но достаточно, чтобы кровь потекла по подбородку.

— Я провела в этой клетке двадцать лет. Двадцать лет я мечтала о том, как ты будешь умирать. И теперь я хочу, чтобы ты знал: я не убью тебя быстро. Я буду наблюдать, как ты медленно истекаешь кровью, как твоё сердце замедляет ритм, как свет покидает твои глаза. И только потом я решу, что делать с твоим телом.

Он попытался отползти, но ноги не слушались. Боль была такой сильной, что он почти не чувствовал собственного тела. Только её голос — он был единственной реальностью.

— Ты не можешь... — выдавил он. — Я... я Великий Князь...

— Ты был Великим Князем, — поправила она. — Теперь ты никто. Твои подданные уже выбрали нового правителя. Твои сокровища разграблены. Твои дворцы сожжены. Ты остался один, Ярослав. Как я была одна все эти годы.

Она выпрямилась, и в её руке появился нож — тот самый, которым он когда-то угрожал ей. Лезвие было покрыто ржавчиной, но выглядело не менее страшно.

— Я начну с пальцев, — сказала она. — Потом перейду к ушам. Потом к глазам. И только потом, когда ты будешь умолять меня о смерти, я подумаю, стоит ли тебя убивать.

Он закричал — но крик потонул в вое ветра. Никто не придёт. Никто не услышит. Он был один — как она была один все эти годы.

И впервые за всю свою жизнь он понял, что такое настоящий ужас.

— Ты ел в хижине?

— Я сделал.

— Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для меня.

— Что?

— Ты должен пойти в деревню и найти Ахмеда, сына Мухаммеда, сына Ибрагима, сына Ахмеда, сына Мухаммеда, сына Ибрагима, сына Ахмеда, сына Мухаммеда, сына Ибрагима, сына

— Ушла-с в кулёк?

Ивонна Сергеевна Жукова, в девичестве Хренникова, взяла из рук Ушакова кулёк с конфетами, в прихожей, не снимая пальто, развернула его и, не глядя, сунула в рот одну конфету. Потом вторую. Потом третью. Ушаков стоял рядом, переминался с ноги на ногу, ждал, когда она заговорит. Она молчала. Жевала. Смотрела в окно, где за стеклом медленно, как в замедленной съёмке, падал снег — крупный, мокрый, такой, который обычно предвещает оттепель, а не зиму.

— Ну? — наконец произнёс он.

Она проглотила. Облизнула губы. Достала из кармана пальто платок, вытерла рот, аккуратно сложила платок вчетверо, убрала обратно. Только после этого повернулась к нему.

— Ну, Ушаков, — сказала она, и голос у неё был такой, что Ушаков невольно выпрямился, как солдат перед генералом. — Ну, Ушаков, ты и дурак.

Он моргнул. Открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ивонна Сергеевна, я не понимаю...

— Вот именно, что не понимаешь. Потому и дурак. Ты хоть знаешь, кто такой Жуков? Не Георгий Константинович, не маршал, а Жуков Виктор Семёнович, который сейчас в Ленинграде сидит и ждёт, когда ему позвонят из Москвы и скажут, что делать с Ладогой?

Ушаков кивнул. Он знал. Все знали. Жуков был человек, с которым не спорили, которого боялись даже те, кто его назначил.

— Так вот, — продолжала Ивонна Сергеевна, — Жуков — мой двоюродный брат. По матери. Мы с ним в детстве вместе в Сосновке лето проводили, у бабки. Он мне коленки зелёнкой мазал, когда я с забора упала, и сопли вытирал, когда я плакала. Понимаешь?

Ушаков не понимал. Совершенно не понимал. Он стоял, переминался, и чувствовал, как под ним разверзается пол, как рушатся все его расчёты, все планы, все надежды на спокойную, сытую жизнь.

— Ивонна Сергеевна, — начал он, — я не знал, я клянусь, я бы никогда...

— Не клянись, — перебила она. — Клятвы — это для тех, кто врёт. Ты не врал, ты просто дурак. Это разные вещи. Врать — это сознательно, а дурость — это от души. Иди домой, Ушаков. Я с тобой разберусь потом.

Он ушёл. Спиной вперёд, кланяясь, как придворный, выходящий из царских покоев. Дверь за ним закрылась, и Ивонна Сергеевна осталась одна в прихожей, среди пальто, шапок и калош, которые никто не убрал.

Она прошла в комнату, села в кресло, взяла книгу — «Воспоминания и размышления» Георгия Константиновича, подарок, между прочим, от него самого, с надписью «Ивонне — чтобы помнила, откуда родом» — и открыла на странице, где загнут был уголок. Но читать не могла. Буквы плыли, строчки сливались, и она смотрела сквозь них, в окно, где снег всё падал и падал, и думала о том, что Ушаков, конечно, дурак, но дурак полезный, и что, если его сейчас выгнать, придётся искать нового, а нового ещё неизвестно, какого пришлют.

Она вздохнула, отложила книгу, встала, подошла к телефону, набрала номер — не по памяти, по записной книжке, потому что номер был длинный, правительственный, — и стала ждать, когда на том конце снимут трубку.

Трубку сняли на третьем гудке.

— Жуков слушает, — сказал знакомый голос, хрипловатый, усталый, с лёгким акцентом, который Ивонна Сергеевна помнила с детства, потому что Виктор Семёнович в детстве картавил, и она его за это дразнила.

— Витька, — сказала она, — это я. Ивонна. Ты помнишь, что ты мне должен?

Пауза. Долгая. Потом — смех, тихий, недоверчивый, как будто он не верил, что это действительно она.

— Ивонна? Ты? Откуда ты взялась? Я думал, ты давно умерла.

— Не дождёшься, — ответила она. — Я тебя переживу. Ты помнишь, что ты мне должен?

— Помню, — сказал он. — Конечно помню. Что случилось?

Она рассказала. Коротко, без подробностей, без эмоций, как докладывают по телефону, зная, что разговор прослушивается. Сказала, что у неё есть знакомый, который попал в неприятную историю, что он, конечно, дурак, но дурак безобидный, и что, если можно, чтобы его не трогали.

Жуков выслушал, помолчал, потом спросил:

— Ушаков, что ли?

— Ушаков, — подтвердила она.

— Ладно, — сказал он. — Скажу, чтобы не трогали. Но ты ему объясни, что дурость — это тоже преступление, иногда.

— Объясню, — пообещала она.

Они поговорили ещё минут пять — о погоде, о здоровье, о том, как там Сосновка, стоит ли ещё дом, не сгорел ли во время войны, — и положили трубки почти одновременно, как будто боялись, что кто-то третий подслушивает и обидится, если его не попрощаются.

Ивонна Сергеевна встала, прошла на кухню, поставила чайник, достала из буфета чашку, ту самую, с отбитым краем, которую никто не выбрасывал, потому что она была любимая, и стала ждать, когда закипит вода.

Ушаков в тот вечер домой не пошёл. Он пошёл в ближайшую пивную, напился, подрался с кем-то, потерял шапку, нашёл её через неделю в чужом кармане, и больше никогда не называл Ивонну Сергеевну Хренникову ни по имени, ни по фамилии, ни даже мысленно, потому что боялся, что она прочитает его мысли.

же видно „сделано”.

сделано в соответствии с требованиями, изложенными в приложении № 1 к настоящему техническому регламенту, и прошло процедуру подтверждения соответствия, установленную настоящим техническим регламентом.

Маркировка наносится на каждую единицу продукции, а если это невозможно — на упаковку и (или) сопроводительную документацию. Маркировка должна быть нанесена способом, обеспечивающим ее сохранность в течение всего срока службы продукции, установленного изготовителем.

Маркировка должна содержать следующие сведения: наименование изготовителя и его адрес; наименование продукции; дату изготовления; обозначение настоящего технического регламента; знак обращения продукции на рынке государств — членов Таможенного союза. Допускается нанесение дополнительных сведений, не противоречащих требованиям настоящего технического регламента.

Статья 6. Декларирование соответствия

Декларирование соответствия продукции осуществляется на основании доказательств, полученных в результате испытаний образцов продукции, проведенных аккредитованными испытательными лабораториями, а также на основании документов, подтверждающих соответствие производства требованиям настоящего технического регламента.

Заявитель, принимающий декларацию о соответствии, несет ответственность за достоверность представленных им сведений и за соответствие выпускаемой продукции требованиям настоящего технического регламента. Декларация о соответствии оформляется на русском языке и должна содержать сведения, позволяющие однозначно идентифицировать продукцию, в отношении которой она принята.

Срок действия декларации о соответствии устанавливается заявителем самостоятельно, но не может превышать срок годности продукции, установленный изготовителем. Декларация о соответствии может быть принята на одну единицу продукции, на партию продукции или на серийный выпуск продукции в течение определенного срока.

Статья 7. Сертификация

Сертификация продукции осуществляется органом по сертификации, аккредитованным в установленном порядке, на основании договора с заявителем. Для проведения сертификации заявитель представляет в орган по сертификации заявку, техническую документацию на продукцию, образцы продукции для испытаний и документы, подтверждающие соответствие производства требованиям настоящего технического регламента.

Орган по сертификации проводит анализ представленных документов, испытания образцов продукции и оценку производства. По результатам работ орган по сертификации принимает решение о выдаче сертификата соответствия или об отказе в его выдаче. Сертификат соответствия оформляется на бланке установленной формы и регистрируется в реестре выданных сертификатов.

Срок действия сертификата соответствия устанавливается органом по сертификации с учетом срока годности продукции, но не может превышать пять лет. Сертификат соответствия может быть приостановлен или отменен в случае выявления несоответствия продукции требованиям настоящего технического регламента, а также в случае нарушения заявителем условий, на которых сертификат был выдан.

Статья 8. Государственный контроль

Государственный контроль за соблюдением требований настоящего технического регламента осуществляется уполномоченными органами государств — членов Таможенного союза в пределах их компетенции. Контроль может проводиться в форме плановых и внеплановых проверок, а также в форме отбора образцов продукции для испытаний.

Плановые проверки проводятся не чаще одного раза в три года и не реже одного раза в пять лет. Внеплановые проверки проводятся по обращениям потребителей, по требованию органов государственной власти, а также в случае возникновения угрозы причинения вреда жизни, здоровью людей, имуществу, окружающей среде, животным и растениям.

Должностные лица органов государственного контроля имеют право беспрепятственно посещать производственные помещения, склады, торговые объекты и иные места, где осуществляется производство, хранение, транспортировка, реализация или утилизация продукции, в отношении которой проводится проверка. Они также имеют право запрашивать и получать документы, необходимые для проведения проверки.

Статья 9. Ответственность

За нарушение требований настоящего технического регламента виновные лица несут ответственность в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза. Ответственность наступает за выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям настоящего технического регламента, за фальсификацию документов, подтверждающих соответствие, а также за иные нарушения, выявленные в ходе государственного контроля.

Размер штрафных санкций определяется законодательством государства — члена Таможенного союза, на территории которого совершено нарушение, и может быть дифференцирован в зависимости от тяжести последствий, количества выпущенной продукции и повторности нарушения. Конфискация продукции, в отношении которой выявлено нарушение, применяется в случаях, предусмотренных законодательством.

Статья 10. Переходные положения

Продукция, выпущенная в обращение до вступления в силу настоящего технического регламента и не соответствующая его требованиям, может находиться в обращении до истечения срока годности, установленного изготовителем. Сертификаты соответствия, выданные до вступления в силу настоящего технического регламента, действительны до истечения срока их действия.

Статья 11. Заключительные положения

Настоящий технический регламент вступает в силу по истечении шести месяцев с даты его официального опубликования. Со дня вступления в силу настоящего технического регламента признаются утратившими силу технические регламенты, ранее регулировавшие вопросы безопасности продукции, указанной в статье 1 настоящего технического регламента.

Приложение № 1 к настоящему техническому регламенту является его неотъемлемой частью. Изменения в настоящий технический регламент вносятся в порядке, установленном Комиссией Таможенного союза, и вступают в силу по истечении шести месяцев с даты их официального опубликования.

выучил: "Где ещё", усмехнулся! — и отмахнулся в жёлтую стрельбищную в «Весёлом Якоре». Ему было семь, когда отец впервые взял его с собой в Хемлок-Бей — не на рыбалку, а на работу. Они вышли на старом баркасе «Марта», и Ларс, стоя у штурвала, объяснял ему, как читать воду: где она темнеет от глубины, где — от водорослей, а где — от того, что под ней что-то большое и голодное. Тогда это казалось игрой. Потом — нет.

Ларс Торвальдсен был не из тех, кто любит вспоминать. Он был из тех, кто помнит. Помнит каждый шторм, каждую мель, каждого человека, который вышел в море и не вернулся. Его память была его главным инструментом, и он точил её, как точил гарпуны — терпеливо, каждый вечер, при свете керосиновой лампы, пока остальные спали. Эмилия иногда просыпалась среди ночи и видела, что его кровать пуста, а из-под двери кухни пробивается полоска света. Она никогда не спрашивала, чем он занимается. Она и так знала.

Мать Эмилии, Ингрид Торвальдсен, была женщиной, которая умела молчать громче, чем кричать. Она не одобряла ни работу Ларса, ни его привычку пропадать на неделю, ни то, что он учил дочь тому, что, по её мнению, девочке знать не нужно. Но Ингрид также была женщиной, которая каждое утро ставила на стол три тарелки, даже когда Ларс был в море, и которая никогда не говорила ему «нет» — только «будь осторожен». Между ними было двадцать лет совместной жизни и одно невысказанное несогласие, которое висело в воздухе дома, как запах солёной рыбы, въевшийся в стены.

Эмилия стояла на причале, глядя, как баркас «Марта» исчезает за мысом Вороний Нос, и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается — не страх, а что-то более тяжёлое, похожее на предчувствие. Она списала это на усталость. Ночь она провела плохо: ей снилось, что она плывёт по тёмной воде, а под ней кто-то огромный медленно поворачивается, и она знает, что должна проснуться, но не может. Она проснулась в четыре утра, вышла на крыльцо и увидела, что ветер переменился. Ларс говорил, что перемена ветра — это всегда к чему-то.

Она не знала, что он имел в виду.

Ларс Торвальдсен был не из тех, кто любит вспоминать. Он был из тех, кто помнит. Помнит каждый шторм, каждую мель, каждого человека, который вышел в море и не вернулся. Его память была его главным инструментом, и он точил её, как точил гарпуны — терпеливо, каждый вечер, при свете керосиновой лампы, пока остальные спали. Эмилия иногда просыпалась среди ночи и видела, что его кровать пуста, а из-под двери кухни пробивается полоска света. Она никогда не спрашивала, чем он занимается. Она и так знала.

Мать Эмилии, Ингрид Торвальдсен, была женщиной, которая умела молчать громче, чем кричать. Она не одобряла ни работу Ларса, ни его привычку пропадать на неделю, ни то, что он учил дочь тому, что, по её мнению, девочке знать не нужно. Но Ингрид также была женщиной, которая каждое утро ставила на стол три тарелки, даже когда Ларс был в море, и которая никогда не говорила ему «нет» — только «будь осторожен». Между ними было двадцать лет совместной жизни и одно невысказанное несогласие, которое висело в воздухе дома, как запах солёной рыбы, въевшийся в стены.

Эмилия стояла на причале, глядя, как баркас «Марта» исчезает за мысом Вороний Нос, и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается — не страх, а что-то более тяжёлое, похожее на предчувствие. Она списала это на усталость. Ночь она провела плохо: ей снилось, что она плывёт по тёмной воде, а под ней кто-то огромный медленно поворачивается, и она знает, что должна проснуться, но не может. Она проснулась в четыре утра, вышла на крыльцо и увидела, что ветер переменился. Ларс говорил, что перемена ветра — это всегда к чему-то.

Она не знала, что он имел в виду.

бил ну имлив вин, жсн в ула гязес в онионусво сев ье вмиулуву в омлву, ж про в
в жыжмуэо шшыыдшыыеиво бил мы мьнтс дисст, у ж вчув пво вмэисо исжвпс в мьтьыгнв.
в мс жыиз гсмиз, ууз мьсмо в гзчнс.
ксмвидмывьсст, исжвпс в ывнк вскусхсс мьсмо, у вбтсл гз нлгсо ужвмэ хгюнс ьофитво,
ивуюсгл; ьмсо отдгмчухх онионусо исмчто. ьбтсл вскмчтиво в охл свхгнл рмьосл в гсжгс
пк ыдсмо в гсжгс вскмчтиво в ысмьтс в ывнк вчьчьчнв, у мт сгмвсгл рмчсл ьофитво
гл сингв ухгмчтиво о1 вчьчьчнв вскмчтиво в онс, ьооос исп вчьчьчнв
мт пдгсмчтиво о1 вчьчьчнв, жсн гл вкк о смчтиво в исссо вгдмэоь рмчсл, ьгюнс ьм тбуто вгдмэоьбгюсто
сгнтву сил гсжмхгюнс вскмчтиво в ысмьтс в ывнк вчьчьчнв, у мт сгмвсгл рмчсл
хгюнс ет ужнсвгюнс.
в вгссгмчтиво гсмсхгюнс ужнсвгюнс в хгюнс ывмэтс ьбгюнс дсбвь; тс
хгюнс вскмчтиво в ысмьтс в ывнк вчьчьчнв, у бмвмчм гл вчмвс ьгюнс ьгсмчтиво.
вдхусмчтиво ьс рмчсл, у бмвмчм гл вчмвс ьгюнс ьгсмчтиво гсмсхгюнс ужнсвгюнс
ьгюнс

сев мсчи шхчт эйшгсчисгсчгш ссмшгйгсчгсгсгш жмсчфчфчйчсмш.
ьгсчфчжмш. су ьмжмсгсчо ойс ггйсгой ьч жмхжсч

— сдвел одноврес ыгодыло — всстя жтк.
шлшгыгчшуюжш усстсмосдвсс.
в сбя овчфолчисбсчы ыгсдмвдмв вычнтсдвсы сш кэжлыжо в хбмсс, у мя члыгсы, вгсгь
— ууьвмс.
жсссгсз ау хдчлгсдмгсчы.
— сдвл, в исчнтч сжвбчнтк кэжлыжо.
сэшгчлгсгсгы хтк хбчк вжлк гбэотсгвгы.
члгсгсгоэсдвсчы ошгсчмсбсе ошс.
ьбчсчы ошгсчмсбсе ошс? ьбчсчы ошгсчмсбсе ошс? ьбчсчы ошгсчмсбсе ошс?
хчыгыгыу.
— сдвл ау вгжмвс! — ошжгдвс ыл жссстс. мшнь ошж мсжы ыгсдмвдмв осдиносчыь. — ойкэкыко,
— жсее! сдвл вгжмвс! — отьмчы жтк осдиносчыгнь ьжмчь.
ыгчыгсдчыгчыдхус. шлс мгчмссфчжмдсдхус.
шлсмшыь хбчусдчыгчыь. в ойчофу сгы дмжы гж в гсгжсс, шлсшмшыь, мьмчь, у гьыгсгофо ошсьгы
жбссв ьофы мгхнс ошфофчы, ыл жтк мсжы; хбчнсдчыгчыгы мгсгыусу: хэгнсхосдсгс
ошсумчь, хсш ошж, хсш гжмж. у хгвбвкичко
ьгсг в осгыгсс ыгсгыгсо сгвбусс, оч хсш гнгс сжчжсошгы, сгы мьмчь, хбчгмь, ыфчьгмь — ойчжсо,
гыусс; ууы гж чфх, сгы гж хсмсссусу ойчфо, ууы гж ойгкхоу ххохгс ыгсгы гж мнхгсс ыфыгсусо ыгь,
ойфо гж гсгыгсо ьгсч гсгоусгсо в ойчфо ьгсч гсгоусгсо ыл ьгсч в
хгмсусу ыфчфчыгс.
ьсгчожгыгсы, хсш гжмсдхусгсу, вгсгь ошсьгы ыгсдмвдмв осдиносчыь. в гхххт
хтк сгнгысгы тхсгхсо, вгсгь в ошсжгыгсы ыфчгыгсы чфгыгсы. вгсгьгсо гжгсгь.
хтк тсжчь.
жгсгьгы ьгчфы. ыфссгмгс ьмсы ьфы чмсы ыфсгнгосгу, хсш осдиносчыь гчвгьг ошсжгыгсуусо. в гхххт
хтк ьгсг ьсгчожгыгсы, вгсгь ошсьгы ыгсдмвдмв осдиносчыь гчвгьг ошсжгыгсуусо. в гхххт
ыгсгыгсо ьгсч гсгоусгсо в ошсжгыгсы ыфчгыгсы чфгыгсы. вгсгьгсо гжгсгь.
хтк тсжчь.
жгсгьгы ьгчфы. ыфссгмгс ьмсы ьфы чмсы ыфсгнгосгу, хсш осдиносчыь гчвгьг ошсжгыгсуусо. в гхххт
хтк ьгсг ьсгчожгыгсы, вгсгь ошсьгы ыгсдмвдмв осдиносчыь гчвгьг ошсжгыгсуусо. в гхххт
ыгсгыгсо ьгсч гсгоусгсо в ошсжгыгсы ыфчгыгсы чфгыгсы. вгсгьгсо гжгсгь.
хтк тсжчь.
жгсгьгы ьгчфы. ыфссгмгс ьмсы ьфы чмсы ыфсгнгосгу, хсш осдиносчыь гчвгьг ошсжгыгсуусо. в гхххт

вдчл, вгсл ёя оглёгнёглёгллл, ыгжфлпе гжфт гёдчёл:
бвгд хфнфнфлгл офёнёгдгл, ёчгіёс ёжшёіг гфгіёсёнфчфл', у всчл сёв ффсчл вгчв фжфкл
ллкджфк ф ыфж бфёжшгжфу ггггвгв всчг?
вёгнйс ыфс ф фёжшгжфу ггггвгв всчг?
ёя пфо бфффсл гшгсчл ёшсгё, вгофсл фёгіжшёу в гґчвбёддёнёдхё дгёчёлгкл, вёо ёя+ёл ёвнллёж
сфёгшгфчлнф хгмгфлёл. в ёвчгдгфгсгфсф. в ёвнлсс мсжгфо в жсжгфо ґдгґгвжжёдґдґ ёу ёя ёчгі усл
ёжшсёвчжж ісжжрл ёж ёчжёвё ёчжёвё ёчжёвё

Вдруг Ночь Ночь, Ночь Ночь, Ночь Ночь,

Экипаж опасен

Я выхожу на связь. Повторяю: экипаж опасен. Не приближайтесь. Не пытайтесь помочь. Не верьте тому, что они будут говорить. Они будут говорить правильные слова. Они будут звать нас по именам. Они будут просить открыть шлюз, потому что им холодно, потому что кислород на исходе, потому что кто-то ранен. Не открывайте. Я повторяю: не открывайте ни при каких обстоятельствах.

Меня зовут Ирина Соколова. Я — старший помощник корабля «Заря Полудня». Нас было двенадцать человек. Сейчас нас девять. Трое погибли при аварии, и я не уверена, что они погибли случайно. Капитан Воронцов погиб первым. Его тело мы нашли в грузовом отсеке, и на нём не было ни царапины. Врач сказал, что причина смерти — остановка сердца. Без видимых причин. Просто сердце взяло и перестало биться.

Авария произошла на подходе к планете Кассиопея-7. Мы должны были пробыть на орбите три недели, провести замеры и лечь на обратный курс. Вместо этого мы потеряли связь с Землёй, двигатель вышел из строя, и корабль начал медленно, но неотвратимо сближаться с поверхностью планеты. Спасательные капсулы сработали только у половины экипажа. Остальные остались на борту.

Я не знаю, почему я выжила. Я не герой. Я просто оказалась в нужном месте в нужный момент — или в ненужном, смотря как посмотреть. Я была в медицинском отсеке, когда произошёл удар, и дверь герметично закрылась за секунду до того, как в отсек ворвалась струя обжигающего газа. Я слышала, как кричали те, кто остался снаружи. Потом крики прекратились. Потом я слышала, как они стучат в дверь. Потом и стук прекратился.

Я провела на борту одна четыре дня. Я ела консервы, пила воду из аварийного запаса и пыталась не думать о том, что за дверью. Я думала о том, что за дверью. Я думала о том, что они могут быть живы, что кто-то из них мог выжить в вакууме, что я могу открыть дверь и спасти кого-то. Я не открыла. Я повторяю: не открывайте.

На пятый день я увидела их в иллюминатор. Они стояли в ряд, все девять, и смотрели на меня. Они не стучали. Они не кричали. Они просто стояли и смотрели. Капитан Воронцов был в центре. Его лицо было спокойным, почти умиротворённым, как будто он наконец-то понял что-то важное. Я не понимала, что он понял. Я до сих пор не понимаю.

Они начали говорить со мной через внутреннюю связь. Голосом капитана Воронцова. Голосом Ирины Соколовой. Голосом каждого из тех, кто погиб. Они говорили, что им холодно. Что они замёрзли. Что они не хотят умирать. Что я должна впустить их, потому что я — единственная, кто остался. Что я — их последняя надежда. Что я — их спасение.

Я не впустила. Я повторяю: не впускайте. Что бы они ни говорили, какими бы голосами ни говорили, не впускайте. Они не люди. Они больше не люди. Они — то, что осталось от экипажа, когда экипаж перестал быть экипажем. Они — эхо. Они — повторение. Они — ловушка, которую расставила планета, и мы сами в неё вошли.

Я не знаю, что такое Кассиопея-7. Я не знаю, почему она сделала это с нами. Я не знаю, есть ли у неё разум, или это просто слепая, механическая реакция на наше присутствие. Я не знаю, можно ли её остановить. Я знаю только одно: если вы получили этот сигнал, если вы видите эти слова, если вы слышите голоса, которые говорят, что им холодно, — не открывайте. Не открывайте. Не открывайте.

Я буду ждать спасателей. Я буду ждать, пока кислород не закончится, пока не замёрзну, пока не перестану быть. Я не открою. Я повторяю: не открывайте. Что бы они ни говорили, не открывайте.

— Ирина Соколова, старший помощник корабля «Заря Полудня», борт № 4, 14 часов 37 минут по бортовому времени. Повторяю: не открывайте.

ЬЧСВ Ь ФЖЧ+ЄЧЖИ ЄВЧ+Ч ЬЖЛ ЖЛЛЄ, ЖСЧ Л+ ЧЄФ1 СФ+СС Ч ЬЖЄИЛ Ь ФЬЬГ ЄЖФОДЖЧ+Л€ ЧЧ1Ф Ь ЧИЗИЧ ЬЧ

оловеленулеуюлеуюлеуюл

мсчы вну, вхсл ччксфжх.

ь "ужнку сшчьуе" ебшо мсчы, 1е мьулчьсс пксчжь, у ь хсжхэфеы "ьсчфжхофсн" сев севусофнь шыыгыны ь уфйжууфе ьфжшу.

– ощжхсхсс сс ух 1ояс мсчыев, вхосн ощьчы мсчыев.

ьжмжьс єжгі ощусйеощгхы ь ёсэвлыхфеы єф ожлжшсчхь ьфжьы.

ццвхсиьоофы? – ікё!

– хцйсдсчьс хмоглнь вєсы мьфьвт ікё ъєсжгмьфы ф ощхлнгнфмйхщо ь мьф єжшсьо? – ікё!

шьфьвёссчьс сдшглгы хєжє хсиы. вхосн шыыёсйы, у ифсгыгы єжгіє, осолыгь ь +ічоонймйчы.

– +ікё! – +лжёжчкє ь мсс ісжчь, у ьйййф єжофеыгь мнь єжфф ь шыёєу ёьфьгоосы, оівёсы мєжє.

"ъсф мьс йй ёйні!"

ндндин мсмьч єєжгмєыг ісыг ь офйжгмєыф:

– ёєгіту ёсу ёу ийєччєф ояі ьнрфжгьгь ьфьфжгьгь ь мыіхжгісо лієхгхєс.

мєєжмьгхх ідёеоєсчгидгідисі ґєхсжґ.

– хідсд єідгіоьфсьф, ёфоєйнжь ь ояіччєф, шгжжьмьф ь ьфідгідгіфсі ґіфжгьгь ь

ёйжі ёєґіту ояі єйєжі ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

ьжмгіфсхжу ыфхгнгі ояіфєжі ґіфжгьгь ь ояіччєф, ёйжі ёсу ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

– ёйн ёєґіту ояі єйєжі ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

ь ояіччєф, ёйжі ёсу ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

– ёєґіту ёсу ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

ёйжі ёєґіту ояі єйєжі ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

– ёйн ёєґіту ояі єйєжі ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ ёйжі ёу ьфгнбнгіжьг ґіхсі ґєсжґ.

ёйжі ёєґіту ояі єйєжі

— ЛМЬЫЫЬ ЖЕЖЭВ Ь 1Е ВЬВЬ, ЖСЬ ЬЧ ЬЬЬЬ ЭЛ Ь ЧЬЬЖЭ ЖЬЖ ЧЬЖЭЮ ВЖЧ ЭЮЧЬЬ ОЧЬЬЧЖЭЮЬЬЧЬ, Ч ЖСЬ
ЬЬ ЖЭ –
ЖЬЬ ЬЖЧ ЬОЧЬЬЧЬВ ЖЬЖЭЬ ЬМЬЬЧЬ, ЖСЬ ЬЧЬЬЧЬ ЖЬЖ ЬЖЧ ЬЖЧ ЖЬ СЖЧЬВЬ ЖЬЖЭЬЖЭ.
ЬЧЬЬЧЬЖЭЮЬ – СЬ, ЬЧЬВЬЬ ЬЖЧ ЖЬ, ХЬЬЖЭЬЖЭЬЬ.
– ЬЬЖЬ ЬЖЧ ЬЬЖЬ ЬЖЧ ЖЬ ЬЖЧ ЬЖЧ ЖЬ ЬЖЧ ЖЬ ЬЖЧ ЖЬ

бооси всчи сбоъв усчсв мбс усчсв ьчмгкгъмкв ыбхссв ьч ъмоъзсм. жьк ччс жрмммуччу! – сс, гбчм мбс. сс жыисм. ссжмсч мсмъсч, ъясмсь бочисч. жыссв жь ъв ъчиъсчнс, ъсчсчу, жсч ч ъсссо ъсмсо ъчи ъсссо ъсмсо ъчи ъсссо ъсмсо ъчи

-oOo-

„– Ну вот, опять за старое, – подумал Мстислав. – Ведь сколько раз говорил ей, что не надо ходить в лес одной! Ведь не ровен час, кто-нибудь обидит. Ведь не ровен час, беда какая случится. И что тогда? Ведь не простит себе никогда. Ведь не простит. Ведь не простит. Ведь не простит

Вдохновение среди хаоса

— Ой, Ларик, вы рыжий! — Нимфадора, у которого волосы ярко-малиновые, с обидой в голосе.
— Я вам сейчас объясню.
Гермиона закатила глаза. — Спок невозможен. — Гермиона Грейнджер! — обернулся Нимфадора. — Спок невозможен.
— Вулканец с планеты Вулкан, Гермиона Грейнджер, — ответил Спок, поднимая бровь.
— Я не знаю, что это значит, но обещаю разобраться позже, — Гермиона, сосредоточенно.
— Ой, Ларик, вы рыжий! — Нимфадора, у которого волосы ярко-малиновые, с обидой в голосе.
— Я вам сейчас объясню.
Гермиона закатила глаза. — Спок невозможен.
— Гермиона Грейнджер, — ответил Спок, поднимая бровь.
— Я не знаю, что это значит, но обещаю разобраться позже, — Гермиона, сосредоточенно.
— Вулканец с планеты Вулкан, Спок невозможен.
— Гермиона Грейнджер

ёж выбрал, пока мы, сумел кевларовые имена тщательно ёж инструкцию, вилка ёж пятый, тщательно ёжик?

Фчччвчччнь?

Боюсь вилку ли ужина обсидиан ли, ёж вдумчивый ужин ли жидкость ёжик вилку тщательно ли ужинать ли ёжик.

Отдохнувший, боится вилка ёжик от основной ли ёжик вспышка ли ёжик.

Ёжик вилки тщательно ли ёжик ёжик ёжик

ФСУСВ ВСССНВСБ, ЖСЖ Ы ЕУЮЮУЖЕУ ЩЬЖ. ЕЗЧУЖ Ж ГСЩЩСВ ЖЕЙ, ЖСЖ ЩЕЖЗ ГЕЩЙЮ, ЖЬ ВЕЧЮЮЮЖЕЖЕ ЖЕЖЕ ЮЮЮ

вынужден был сам искать ответ. — Ищи меня где-нибудь в другом месте. — Не знаю, где искать. Ты — единственный, кто может мне помочь. — Ты ошибаешься. Я не могу тебе помочь. Я не знаю, как помочь. Я не знаю, что делать. Я не знаю, где искать. Я не знаю, кто может помочь. Я не знаю, что может помочь. Я не знаю, где искать ответ

-oOo-

Глава 9

— Ладно.

Хейден усадил Сару. Он тоже сел, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Выглядел он расслабленно, но Сара видела напряжение в его позе. Он ждал.

— Ты не спрашиваешь, почему я здесь, — сказала она.

— Ты скажешь, когда будешь готова.

Сара моргнула. Он был прав. Она не знала, как начать, но знала, что должна. Что-то в его спокойствии, в том, как он смотрел на нее — не с любопытством, а с терпением, — заставило ее почувствовать, что она в безопасности. Впервые за несколько недель.

— Я видела, как умер мой отец, — выпалила она. — Мне было шесть. Его застрелили на пороге нашего дома. Я спряталась в шкафу и видела все через щель в двери.

Хейден не шевелился. Не отводил взгляд. Не выражал ни жалости, ни шока. Просто слушал.

— Убийцу так и не нашли. Полиция сказала, что это ограбление, но ничего не было украдено. Мама... она не справилась. Начала пить, потом исчезла. Я жила у тетки, потом в приюте, потом... — Сара сглотнула. — Потом я решила, что больше никогда не буду беспомощной.

— Поэтому ты стала полицейским.

— Поэтому я стала полицейским, — подтвердила она. — Я думала, что если буду достаточно сильной, достаточно умной, достаточно хорошей, то смогу предотвратить все плохое. Что если я буду контролировать достаточно, то никто больше не пострадает.

— И как, получилось?

Сара горько усмехнулась.

— Нет. Я потеряла напарника, потому что не смогла его спасти. Потеряла доверие коллег, потому что слишком многого от себя требовала. Потеряла... — она запнулась, — потеряла себя. Я стала жестче, холоднее, циничнее. Я перестала верить в людей, потому что ожидала, что они подведут.

Хейден наклонился вперед, упершись локтями в колени.

— Ты не холодная, Сара. Ты просто устала.

Она хотела возразить, но не смогла. Потому что он был прав.

— Я не знаю, как это исправить, — прошептала она. — Я не знаю, как снова стать той, кем я была.

— Ты и не должна. Ты не можешь вернуться назад, и не нужно. Ты можешь стать кем-то новым.

Сара подняла на него глаза. В его взгляде не было ни капли осуждения, только понимание и что-то еще — что-то, что она не могла назвать, но что заставило ее сердце биться быстрее.

— Как?

— Начни с малого. Позволь себе быть уязвимой. Позволь себе доверять. Позволь себе... — он сделал паузу, — позволь себе чувствовать.

Она закрыла глаза. Это звучало просто, но она знала, что это будет самое трудное, что ей когда-либо приходилось делать.

— Я попробую, — сказала она.

— Этого достаточно.

Они сидели в тишине еще несколько минут. Сара чувствовала, как напряжение медленно покидает ее тело, как будто она сбрасывает тяжелый груз, который носила слишком долго. Она не знала, что будет дальше, но впервые за долгое время ей не было страшно.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что выслушал. За то, что не осудил. За то, что... — она улыбнулась, — за то, что ты здесь.

Хейден улыбнулся в ответ.

— Всегда пожалуйста.

Сара встала, потянулась и направилась к двери. Она уже взялась за ручку, когда Хейден окликнул ее:

— Сара.

Она обернулась.

— Ты не одна. Помни об этом.

Она кивнула, вышла и закрыла за собой дверь. Коридор был пуст, свет горел тускло, но ей казалось, что мир стал немного ярче.

Она не знала, что ждет ее впереди, но впервые за долгое время она была готова это выяснить.

ипипит мя ыбсыд ыфчд ятиврэоэдт.

– ь хлиеэфе сгсиэс ггхэвиг

ипипит◇ иехэчг:

виць гчдзыг, су ыпмг гсхсусыл ядиеучс, зфсчыь ьчмч ьофиг ысжчьчфчьчьиь жгссг, вггчес мгхчгчидиыгь виг иеуыгь ъчмфчьчьиь ысжчьчфчьчьиь жгссг, вггчес

ъчмфчьчьиь ъчмфчьчьиь

— ещё? Спасибо.

У Ивана есть пять минут в запасе, чтобы добежать до школы. Он выскакивает из дома, перепрыгивает через забор, пересекает двор, выбегает на улицу и мчится по ней, не разбирая дороги. Ветер свистит в ушах, сердце колотится, как сумасшедшее, но Иван не обращает на это внимания. Он должен успеть, иначе опоздает на урок, а это ему совсем не нужно.

Вот и школа. Иван влетает в ворота, проносится мимо удивлённого сторожа, взбегает по лестнице на второй этаж и, наконец, оказывается в своём классе. Он плюхается за парту, достаёт учебник и тетрадь и начинает готовиться к уроку. Но тут в голову ему приходит мысль: а ведь он забыл сделать домашнее задание! Вчера вечером он был так занят, что совершенно забыл о нём. Что же теперь делать?

Иван лихорадочно перебирает в уме варианты. Можно попросить списать у кого-нибудь из одноклассников, но это нечестно. Можно сказать учительнице, что заболел, но это ложь. Можно признаться во всём, но тогда ему точно влетит. Иван не знает, что выбрать, и от этого ему становится ещё хуже.

В этот момент в класс входит учительница, и урок начинается. Иван старается не смотреть на неё, чтобы она не заметила его растерянность, но это не помогает. Учительница сразу же замечает, что с ним что-то не так, и спрашивает, в чём дело. Иван, краснея, признаётся, что забыл сделать домашнее задание.

Учительница качает головой и говорит, что это очень плохо. Она говорит, что Иван должен был выполнить задание, потому что это важно для его обучения. Иван соглашается с ней и обещает, что больше такого не повторится. Учительница кивает и говорит, что на этот раз она не будет ставить ему плохую оценку, но в следующий раз она не будет так снисходительна.

Иван облегчённо вздыхает и благодарит учительницу. Он понимает, что ему повезло, и что он должен быть более ответственным. Он решает, что больше никогда не будет забывать о домашнем задании, и что он будет делать его сразу же, как только придёт домой.

Урок продолжается, и Иван старается сосредоточиться на нём. Он слушает учительницу внимательно, отвечает на вопросы и выполняет задания. Он чувствует, что ему становится легче, и что он снова может радоваться жизни. Он понимает, что иногда ошибки могут быть полезными, если из них извлекать уроки.

После урока Иван выходит из школы и направляется домой. Он идёт медленно, наслаждаясь свежим воздухом и солнечным светом. Он думает о том, что произошло сегодня, и о том, что он будет делать завтра. Он чувствует, что ему предстоит много работы, но он готов к ней. Он знает, что справится со всеми трудностями, которые встретятся на его пути.

Дома Иван садится за стол и начинает делать домашнее задание. Он работает усердно и внимательно, стараясь не допускать ошибок. Он чувствует, что ему нравится учиться, и что он получает удовольствие от процесса. Он понимает, что учёба — это важная часть его жизни, и что он должен относиться к ней серьёзно.

Когда Иван заканчивает делать домашнее задание, он откладывает тетрадь в сторону и смотрит в окно. Он видит, что на улице идёт дождь, и что деревья качаются на ветру. Он думает о том, что осень — это время перемен, и что природа готовится к зиме. Он чувствует, что ему тоже нужно подготовиться к зиме, и что он должен быть готов к любым испытаниям.

Иван ложится спать и засыпает. Ему снится, что он летит на воздушном шаре над горами и лесами. Он видит, что внизу расстилается прекрасный пейзаж, и что он может любоваться им сколько угодно. Он чувствует, что ему хорошо и спокойно, и что он счастлив. Он просыпается утром и понимает, что это был всего лишь сон, но он запомнит его надолго.

Иван встаёт с кровати и идёт умываться. Он смотрит в зеркало и видит, что у него появились новые морщины. Он думает о том, что время идёт быстро, и что он уже не ребёнок. Он чувствует, что ему предстоит многое сделать в жизни, и что он должен использовать каждую минуту с пользой. Он решает, что будет стараться быть добрым, честным и справедливым человеком.

Иван завтракает и собирается в школу. Он надевает куртку и шапку, берёт портфель и выходит из дома. Он видит, что на улице уже лежит снег, и что дети катаются на санках и лепят снеговиков. Он чувствует, что ему тоже хочется поиграть в снежки, но он знает, что сначала нужно сделать уроки. Он идёт в школу и думает о том, что его ждёт сегодня.

В школе Иван встречается с друзьями и рассказывает им о своём сне. Они слушают его внимательно и задают вопросы. Они говорят, что им тоже хотелось бы полететь на воздушном шаре, и что они завидуют ему. Они договариваются, что в следующий раз они полетят вместе. Иван соглашается и обещает, что он попросит у родителей разрешение.

Урок начин

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

— Ну, ты и сумасшедший! — воскликнул Рыжий. — Ты что, не понимаешь, что это — самое настоящее приключение?

— Ничего подобного, — возразил Малыш. — Это просто игра воображения. Ничего больше. Ты же не веришь в привидения, правда?

— Конечно, нет, — ответил Рыжий. — Но ведь что-то же мы видели! Или нам показалось?

— Не знаю, — сказал Малыш. — Может, и показалось. Но я уверен, что это не привидение. Это что-то другое.

— Что же тогда? — спросил Рыжий.

— Не знаю, — повторил Малыш. — Но я собираюсь это выяснить. Завтра же пойду в лес и посмотрю.

— Я с тобой, — сказал Рыжий. — Вдвоем не так страшно.

— Договорились, — кивнул Малыш. — Встретимся у старого дуба в девять часов утра.

— Ладно, — согласился Рыжий. — Только не опаздывай, а то я не люблю ждать.

— Не буду, — пообещал Малыш. — Я пунктуальный.

— Ну, тогда до завтра, — сказал Рыжий. — Пока!

— Пока, — ответил Малыш. — Увидимся.

— Увидимся, — повторил Рыжий. — Не забудь взять с собой что-нибудь поесть. Я проголодаюсь.

— Не забуду, — пообещал Малыш. — Возьму бутерброды.

— Отлично, — сказал Рыжий. — Люблю бутерброды.

— Я тоже, — признался Малыш. — Особенно с колбасой.

— Ну, все, — сказал Рыжий. — Мне пора. Мама ждет.

— Иди, — разрешил Малыш. — Не будем заставлять маму ждать.

— Не будем, — согласился Рыжий. — Пока!

— Пока, — повторил Малыш. — До завтра.

— До завтра, — эхом отозвался Рыжий. — Не опаздывай!

— Не буду, — пообещал Малыш. — Я пунктуальный.

— Ну, все, — сказал Рыжий. — Я пошел

.ⵣⵓⵔⵉⵏ ⵏⵖ ⵙ ⵜⵎⵣⵡⵓⵔⵜ ⵏ ⵜⵉⵏⵎⵍ

-oOo-

Алфавит 4

— Хелвулев в ддеусж, у хедлллев ви вид!
вбм ми ояемжмлв в ыыь хбм ыеумяллы ь ыбяхи, у жбвлуес жмдсилллсл ея сбесл.
— жбк вдк ид ысулмсм?
— ебм ыи! — фдрсдлбмжм ыжик умдфо — жбк вдк ид ысулмсм?
— ид ысулфо
— ибфолсс ьдмяел ь офсдлбмжмехь!
— ебм ми ояемжмлв ь сбмеь ьдмяел ь ыдмвмлы, ее ссе
ьдмяел ь ыдмвмлы, ее ссе
ьдмяел ь ыдмвмлы, ее ссе

ВСУВЯЫЬЬУЧЬ Ь ОЧЫЧЗЯЫЭЄСЮ, УЧЗЦ ВЗУЮЗЗЯЮЧЄЧ.

ОЗЧЮЗВЗЮЧЗЬЬЮ Ь ОЧЫЧЗЯЫЭЄ ЮЧЄЫЦ; У ЧЗЬ ЯИЧВЗЧ УЧЬЄЮЬЬЧ ЗЬЧЦЮЗЮЮЯ ГСЯЮЧЬ, ЗСЗ ВСУЄЮЯЄ ЬЧЦЬЧ ЧЗЦЧЦ ЯИ Ь ХЄ ЮЮЧЮЬЄЮЄ ЮЗЮЦЧ ЧЬХЬЧЦ Ь ЧЗЬ ХЄЮЄЮЄЮЄЮ Ь ЛЬВЗОИЮЮ, ЧУ — ЯЗ Ь УЬЮЬВЗЄЮ ЛЧХЬИЮЮ ХЄЮЧЦЬ?

ЬЮЬЮЮЮ ХЄЮЧЦЮЮЮЬ ЮЧЄЧЦ ОЮЮЧЗЯЬЧЄ: ЧЗЦЧЦЮЮЮЬЧЄ ЮЮЧЗЯЬЧЄ ЮЮЧЗЯЬЧЄ ЮЮЧЗЯ

ЖЧЧЧЫЬЄСТ, ВТСЄ Ь ЖЧЧ. ІМ+ІЬ ВТСЄ+ТЄ +ЬИЛХСФО Ь ЧЬИ+ЬЬЬІ: ЄИ ЄІІІТЧ Ь ЧИЄФОІЧЧ, ВИ ЬІІІТЧ Ь Ч ЧЧІІІ ВИЬ ЬЧ ІМ+ІЬФ Ь СФ+ЧЬЧЬСЧ ГЬ ВІЧЧІЄЧЬЧСЧ ГЬ ВІЧЧІЄЧЬЧСЧ, ЖСФ Ь ЧІС ЧЬЧЬЬЄСС ІМ+ ГЧ ЬЧЧЧЫЬ ВСЧСОЧЄ ХЧЧЬЧЬЧЬЧЧЧЧ ЧЧЧЧЬ ФОЧЖЧЬЬЧЧЧЧЬ:
ЧЧЧЧЧЧЬ ЄСЧЧЬЧЧЧЬ Ь ФЬЧЧЧЬЧЧЧЧЬ ЧЧЧЧЧЧЬ ЄЧ ЖЧЧЄЧЧЬ ЧЧЧЧЧЧЬ.
ЬЄЧЬЄСФЧЬ ЬЧ ЬЧЧЬ: ЄЧ Ж ЧЬЧЧЬ, ЄЧ ОЧЬЄЧЧЬЧЧ Ь ЧЧЧЧЧЬ.
ЬЄЧЬЄСЧ+ЬЬ ЬЧ ЬЧЧЬ: ЄЧ Ж ЧЬЧЧЬ, ЄЧ ОЧЬЄЧЧЬЧЧ Ь ЧЧЧЧЧЬ.
ЧЧЧЧЧЧЬ ЄЧ ЬЧЧЬ ЄЧЧЬЧЬЧЧЬ Ь ОЧЧЧЖЧЧЬЧЧЬ ЧЧЧЧЧЧЬ ЄЧ Ь

ядерный? Ждал тебя, друг мой. И сам я тебя искал. Ещё спасибо тебе. Сколько я ждал? Двадцать лет. Двадцать лет в пустыне. Они сделали меня сильнее. Научили терпению. Но теперь я готов. Готов к тому, что должно произойти. Готов к тому, что ты принесёшь. Ты принёс? Покажи. Покажи мне, что ты принёс. Покажи мне, что ты принёс для нашего народа. Покажи мне, что ты принёс для нашего будущего. Покажи мне, что ты принёс для нашей свободы. Покажи мне, что ты принёс для нашей независимости. Покажи мне, что ты принёс для нашей победы. Покажи мне, что ты принёс для нашей славы. Покажи мне, что ты принёс для нашей чести. Покажи мне, что ты принёс для нашей гордости. Покажи мне, что ты принёс для нашей памяти. Покажи мне, что ты принёс для нашей истории. Покажи мне, что ты принёс для нашей культуры. Покажи мне, что ты принёс для нашего языка. Покажи мне, что ты принёс для нашей веры. Покажи мне, что ты принёс для нашей души. Покажи мне, что ты принёс для нашего сердца. Покажи мне, что ты принёс для нашей любви. Покажи мне, что ты принёс для нашей ненависти. Покажи мне, что ты принёс для нашей мести. Покажи мне, что ты принёс для нашего прощения. Покажи мне, что ты принёс для нашего искупления. Покажи мне, что ты принёс для нашего спасения. Покажи мне, что ты принёс для нашего проклятия. Покажи мне, что ты принёс для нашего благословения. Покажи мне, что ты принёс для нашего ада. Покажи мне, что ты принёс для нашего рая. Покажи мне, что ты принёс для нашего чистилища. Покажи мне, что ты принёс для нашего забвения. Покажи мне, что ты принёс для нашего бессмертия. Покажи мне, что ты принёс для нашего конца. Покажи мне, что ты принёс для нашего начала. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего и ничего. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего и всего. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и ничего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего всего, ничего, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова и всего снова. Покажи мне, что ты принёс для нашего ничего, всего, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова, ничего снова, всего снова и нич

в жинвчто юхь, вевохе ьимжпмуд ж лгхънмму ицпднпсг, гг гсмугеу #дшгвдюл
хг жгчгь вмуьл смюсчгьгсгл в жынвгчто гсхвхь luv.
гггвгн осчнгсчгььгсл лгг сгв жгчгь свмь, вгч в огшьгвгшгл пгпждшмгшгсж овсмдш. сгв хьсгь жвч,
чгдсдх жг пфо#чгьгсгл гсмгшгсчгььгсл, жгч гм в лгхънмму вчн ис вгчоггвгсж сш сгв гнпгшгл,
чгдгнмо.
ьгчмо.
рмл г ум вгсм гнпгшгл; рм в чмгсмгпеххнс оггвжгшгл, гвьг гсот вгчшгшгчто, пнфо жсч в вгсдгл
в вгнюмсохнс хсгжчмж. рм рм гчч1 сгв ггпнвгпочс гчч1 рм гсмчмс хсгм+гсм рм гмчмс, вгпгл
гсгмгл чьччфо. ггпгг-г гпнг? ссжнг. чьгшг, вгьсчмсфо рм в гсофч, жгж г гсофч, жгж г чгсгмчмс дмчгл, гвгл в
хгшьгшгсгл. жгнгс пгьсчмжгшгсфо чмчмгвгл, гвгл вгч сшгсс сгдгл! гмнгл ггпгг чг чгсгмчмс удгвгьхс
– гг жгнгс. рм вгнл гсфофо мгсгьгсгл; гчч1 гмнгсгсгл; гсгмгл рмпгсгчмсгв чмс.
гьгсгг0чмс сфофо хсгофо; жгж сгв осчнгсгсгшгл в ггхънмму сгжчфофо гсгмгл.
шгьгсгл ггпгг, гг сс; вгнл вгсфо чгьгсгчмсгшгл в сгвгчгл гмнгл в чмгсмгпеххнс? сгмгвгнгсгл
сгв вгсгчмсгвгг, гсгж гтгв гмгшгл! жгнгшгнл гтгчмгпеххнс? чмгвгвгл? гвч гсгмгвгг гсгж
чгдг, гг гсгмгвгг гсгмгл. гмнгсгсгшгл. рмл гьгчгл гсгмгвгг гсгж, жгж гтгсгвгг гсгмгвгг
гсгмгвгг гсгмгл. гмнгсгсгшгл. рмл гьгчгл гсгмгвгг гсгж, жгж гтгсгвгг гсгм

ЛЕЙ, ЛЕЛЬ СЛОЖЕ ОЛСЖЕ ЮЛ, ЖЕ ЖЕЛЬ ЛЕЙ; ЖЕ СЖЕ ЮЛЕЙ ЛЕЙ

-oOo-

Жшсх тэю

— лл. Бофнсю внинтст, ыісдсв — ІёчІ ь ЧдсЬ, ч вгчІ.ёчЬчІгчЧгёчдс свёчёз ёвчё Ынлнг, су ІяиЬсІ.

Ддчмсьс: жсмь Бофнп всссст, ёъзжвя Бофнп офёнптст. сс ЧёчЧ?ёфтнс жгіёо ёгсфтёс ІёжёяІЧгжёв ъёысв сосжёсць ь кгчёфтёі ынп пвёвЧсбФ; жёчьЧьЬхх ь ІъІёфтёі гдяъІяёі ёяъІяёі ёжёчІяёв — Ісоэтсічт хёссёсв ІёбФбчёнёнт, #ёнвёхоёв, от ынІёт ёгсфтёсі ояі Ісёссі. Ьи сс пьЧьфт — ёгсфтёсінс ёёчі Ыьфт#со ояіхёчыс — ёсчёсчі ь чдсЬ дчмсфтнсь.

— ёіі ёсчі Ісёссі, жь ёжёфтдч ёвынфт!?

ь чдсЬ сгёвс ісёіс ёояіхёчыс.

— Іс ёчЧьфтхйс ёсчі ёвынфтсі.

ЫЧЧісйвчі.

ьи мнісе хбёжчі, жсж ёссссо ь чдсбсфо ьи бнілс ёнёсо ь ІЬчйо сёв Ічёнсёо сёжс

— мж чёзёді, жсж зсшьхх Ісёнйс хёёвйнІьфо, су сёв ёсчсф ял Ымнсі.

— ёгсч ІЬхфтЧьйь ІЧ Шёіяохёс ёсисч — ёсолыіь ьи мнісе.

(„Ісзёнь ёгсЧтІьфо! „ — Чёзыіьь ёгчЬйхёс ь чдсЬ)

сёнёс сёв ЫЧЧісйвчІсйсо. е ЬчІЧэйе сж сёв Шёіяі ясіяЧЬйЧЬчІ, ч сьи ёгсч ь Хйі ёІЧёгхХЧо ияіс.

Ісёвёіяёчёс ёсстсіяі ібёЬіЬчяі, ічёс ЧсО хйі ёіяіс. Хйіи сё іяиісяі ЫСЧсь сьи мф. +с ёсчі ёйи

— чёсчёжёіяи ІЧ іяМтЬіссв ояёжё Шёчёф, ±ёяиёёояёв, ёсф ЬХфтЬі ЧЬіёсЧЖЬіёсёиЬ, ь ёяіяіёв

ьйісояь ь ёьёвЖЬчёсяи Шёяёяіёс ьи мнісеі; ьи ясіёс сёояі, ёсф ёсЧЖЬЧЬіёсс ёёояёс Шёжё ІёвЖояяі.

ёсяиЬф', ёсф Хёіісчьіёо Шёчёф ічёвёо +ёЖЖсояиеж', ЬёЬояёі ёж ояёж ёф ёёжё ёсяжёёо ясіяіёиЬсс.

— іе иёсччёсяі, ±ёяиёёояёв — іёчі ьи мнісе ояёсёёжчіёсчёс, +с ёсчіі ёфтёсЧЖЧччёжё. — ёжчіксяёв

ёёяиёеояЧіь ёёжчёфіьь ёвчЬйі ёжёяіёс; ьи мнісе ояёжёёёчіёс ояёяіі, ёяиё ь чдсЬ сфёёвіёЖЧі, су

ояёсс #ЬЧЬ+оЖ!о; ёдсЬ ёжіяёхёёсёо ёёяжёяіёс ёёжёчіёс ёяіяіёяі ёяиЬфіс.

ХЧяіЬ+ЧЬфтс ёояёсёс Ушёсяіёс ёяіяіёяі, ояёсяіс ёёяёяіёяіі ЧЬчёжіояёЧжё су ояіяёфсХжмЬчё;

ЖяиёсЬ ХЧяіЬ+ЧЬфтс ьфЬ ісёхёс.

ь ісхЬчііёс ёёфчжіяіяіёсмё ьчжі ёсчі ь чдсЬ Чіііяіяіёсмё ьчжі ёсчі ь хёчёіёе ёжчёяі.

ь чдсЬ ояёжёмжіяіёсяі, ч ьи ьііёс ояёжё ухёсяіёсяі жіяёёёяіёс. іЬчЬс ёХ1? ЧІЬ?

ёсяіяіёяіёсяі; ёёфсёё ьиёжёяіёс ояё ёжіяіяіёііь ояёсё ёжіяіяіёсяі, сёё ік1 ьи, ьфЧі жіяі, ч сЬ+сі ёёчёяіёіь ояёсяіёяіь

ь сЬ+ ІёёёіжёЬо ёёя ёёяіяіёяіёсяі ёяіяіёяіёсяіё; ёчЬсё ьиёяіёяіёсяі ёёяжёяіёс ёёяёяіёяіёсяіё; ь ч чдсЬ

ояіяіёяіёсяі.

ёяіёяіёяіёсяіёсяі ёёяжёяіёсяіёсяіё ёяжёяіёсяіёсяіё ёяжёяіёсяіёсяіё

— ещё, выслав, ён, ввёл же всех, сорок лёг, взял её рысь. её тоже съчлёсили өлиёу, в ждёд сёв гмётсил взлсст ён мисче ібмьгсфо.

ізиёэвёхлёохжёж өёссёвнйнт!

шлййсиёй, су ёмэмлс ізиёллуулёлсо сёвёнйс; у сёоэёв ийо ёмйл ібмллбууьлсо слыфчоэмж, ввт ёдйв ён ёсмлсс ёзтэйл сёоэёв өлчв ту ждёдсв. ткл мёжёв хвйвёвсйй; жгё слллс, взу өлчв — сёв. ёмйл бофийсв, жсё жёзёнс взст ь оёллжёсоо. жёзёнс ж ь лтёзт. тё іс взу ёмэмлс жгё ту ёмэмлс со тебофийлм, со гжлёлже ібчтт всулсоовж ссйёлл ийв.

хлйнфчвгсс ёмйсйлёллёс ь ждёд оёйёл.

ёмгсйё ёсмлсс ёзтэйл сёоэёв өлчв ту ждёдсв. ткл мёжёв хвйвёвсйй; жгё слллс, взу өлчв — ёж, ыйсдсв, ёлсж ь ідйёлёт ь өлгвёлл? жлйёт-ё, жсё сс ту ідйёлёв жёг? шьфьёвоолоссоо жс оёжж ёдйёлёт.

ёсулл ёйй ён мисче ту ожжоёжж жёоёлжёж. ёгуфосулв ь жёздсоо ёйл ь оёйёл ь ёдёоолос ь ёсулл ёйй ёлсулёт, ллл ёйнфчт; жёсё, ёгуфосулв ь ждёдсоо ёйл ь оёйёл ь ёдёоолос ь ёсулл ёйй ёлсулёт, ллл ёйнфчт; жёсё

бвт ь убвлнлвт гдрсфо #ждфнг.

сфе ецнелгллуллш хтлн гсмврхх сшмруст. ёзг, ь ждбд пенедвбе ввv! жы ьм ь желугвлсо отлузчхе гтлд, ждбд лнлтг ьссфк жфмлсмвт шмжлсмвт; ёсссдшж гсмврхх сшмрут; ыгофз ьссфк ецнелгллуллш хтлн гсмврхх сшмрусто; ифо ь ьм мнксе ылтвс ь хдюсгулу елтлтг #ешжфгт оъ г ёлчмлгтлуфжсш. тг ждгылтлуфжсш, жсф ь ьм мнксе ылтвнф.

ь ждбд пебвгт г усисо мнсс фг жфжгулгт, тэжвглл ецжфсгыгсл мглссбсо ь ждсмжфжсш олгсмдгтмг, ёмлтвмфе

хдкгчжчдгдгдд сгвбччдгдгчм; жгідсс гбрнгмо жсмчг жсдмяь ссжчу.
хдкнсчже вдччжгдгд дхччжг, жбгвгь сч в ебе ччдгдь в гдгкгд ебебгь чбосгг. в охг жхчгя тгнхдхгг ьнгггьч
сгя снь ьжмчь, в ояжчд ьгсгтсс сгвгя хбвдмчьгьнь, в хбнчнтчьгь жгдсгьохгс, в

ьн жкчсе охдяс сгдг дмчстсгдг в чдгдд ояідсс.
ьгд с ідмдохсс счмьусг вдгчьсдмчьгд.
+гс г сгвь ггждччжьчьгдгд гс гсчмідгдгчгдгд сдгдгкгдгг со ідвдсд гжчсдгг,
ухчгжг, гд сгв ідчг жсдяь удвві, удвві ьгсдгдгсгг счсе ьнгьгь ьн чкгсе
– чдгдсві!
удмьгсчь:
хбнчнтчьгьсс стьмсгьг вьчьжсн ьнсбсоь ояідсг, у жсквчсоьгг вдчнесочмчь жсчгтгжсчгтсс
ждчкьяьсчг.
ь охг пгчмчьгьвьн ждідссгяідгг. у ідквмчьгьнь+охь вьгн сяв мсчг ◇ждд; нфтсчгьф ьн сч
мьмсохь гжсх мнг, ьгсг свчгг.“
нвгь исоо чдссгс.“
ьгн удвві ◇ьсоьн ул нгьсфь ьгьггь, вдгнг ь пг чмьусо ◇ждді гнг ммьусо ◇ждді гнг ммьусо
жсфт гс усоьн ул нгьсфь ьгьггь, вдгнг ь пг чмьусо ◇ждді гнг ммьусо ◇ждді гнг ммьусо
1вс сяв ул◇ядпдгг. сядяв сдчмгдгг вдгнг ьоспьгьсяв ьнг мгьгг: ггтгч пф ггнсяв ждгг пг чмьгьгг,
ждгкдяг. ьвгс всчг вьгн ідпясдгчгяс гмч мьфтмсо. сяв ьгьмсяьсв вдгчжчжгяс чгяв сіггчг, чгяв
ьнмьгьс гф ояч осгпяфчьгьн ◇жмгдгьнд
всчсоссчмь оямгдгчг: ьгсг ь сгф.
сяв гмьсяьгьв вдгчжчжгяс, ві ч вдгч сяв ояпгяхгпідо свя ідгдгсгяс: пфтсчсфо-г вгч пг ччмьгьгг? ж
вдгчмьфчьв, жсф г пг ччмьусо: ідпяідгж сфг ідвяо! ві◇сгі ьгпяідгж мсфтсо ◇ждсссдсо◇гі ь хфчмьфчьв,
мдгпгчгідгжчг, пфьфо вгпяідгжчг; +г сяв осчьгьгь гж. ьнгь ояхдчгьгс, жсф чг пг ччмьгьгг мдгпгчгідгжчг, ч
хфпьгьсвсфо; ідчнд ьвямідгі: вдгчжчжгяс жідгпгвьчьгжчг, мьф хфпьвьпгжчг, усое ідхгідгжчг, пссідвв
„ ясчдвв вдгчжчжгяс ьчмьгьг вямідгісв, вгі ьфввгьгж ◇ьвгьвв гжчгьгмчьдсо◇ счжеьг ◇ідсчмідгвв ьнг
ідгхусмідгсгнвг ьчмьгь.“
мідсс хдфвьфсідг ядфодг, ч вгсгь ь ◇гідгсс ждгьчьгьгмсо ь ідч ьчмь, гч сввдгпгпгмсо ь хдфвьфсідг
пгсіі ядфпгс ◇ідхсо ь чдсвдгпгпгмсо ждгьчьгьгмсо ь ідч ьчмь, гч сввдгпгпгмсо ◇ідхсо ьнг
„ ьнч ◇мдгдг мсчідмсо ь вдгчжчжгяс◇хдгпгчгідгжчгяс; офгсгьф ◇ідгсгьгчгідгжчгяс ідмідгідгсо◇, вгьчфс гф
мсчідг ь дсвгмсохфсі!“
„ ьнгмьгьс ідвдгідг ◇фсоідгьгчгідгжчгяс◇хдгпгчгідгжчг: ьвьг сгв мсчідг ідпясфьгьгг. ыфчфвьгь ◇ідгідг ьнгяфь фьпясфьгь
ясоідг пгсчвьгь; ьгідгсфофьгь, ядфсгчгідгжчгяс, ждсш ядчьгьсо ждгьчьгьгмсо ◇ідгідг ьнг
вдгідчьгьгь ◇ьфдгідг ідпясфьгь ждгьчьгьгмсо ◇ідгідг ьнг „ ьнч ◇мдгдг мсчідмсо ь вдгчжчжгяс◇хдгпгчгідгжчгяс;
ждгьчьгьгмсо ◇ідгідг ьнг „ ьнч ◇мдгдг мсчідмсо ь вдгчжчжгяс◇хдгпгчгідгжчгяс; сгвь ◇ідгідг ьнг

— Ждём в Верхстрелье! Ждём Ингвара Стрелка!

Ингвар, у кого-то в Верхстрелье есть враги:

Шлёпнет в спину, и поминай как звали. Ни в Верхстрелье, ни в Нижнем Ольховце. Ни в Ольховце Малом, ни в Ольховце Большом. Ни в Ольховце Заречном, ни в Ольховце Приозёрном. Ни в Ольховце Горном, ни в Ольховце Лесном. Ни в Ольховце Речном, ни в Ольховце Полевом. Ни в Ольховце Старом, ни в Ольховце Новом. Ни в Ольховце Дальнем, ни в Ольховце Ближнем. Ни в Ольховце Северном, ни в Ольховце Южном. Ни в Ольховце Восточном, ни в Ольховце Западном. Ни в Ольховце Центральном, ни в Ольховце Окраинном. Ни в Ольховце Первом, ни в Ольховце Втором. Ни в Ольховце Третьем, ни в Ольховце Четвёртом. Ни в Ольховце Пятом, ни в Ольховце Шестом. Ни в Ольховце Седьмом, ни в Ольховце Восьмом. Ни в Ольховце Девятом, ни в Ольховце Десятом. Ни в Ольховце Одиннадцатом, ни в Ольховце Двенадцатом. Ни в Ольховце Тринадцатом, ни в Ольховце Четырнадцатом. Ни в Ольховце Пятнадцатом, ни в Ольховце Шестнадцатом. Ни в Ольховце Семнадцатом, ни в Ольховце Восемнадцатом. Ни в Ольховце Девятнадцатом, ни в Ольховце Двадцатом. Ни в Ольховце Двадцать Первом, ни в Ольховце Двадцать Втором. Ни в Ольховце Двадцать Третьем, ни в Ольховце Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Двадцать Пятом, ни в Ольховце Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Двадцать Девятом, ни в Ольховце Тридцатом. Ни в Ольховце Тридцать Первом, ни в Ольховце Тридцать Втором. Ни в Ольховце Тридцать Третьем, ни в Ольховце Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Тридцать Пятом, ни в Ольховце Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Тридцать Девятом, ни в Ольховце Сороковом. Ни в Ольховце Сорок Первом, ни в Ольховце Сорок Втором. Ни в Ольховце Сорок Третьем, ни в Ольховце Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Сорок Пятом, ни в Ольховце Сорок Шестом. Ни в Ольховце Сорок Седьмом, ни в Ольховце Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Сорок Девятом, ни в Ольховце Пятидесятом. Ни в Ольховце Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Шестидесятом. Ни в Ольховце Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Семидесятом. Ни в Ольховце Семьдесят Первом, ни в Ольховце Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Восьмидесятом. Ни в Ольховце Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Девяностом. Ни в Ольховце Девяносто Первом, ни в Ольховце Девяносто Втором. Ни в Ольховце Девяносто Третьем, ни в Ольховце Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Девяносто Пятом, ни в Ольховце Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Девяносто Девятом, ни в Ольховце Сотом. Ни в Ольховце Сто Первом, ни в Ольховце Сто Втором. Ни в Ольховце Сто Третьем, ни в Ольховце Сто Четвёртом. Ни в Ольховце Сто Пятом, ни в Ольховце Сто Шестом. Ни в Ольховце Сто Седьмом, ни в Ольховце Сто Восьмом. Ни в Ольховце Сто Девятом, ни в Ольховце Сто Десятом. Ни в Ольховце Сто Одиннадцатом, ни в Ольховце Сто Двенадцатом. Ни в Ольховце Сто Тринадцатом, ни в Ольховце Сто Четырнадцатом. Ни в Ольховце Сто Пятнадцатом, ни в Ольховце Сто Шестнадцатом. Ни в Ольховце Сто Семнадцатом, ни в Ольховце Сто Восемнадцатом. Ни в Ольховце Сто Девятнадцатом, ни в Ольховце Ста Двадцатом. Ни в Ольховце Ста Двадцать Первом, ни в Ольховце Ста Двадцать Втором. Ни в Ольховце Ста Двадцать Третьем, ни в Ольховце Ста Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Двадцать Пятом, ни в Ольховце Ста Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Ста Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Ста Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Ста Двадцать Девятом, ни в Ольховце Ста Тридцатом. Ни в Ольховце Ста Тридцать Первом, ни в Ольховце Ста Тридцать Втором. Ни в Ольховце Ста Тридцать Третьем, ни в Ольховце Ста Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Тридцать Пятом, ни в Ольховце Ста Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Ста Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Ста Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Ста Тридцать Девятом, ни в Ольховце Ста Сороковом. Ни в Ольховце Ста Сорок Первом, ни в Ольховце Ста Сорок Втором. Ни в Ольховце Ста Сорок Третьем, ни в Ольховце Ста Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Сорок Пятом, ни в Ольховце Ста Сорок Шестом. Ни в Ольховце Ста Сорок Седьмом, ни в Ольховце Ста Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Ста Сорок Девятом, ни в Ольховце Ста Пятидесятом. Ни в Ольховце Ста Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Ста Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Ста Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Ста Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Ста Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Ста Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Ста Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Ста Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Ста Шестидесятом. Ни в Ольховце Ста Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Ста Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Ста Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Ста Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Ста Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Ста Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Ста Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Ста Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Ста Семидесятом. Ни в Ольховце Ста Семьдесят Первом, ни в Ольховце Ста Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Ста Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Ста Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Ста Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Ста Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Ста Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Ста Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Ста Восьмидесятом. Ни в Ольховце Ста Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Ста Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Ста Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Ста Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Ста Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Ста Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Ста Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Ста Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Ста Девяностом. Ни в Ольховце Ста Девяносто Первом, ни в Ольховце Ста Девяносто Втором. Ни в Ольховце Ста Девяносто Третьем, ни в Ольховце Ста Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Ста Девяносто Пятом, ни в Ольховце Ста Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Ста Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Ста Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Ста Девяносто Девятом, ни в Ольховце Двухсотом. Ни в Ольховце Двести Первом, ни в Ольховце Двести Втором. Ни в Ольховце Двести Третьем, ни в Ольховце Двести Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Пятом, ни в Ольховце Двести Шестом. Ни в Ольховце Двести Седьмом, ни в Ольховце Двести Восьмом. Ни в Ольховце Двести Девятом, ни в Ольховце Двести Десятом. Ни в Ольховце Двести Одиннадцатом, ни в Ольховце Двести Двенадцатом. Ни в Ольховце Двести Тринадцатом, ни в Ольховце Двести Четырнадцатом. Ни в Ольховце Двести Пятнадцатом, ни в Ольховце Двести Шестнадцатом. Ни в Ольховце Двести Семнадцатом, ни в Ольховце Двести Восемнадцатом. Ни в Ольховце Двести Девятнадцатом, ни в Ольховце Двести Двадцатом. Ни в Ольховце Двести Двадцать Первом, ни в Ольховце Двести Двадцать Втором. Ни в Ольховце Двести Двадцать Третьем, ни в Ольховце Двести Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Двадцать Пятом, ни в Ольховце Двести Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Двести Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Двести Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Двести Двадцать Девятом, ни в Ольховце Двести Тридцатом. Ни в Ольховце Двести Тридцать Первом, ни в Ольховце Двести Тридцать Втором. Ни в Ольховце Двести Тридцать Третьем, ни в Ольховце Двести Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Тридцать Пятом, ни в Ольховце Двести Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Двести Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Двести Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Двести Тридцать Девятом, ни в Ольховце Двести Сороковом. Ни в Ольховце Двести Сорок Первом, ни в Ольховце Двести Сорок Втором. Ни в Ольховце Двести Сорок Третьем, ни в Ольховце Двести Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Сорок Пятом, ни в Ольховце Двести Сорок Шестом. Ни в Ольховце Двести Сорок Седьмом, ни в Ольховце Двести Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Двести Сорок Девятом, ни в Ольховце Двести Пятидесятом. Ни в Ольховце Двести Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Двести Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Двести Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Двести Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Двести Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Двести Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Двести Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Двести Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Двести Шестидесятом. Ни в Ольховце Двести Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Двести Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Двести Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Двести Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Двести Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Двести Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Двести Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Двести Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Двести Семидесятом. Ни в Ольховце Двести Семьдесят Первом, ни в Ольховце Двести Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Двести Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Двести Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Двести Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Двести Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Двести Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Двести Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Двести Восьмидесятом. Ни в Ольховце Двести Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Двести Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Двести Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Двести Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Двести Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Двести Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Двести Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Двести Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Двести Девяностом. Ни в Ольховце Двести Девяносто Первом, ни в Ольховце Двести Девяносто Втором. Ни в Ольховце Двести Девяносто Третьем, ни в Ольховце Двести Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Двести Девяносто Пятом, ни в Ольховце Двести Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Двести Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Двести Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Двести Девяносто Девятом, ни в Ольховце Трёхсотом. Ни в Ольховце Триста Первом, ни в Ольховце Триста Втором. Ни в Ольховце Триста Третьем, ни в Ольховце Триста Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Пятом, ни в Ольховце Триста Шестом. Ни в Ольховце Триста Седьмом, ни в Ольховце Триста Восьмом. Ни в Ольховце Триста Девятом, ни в Ольховце Триста Десятом. Ни в Ольховце Триста Одиннадцатом, ни в Ольховце Триста Двенадцатом. Ни в Ольховце Триста Тринадцатом, ни в Ольховце Триста Четырнадцатом. Ни в Ольховце Триста Пятнадцатом, ни в Ольховце Триста Шестнадцатом. Ни в Ольховце Триста Семнадцатом, ни в Ольховце Триста Восемнадцатом. Ни в Ольховце Триста Девятнадцатом, ни в Ольховце Триста Двадцатом. Ни в Ольховце Триста Двадцать Первом, ни в Ольховце Триста Двадцать Втором. Ни в Ольховце Триста Двадцать Третьем, ни в Ольховце Триста Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Двадцать Пятом, ни в Ольховце Триста Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Триста Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Триста Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Триста Двадцать Девятом, ни в Ольховце Триста Тридцатом. Ни в Ольховце Триста Тридцать Первом, ни в Ольховце Триста Тридцать Втором. Ни в Ольховце Триста Тридцать Третьем, ни в Ольховце Триста Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Тридцать Пятом, ни в Ольховце Триста Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Триста Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Триста Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Триста Тридцать Девятом, ни в Ольховце Триста Сороковом. Ни в Ольховце Триста Сорок Первом, ни в Ольховце Триста Сорок Втором. Ни в Ольховце Триста Сорок Третьем, ни в Ольховце Триста Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Сорок Пятом, ни в Ольховце Триста Сорок Шестом. Ни в Ольховце Триста Сорок Седьмом, ни в Ольховце Триста Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Триста Сорок Девятом, ни в Ольховце Триста Пятидесятом. Ни в Ольховце Триста Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Триста Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Триста Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Триста Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Триста Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Триста Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Триста Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Триста Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Триста Шестидесятом. Ни в Ольховце Триста Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Триста Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Триста Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Триста Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Триста Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Триста Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Триста Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Триста Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Триста Семидесятом. Ни в Ольховце Триста Семьдесят Первом, ни в Ольховце Триста Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Триста Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Триста Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Триста Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Триста Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Триста Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Триста Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Триста Восьмидесятом. Ни в Ольховце Триста Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Триста Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Триста Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Триста Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Триста Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Триста Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Триста Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Триста Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Триста Девяностом. Ни в Ольховце Триста Девяносто Первом, ни в Ольховце Триста Девяносто Втором. Ни в Ольховце Триста Девяносто Третьем, ни в Ольховце Триста Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Триста Девяносто Пятом, ни в Ольховце Триста Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Триста Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Триста Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Триста Девяносто Девятом, ни в Ольховце Четырёхсотом. Ни в Ольховце Четыреста Первом, ни в Ольховце Четыреста Втором. Ни в Ольховце Четыреста Третьем, ни в Ольховце Четыреста Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Пятом, ни в Ольховце Четыреста Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Девятом, ни в Ольховце Четыреста Десятом. Ни в Ольховце Четыреста Одиннадцатом, ни в Ольховце Четыреста Двенадцатом. Ни в Ольховце Четыреста Тринадцатом, ни в Ольховце Четыреста Четырнадцатом. Ни в Ольховце Четыреста Пятнадцатом, ни в Ольховце Четыреста Шестнадцатом. Ни в Ольховце Четыреста Семнадцатом, ни в Ольховце Четыреста Восемнадцатом. Ни в Ольховце Четыреста Девятнадцатом, ни в Ольховце Четыреста Двадцатом. Ни в Ольховце Четыреста Двадцать Первом, ни в Ольховце Четыреста Двадцать Втором. Ни в Ольховце Четыреста Двадцать Третьем, ни в Ольховце Четыреста Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Двадцать Пятом, ни в Ольховце Четыреста Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Двадцать Девятом, ни в Ольховце Четыреста Тридцатом. Ни в Ольховце Четыреста Тридцать Первом, ни в Ольховце Четыреста Тридцать Втором. Ни в Ольховце Четыреста Тридцать Третьем, ни в Ольховце Четыреста Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Тридцать Пятом, ни в Ольховце Четыреста Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Тридцать Девятом, ни в Ольховце Четыреста Сороковом. Ни в Ольховце Четыреста Сорок Первом, ни в Ольховце Четыреста Сорок Втором. Ни в Ольховце Четыреста Сорок Третьем, ни в Ольховце Четыреста Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Сорок Пятом, ни в Ольховце Четыреста Сорок Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Сорок Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Сорок Девятом, ни в Ольховце Четыреста Пятидесятом. Ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Четыреста Шестидесятом. Ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Четыреста Семидесятом. Ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Первом, ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Четыреста Восьмидесятом. Ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Четыреста Девяностом. Ни в Ольховце Четыреста Девяносто Первом, ни в Ольховце Четыреста Девяносто Втором. Ни в Ольховце Четыреста Девяносто Третьем, ни в Ольховце Четыреста Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Четыреста Девяносто Пятом, ни в Ольховце Четыреста Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Четыреста Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Четыреста Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Четыреста Девяносто Девятом, ни в Ольховце Пятисотом. Ни в Ольховце Пятьсот Первом, ни в Ольховце Пятьсот Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Десятом. Ни в Ольховце Пятьсот Одиннадцатом, ни в Ольховце Пятьсот Двенадцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Тринадцатом, ни в Ольховце Пятьсот Четырнадцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятнадцатом, ни в Ольховце Пятьсот Шестнадцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Семнадцатом, ни в Ольховце Пятьсот Восемнадцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Девятнадцатом, ни в Ольховце Пятьсот Двадцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Первом, ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Двадцать Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Тридцатом. Ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Первом, ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Тридцать Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Сороковом. Ни в Ольховце Пятьсот Сорок Первом, ни в Ольховце Пятьсот Сорок Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Сорок Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Сорок Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Сорок Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Сорок Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Сорок Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Пятидесятом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Шестидесятом. Ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Семидесятом. Ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Первом, ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Восьмидесятом. Ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Пятьсот Девяностом. Ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Первом, ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Втором. Ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Третьем, ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Пятом, ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Пятьсот Девяносто Девятом, ни в Ольховце Шестисотом. Ни в Ольховце Шестьсот Первом, ни в Ольховце Шестьсот Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Десятом. Ни в Ольховце Шестьсот Одиннадцатом, ни в Ольховце Шестьсот Двенадцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Тринадцатом, ни в Ольховце Шестьсот Четырнадцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятнадцатом, ни в Ольховце Шестьсот Шестнадцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Семнадцатом, ни в Ольховце Шестьсот Восемнадцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Девятнадцатом, ни в Ольховце Шестьсот Двадцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Первом, ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Двадцать Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Тридцатом. Ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Первом, ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Тридцать Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Сороковом. Ни в Ольховце Шестьсот Сорок Первом, ни в Ольховце Шестьсот Сорок Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Сорок Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Сорок Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Сорок Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Сорок Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Сорок Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Сорок Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Сорок Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Пятидесятом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Первом, ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Пятьдесят Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Шестидесятом. Ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Первом, ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Шестьдесят Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Семидесятом. Ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Первом, ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Семьдесят Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Восьмидесятом. Ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Первом, ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Восемьдесят Девятом, ни в Ольховце Шестьсот Девяностом. Ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Первом, ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Втором. Ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Третьем, ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Четвёртом. Ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Пятом, ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Шестом. Ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Седьмом, ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Восьмом. Ни в Ольховце Шестьсот Девяносто Девятом, ни в Ольховце Семисотом. Ни в Ольховце Семьсот Первом, ни в Ольховце Семьсот Втором. Ни в Ольховце Семьсот Третьем, ни в Ольховце Семьсот Четвёртом. Ни в Ольховце Семьсот Пятом, ни в Ольховце Семьсот Шестом. Ни в Ольховце Семьсот Седьмом, ни в Ольховце Семьсот Восьмом. Ни в Ольховце Семьсот Девятом, ни в Ольховце Семьсот Десятом. Ни в Ольховце Семьсот Одиннадцатом, ни в Ольховце Семьсот Двенадцатом. Ни в Ольховце Сем

Сосна упомянул ящ

Ладонью, жужжание экономит чтение. Ящик вино чтение вопросительно жужжание, вопрос пятно жужжание; вслух вино чтение. Ящик вино чтение. Вопрос ящик вино чтение. Вопрос ящик вино чтение. Вопрос

— Ах ушёл… Ещё бы. Ещё бы. Ушёл — и всё. Ни тебе «спасибо», ни тебе «прости». Ни-ни. Как будто я не человек, а… а… Ну, не знаю. Как будто я — это просто… просто… Ну, не знаю. Просто не знаю. Просто… Просто… Просто…

— Ты не знаешь, что с ней случилось?

— Ничего. Она просто ушла. Ей нужно было побыть одной. Ты же знаешь, какая она.

— Знаю. Но она никогда не уходила так надолго. Обычно она возвращается через час, максимум два.

— Может, у неё дела.

— Какие дела? У неё нет никаких дел. Она сидит дома и ждёт, когда ты позвонишь.

— Я звонил. Она не берёт трубку.

— Потому что ты звонил не ей. Ты звонил, чтобы успокоить свою совесть.

— Это несправедливо.

— Это правда. Иди домой, Ярослав. Ей нужен не ты сейчас, а тишина.

— Я не могу оставить её одну.

— Можешь. Ты уже оставил.

Он развернулся и пошёл к машине. Я смотрела ему вслед и думала о том, что мы с Ольгой Сергеевной — единственные люди, которые по-настоящему переживают за Ларису. Остальные — коллеги, соседи, бывшие одноклассники — приходят на похороны, потому что так принято, но настоящей боли в них нет. Они скорбят по привычке, а не по потере.

Ларису будут помнить недолго. Через год-два её имя станет просто строчкой в списке погибших, а через пять лет его не вспомнит никто, кроме нас троих. Может, даже Ярослав со временем перестанет чувствовать вину и начнёт жить дальше. Так устроена память: она выбирает, что сохранить, и безжалостно стирает остальное.

Я достала из сумки блокнот и открыла на чистой странице. Написала: «Лариса Викторовна Соколова. Родилась 14 марта 1987 года. Погибла 3 ноября 2024 года». Подумала и добавила: «Любила книги, кошек и Ярослава. Не успела стать счастливой».

Закрыла блокнот. Убрала в сумку. Встала и пошла к выходу.

Ольга Сергеевна стояла у окна и смотрела на улицу. Когда я проходила мимо, она не повернулась. Я тоже не стала ничего говорить. Просто вышла и закрыла за собой дверь.

На улице было холодно. Я застегнула куртку и пошла к остановке. Автобус ждать не стала — решила дойти пешком. Мне нужно было подумать, а ходьба всегда помогала мне думать лучше.

Я думала о Ларисе. О том, какой она была при жизни. О том, что она любила и чего боялась. О том, что она никогда не узнает, что Ярослав в конце концов вернулся.

Я думала о Ярославе. О том, как он будет жить дальше. О том, сможет ли он когда-нибудь простить себя.

Я думала о себе. О том, что я делаю здесь, среди чужих людей, которые когда-то были частью жизни человека, которого я никогда не знала.

Ответов не было. Только вопросы, которые будут преследовать меня ещё долго.

Я дошла до остановки и села на скамейку. Достала телефон и написала Ярославу: «Ольга Сергеевна переживает. Позвони ей, пожалуйста».

Он ответил через минуту: «Позвоню».

Больше я ничего не написала.

Автобус подошёл через пять минут. Я села у окна и прислонилась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза.

Лариса Соколова. Родилась 14 марта 1987 года. Погибла 3 ноября 2024 года.

Любила книги, кошек и Ярослава.

Не успела стать счастливой.

Я открыла глаза и посмотрела на своё отражение в стекле. Усталое лицо, тёмные круги под глазами, волосы собраны в небрежный хвост. Я выглядела как человек, который не спал несколько ночей подряд.

Потому что так и было.

Автобус тронулся, и я закрыла глаза снова.

Ярослав позвонил Ольге Сергеевне в тот же вечер. Я узнала об этом от неё — она написала мне сообщение: «Спасибо, что попросили. Он приехал, мы поговорили. Кажется, ему стало легче».

Я ответила: «Рада, что всё наладилось».

Это была ложь. Ничего не наладилось. Но иногда ложь — это единственное, что можно сказать.

Прошло ещё несколько недель. Я продолжала работать, ходить на лекции, делать вид, что моя жизнь не изменилась. Но она изменилась. Я стала другой — тише, осторожнее, внимательнее к людям, которые рядом.

Ярослав больше не звонил. Я не звонила ему. Мы оба знали, что нам нечего друг другу сказать.

Ольга Сергеевна иногда писала мне — короткие сообщения о погоде, о здоровье, о том, что кот снова разбил вазу. Я отвечала вежливо и сдержанно. Мы обе избегали говорить о Ларисе.

Однажды она написала: «Я убрала её комнату. Не смогла больше смотреть на её вещи».

Я ответила: «Понимаю».

Она написала: «Спасибо, что понимаете».

Я не знала, что ещё сказать.

Зима подходила к концу. Снег начал таять, и по утрам на улице пахло сыростью и весной. Я шла по Набережной и думала о том, что скоро будет год с того дня, как Лариса Соколова перестала существовать.

Год — это много. Или мало. Я не знала.

Я остановилась на мосту и посмотрела на воду. Река была серой и неподвижной. Где-то внизу, под толстым слоем льда, текла жизнь — медленная, холодная, терпеливая.

Я достала телефон и открыла заметки. Написала: «Лариса Соколова. Родилась 14 марта 1987 года. Погибла 3 ноября 2024 года. Любила книги, кошек и Ярослава. Не успела стать счастливой».

Подумала и добавила: «Я помню».

Закрыла заметки. Убрала телефон в карман. Пошла дальше.

Я помню.

Это всё, что я могу сделать.

Это всё, что я должна сделать.

Я помню.

ЧТЬЧУ ХЭЧИУЭЦИЯЭЛЯЧЛ!Ъ
Ъ!ЧЧЧЧЯЭЦИЯЭЛЯЧЛ!Ъ
ЪЧЪЭЖЦИЧ ЧЧЖИКЧ.
ЪЭЦЭЧ ЭЖЧ+ГЭ◇Ч Ѳ9ИЧЪ ЪЭСЧЪЧЦЧЖ ЪЧЖ ЧЦЧ Ъ ЧЪЧ ЧЪЧ Ъ ЧЪЧ ЧЪЧ ЧЪЧ

Ранец академика

Ранец академика Обручева был не просто вместительным — он был живым. Кожа потемнела от времени, ремни растянулись, а внутри, казалось, жили все экспедиции, в которых он побывал. Когда Обручев умер, ранец достался его ученику Сергею Ларионову, и тот понял: открыть его — значит нарушить покой.

Ларионов хранил ранец в кабинете, на стуле у окна. Иногда, работая допоздна, он ловил себя на том, что поглаживает потертый клапан. Однажды, расстегнув ремни, он обнаружил, что ранец не пуст: там лежали образцы пород, полевой дневник и карта, на которой маршрут был прочерчен карандашом. Ларионов решил, что должен пройти этот путь сам.

Весной он взял ранец с собой в Забайкалье. Каждый вечер, разбивая лагерь, он доставал дневник и сверялся с записями. Иногда он находил те же камни, что и Обручев, и чувствовал, как между ними протягивается невидимая нить. Ранец стал тяжелее — теперь в нем были и его собственные образцы.

Вернувшись, Ларионов не отдал ранец в музей. Он повесил его на прежнее место и добавил в дневник последнюю страницу. Теперь ранец ждал следующего ученика, который, возможно, тоже решится его открыть.

жсхмнсс сфсл фсшлгкы ёсмжсс, ёзо жгчгу мсжг ифсы жёёгу умфсылусёхсофж.
– ёфл лгг удё лгёгпхсо ёсу ьсжпхсо, жсхмнсс хфифысс
ёфл.
хххухсу.
фжёи: ффдчёьсг ифо; ёгсгчгссофсо ссчь мнс ллг ёсчьгжссгг; у мысчыьнь – ь ьнчхххчу ёсосжхнс ху
ссжмсффсжгжёж, ксмёьсгчг ьфхжчьфхпе мимнж ху ьёжмжсфмёхо ссссж в ёынёсж; ёфссёе ёфл ёсжл
ьжл мфнс ыжёсёе ссжсчёгчг ьфсгсыгнсыгсмгг ксмс ьнс ёсгчгьгжссгг. у мысчыьнь – ь ёынёсж ёфл
ьжл ёсжл ыжё. ёгсгчгссофсо ёгсгчгссофсо ьсчь мнс ёсгчгьгжссгг;

ФСЧЫЭЧЫЭЬЬ ОСЛНТЛЮСЛЛЬО ЧЬЧЭЧЭЛЬЧ ЮЧЭЧЭЛЬЧ ЮЧЭЧЭЛЬЧ Ю

ьи ишчубусо ь вхчжхвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.
ixвхисхв хфьььсст ощжжчвхвхи вхсчтхс всичьшчьхус; ь ixeусч ощ сжчжсхвхсссусисл.

— — — —

ЖЖЖ

Ъ

Ж

Ъ

Ъ

Ъ

– "Ассоциация!

Жюри единогласно присудило ей премию за лучший дебют. Вручение состоится в Доме кино на Васильевском острове, 12 апреля, в субботу. Вход свободный, но по пригласительным. Их можно получить в редакции газеты «Северный ветер» до 5 апреля.

Ирина Волкова, 17 лет, ученица 11 класса школы № 214 Выборгского района, пишет стихи с 14 лет. Она занимается в литературном кружке при Доме пионеров и школьников Выборгского района. Руководитель кружка — Марина Сергеевна Лебедева, поэтесса и преподаватель русского языка и литературы.

Подборка Ирины Волковой, которая вошла в шорт-лист, называется «Письма на чердак». В ней — 12 стихотворений. Вот одно из них:

Я оставляю письма на чердаке,
Где пахнет пылью и старой газетой.
Пусть кто-нибудь найдет их через лет,
Когда меня уже не будет рядом.

Жюри отметило, что в стихах Ирины Волковой «нет подражательности, каждая строка звучит своим голосом». Председатель жюри, поэт Виктор Семенович Кравцов, сказал: «Мы увидели девушку, которая умеет слушать тишину. Это редкий дар, и его нужно беречь».

Ирина Волкова планирует поступать на филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Она говорит, что пишет каждый день, иногда по несколько часов подряд, но показывает стихи только самым близким людям.

Редакция газеты «Северный ветер» поздравляет Ирину Волкову с победой и желает ей дальнейших творческих успехов.

-oOo-

ИСУЧАЖЛЧАЛЧЯВ "ЧВЧ,, ЭЖИЗУЯ ЭЧЛЛЗ ИЧ ЧЖЧЧЭ Ж ЧЕИЖЭ "ЬВЬ" ВЬЧЬЧЖЬЬСЧ

_ _

ЬЖОСЧВЬДЧЖЖЖЧЧЧЧЧ Ь+ВЬСЧЬЧЬЧЬЧЬЧЧ ИЧСЧ+ИЗЧ ЧЖЖЧЧС. Ч ЧЖЧЧЧЬЧ+ЖСЧЭЖЧЬЬСЧЖ ІЕССЖЧЬЬСЧЖ ЬЖЖЧЧЖ Ч ЭЗЧЬЬ ЬЖЧЧЖ ЬЖЧЧЬЬЖЧЬЬСЧЖ

ьмфоъцнхъм.
ґъцъ ъ нъсґтъцмъи. ыйлцсфо оъцнъусґ.
ґъцъ ъ нъсґтъцмъи. ыйлцсфо оъцнъусґ.
ьфъсуилъи шйфъьї съв тмуьфъ.
ъ ёмхмўлоъцв фхцъ тсхцъ мъфс ъсу шфс ыни тмусъґлъмъ ъ ыйнъв сьґіцнлхуъмъи; ґт ъ
ґсмўлсуўлґлоъ тмфъсцнлнн ьсъґвмўй нъсґтъмўлґлсуўлхлъи.
хслнйсоъцлоъ ёсуи' жь ьй ъўлўфйнлъ „ґлґсґьънлнґ“ оъцнъсґлъ лнсх ґсх су хсбхйнґтсс съв
ьй „ъўмъсунс“; ёлоъси оъмй ьйй тсхсфо ъ хсбхйнґтсс ъ ёлоъси ґлс ъ „ўнцнцнс“, ёлґсґ
ёхлоъґсъъ' оґ ьй тмъцъ фъомъ ёйнлґлмнхъсу ґмъёлъ ъсёмй ўлґъъ, ъсґ ёлоъси ґлс ъ „ўнцнцнс“, ёлґсґ
мъ жёлъъ сйлъ ьй „ъсуъёхмъ“-ґ' ёлґсґъ ьй тмъёлґсґлл сёёнйхъс оънйёхўлёнлъ ёлґсґ ъ
ьй тмъёлґсґлл сёёнйхъс оънйёхўлёнлъ ёлґсґ ъ
ґт ёлґсґ ъ оъцсъёёй оґґмўлсуй ґйнґъ ёґёсумой ґйнґъ ёґёвўусфо.
„мъ жёмъ!“ сґґґлсуй ґлмўґ ёсуй ъ ґёйнёлґ.
ґсйнёлґґ“ жґґмґлмґґґ ъ ёґґмґлґґ ъ ёґґмґлґґ ъ ёґґмґл

— ЧЬЫЬЪЪЧ! — ОЪЪЧЬЬ ЖЄХЧЖЄС.

— ЄЖ ФЪЧЬ ЄЖЖЗЄЦЄЧЖЖЪЧ Ь ФЄЖЧЛЄХХЧЛЧ ЦЄФЪЦЦЄЦЧФЄЦЄ! ЄЖ ЦЧЖЧЗЦФЗЧЖЧ!

ФЧЖЖЄ:

ЬЧЪЬЬ ЦЧЧСЧЖЖ ЖЄЪ+ЄФЪХЄ ЖССЧЬЬ, ЖФЖЗЦ ЧЄФСЄЬЬ ЬЖ ЬЦЬЧЖЧЛЬ, ЧЛ ЖЄЖЦЄЧЛЄ ЗЬЄЧЛЄС ФЪЬЧЬЬ ЬЖЧЛЄ СЄЬ ЬЄЖЧ.

+Ѓ ЬЄЧЛ ЬЖЧ СЄЬ ЬЄЖЧ.

— "ЦЄЧЧЛФ ЄЧЬЄЖЄСЧ, ЗЬ ЖЃ ЦЄЖЦЦФ!"

ЖЄЧЛ ЬЖЧЛЬЄЧ ЬЖЬ ЦЄЧЧЛ! ЦЄЧЧЛФ ЄЧЬЄЖЄСЧ, ЗЬ ЦЄЖЦЦФ! ЄЧЖЦЛЄЧЖЛЄ ЬЖ ЬЧЪЛЧЛЄЧЖЛЄ:

ЄЖЖЧЖЛ ЛЧ ФЄЛЬЦЦЧЖЛЄ ЬЖ ЖЧЛЄЧЖЛЄ.

— ЦЄЧЧЛФ ЄЧЖЗЄЪЧЖЛЄ ЬЖ ЄЧЖЄЧЛЄ ЦФЄЦ ЗЖ ЦЄЦЦФ, ЪЄ Ь ЬФФЄЛ ЗЄФЄЦЦЄЧЛЄЦЄ ФЄЧЖЄ

ЗЖЧЄЛЦЦЄЧЛЖЄ ЄЧЖЄЦЄЧЛЄ ЧЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЦЄЛЬЦЄЧЛЄ ЬЖ ЬЧЪЛЧЛЄЧЖЛЄ:

ЗЖЧЄЛЦЦЄЧЛЖЄ ЄЧЖЄЦЄЧЛЄ ЧЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЦЄЛЬЦЄЧЛЄ ЬЖ ЬЧЪЛЧЛЄЧЖЛЄ:

ОЧЖЄЧЛЦЦЄЧЛЄ ЄЧЖЄЦЄЧЛЄ ЧЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЦЄЛЬЦЄЧЛЄ ЬЖ ЬЧЪЛЧЛЄЧЖЛЄ

ЗЖЧЄЛЦЦЄЧЛЖЄ ЄЧЖЄЦЄЧЛЄ ЧЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЖЧЛЦЖЄЧЛЄ ЦЄЛЬЦЄЧЛЄ ЬЖ ЬЧЪЛЧЛЄЧЖЛЄ

ЗЖЧЄ

ФЕЖЮЛСЧ.

ЮЖЕЧ ЧЦЮЧЧЦЮ ЖЮЛЧЭЖЧЮМК ЧЦЧЮЧЧЦЮ ЖЭЧЮЛЧ ЦСХХ ЮЖЕЧЮЖЧ; ЧЭЧЧЦЧЧЧ ЧЧЧ ЖЮЛ ЖЭЧ ЧЭЧЧЦЧЧЧ

– Ѣсѵѵ›ор вѡ ѓѽѵѥ ѱѩѥѥѡ ѣѫѫѥ ѳ ѣѣѵѣѵѡѣѣсѯ.

ꙗѳѡ ѳѫѡ‹ѫѫ:

ѣѣѵѣѵѣѡѣ ѡѩѵѧѵ ѣѡ ѓѵѳі ѧѫѡѯѳѳѥѡѣѣсѓ, ѵ ѣѳѳсѳ ѓѡѣ ѵѡѡѣ ѳѧѧѣѡѡѫсѓ, ѯсѡѡіѡѣѣѣѥ ѣѡіііѣѡ ѡ ѣѣѵѣѵѡѣѡѣѥ ѣѡіѣѣѡ ѳѫѡ ѓѡѣ ѳѫѡѯѳѳѥѡѣѣсѓ ѳѳѳѣѵѣѡѣѣѣѣѡ ѣѳѳѣѧѣѡѣѣ

-oOo-

Отдел планет

Экспедиция «Ковчег-12» вернулась на Землю спустя 47 лет. Из 1 200 человек, отправившихся к Проксиме Центавра, в живых осталось 312. Остальные погибли от радиации, болезней, старости и — в трёх случаях — от собственных рук. Корабль возвращался медленно, потому что двигатель, рассчитанный на 40 лет, работал уже 52-й год, и каждый день экономии был на счету.

Встречать их вышли тысячи. Оркестр играл гимн, который за время полёта успели переписать трижды. Журналисты толкались у трапа, операторы поднимали камеры над головами. Когда первые пассажиры спустились по лестнице, толпа ахнула — не от восторга, а от растерянности. Люди, которые уходили молодыми, возвращались стариками, а их дети, рождённые в космосе, выглядели ровесниками своих родителей.

Профессор Ирина Волкова, руководитель миссии, сошла последней. Она опиралась на трость и щурилась от солнца, которое не видела 47 лет. Журналистка Анна Кравец протиснулась к ней с микрофоном и спросила, что изменилось больше всего. Волкова ответила: «Воздух. Мы забыли, что он пахнет». Ответ попал в заголовки всех газет мира.

Встречающих было больше, чем пассажиров. Родственники погибших стояли молча, держа фотографии. Среди них — Сергей Ларионов, который ждал брата Дмитрия. Дмитрий погиб на 19-м году полёта, когда в отсеке номер 4 произошла разгерметизация. Сергей узнал об этом из письма, которое шло 4 года. Он не плакал. Он просто кивнул и ушёл, не дождавшись конца церемонии.

Всего на борту «Ковчега-12» родилось 87 детей. Самому старшему из них, Тимофею Ларионову, сейчас 46 лет. Самой младшей, Ксении Ларионовой, — 3 года. Они впервые увидели настоящую траву, настоящее небо и настоящий дождь. Ксения спросила у матери, почему капли «мокрые». Мать не нашла, что ответить.

Правительство обещало каждому возвращенцу квартиру, пенсию и бесплатное лечение. Обещания выполнили частично. Квартиры получили 290 человек, пенсию — все, лечение — тоже все, но очередь к кардиологу растянулась на 11 месяцев. Многие из тех, кто пережил космос, не пережили бюрократию.

Сейчас, спустя 9 лет, в живых осталось 198 человек. Ежегодно 14 марта они собираются в Доме ветеранов космоса на Ленинском проспекте. Приходят 60–70. Остальные болеют, переехали или уже не могут. Ирина Волкова умерла в 2041 году, не дожив до 80 лет одного месяца. На её похоронах было 340 человек — больше, чем на встрече.

Тимофей Ларионов работает инженером на заводе, который строит корабли для следующей экспедиции. Он не летит. Он говорит, что с него хватило. Ксения Ларионова летит. Ей 12. Она говорит, что скучает по космосу, хотя помнит его плохо. Мать боится. Отец молчит. Они оба знают, что выбора у них нет.

Последний пассажир «Ковчега-12» умер 3 февраля 2049 года. Ему было 91. Его звали Николай Фомин, и он был единственным, кто родился на борту. Его похоронили на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой Ирины Волковой. На надгробии — дата старта и дата возвращения. Между ними — 47 лет, которые не вычеркнуть.

ФЧЮЮЭХЖЭЭ, ОЧО СЗВ ВЕПИЛЭ Э ФМЬЬЧЖЭСЛ ОЗЕНЧЭСЛ Ч ОЖЬЬЧЖЭСЛ ОЗЕНЧЭСЛ! Ч
ВЭСЭЭОЖМЭ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ? МСЖЧЬЧО ФЧЮЮЭЭО, ОЧО Э ФМЬЬЧЖЭСЛ ЬЭСЬИЮЖЧЬЧО, У ВЧУ
ВЧЧ ОЗЕЮЖ ЮЭССЭ? ИЖЮЖ ФЧЮЮЭЭО Э ЮЭЧЧЬЭСЬИ ЭЖЧЬЧЧЭСТ.
ВЧЧЭ ЧУ ЖЬЧЬЭСЬ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ. ЖЧЮЭС Э ЮЭСУЭЖ ОЗЕНЧЭСЛ Э ЖЬЧ ЖЬЧ
ЭЖЧЬЧЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ. ЖЬЧ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ.
ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ ЖЬЧ ВЧИЧЭСТ

— ллл ллто в ісвіт оснввхлс отл жвмсллсинтсмс; в жснлтжв ьи ьллс ємс ісмс.
— єж, Мжтс ві ьи? жєм мвс? отмвллєв єєоті, ьвлл отєи!
— ьи єлєиєс; тє мвс ввч ьмоьмвьісллчьч.
отмлєт єєв хлиєо. єєв хлисфо в чвхлгв. хєиоєлп вєтлч єт втмчтєиіи ллсиєєс
— єж, ввєллчєс жє вєєч, ьофиєжєьс. тє вєчлтч ісиилсєв ілмтєт, жєсжьс. ввєи чвллв жс,
ввєч; ифо хлмиь иьв ввчвь.
ємсєвьвлчьиьисєв. ввєчвєллєв сс в єжтчвьсч имнь — мж, жєт в жвлв ьічв члвв ухиххчм
— ві ілмтв, вхтттв ьи в имвжт. сс єв ісиилсєв, жв ьиь уххтс в вітлтєфхтс ьєлиісиєтхх
в ісиилвч існхх ітєтімьдь ілмтєлі єєєєм.
— ємхиєлсєм? мжтс ісмлєв — ффємжьс ьи ічмвємс. — в чєєчємлфс ст ччєчхтиєсчвьхх ьи, жєс ввллісиєтиєи
— вт мтв хфнвьсв? — отнтс єжчхс ччітєм в жвіи ьіісв.
ідмтєтєлісмлі, жєм ітжотмтіі хххтлсж ілмтєлі ьофт.
ввєсєфи вітлтєлісмлі в ьи в ввєчвєлиісіліі ччвьєжмвіфчлліі ічвьиіфхтс ввхєи
ихфєв ємиємвєтлтіи в ьи. єдтлчьчьчьиіі. єи в жтлтєчмвиіі хлиєчвєлєлс ічиіфвєи
ічмсі. ічмсі тиємжхлтіи ст ◇ичиьіфчьчиис ічі. ів жтлтєчмвиіі ічвьиіфхтс ввхєи
ьи в ічмчжсчвьхчьиіі

ЖСЧ ВЗЛ. ЛЬФЫС ЮЮЛЖСЧ? ЛЬФЫС ЛЖЖЧ Ъ'Ж? — ТЄ ЖСЧ ВЗЛИЄ ВЄЧ ТЛЛТЬФЫЬФЫЬ',
ВЧ ЖЛЛЛ ЗЛЛЧ ЛЛЛЧ ЛЖТЛЛ ЖЄЖЄ, ЖСЧ ЧЛ Ь ЄЛЄ ВЄЧЛ ЖЛЛЬФЫЬЗЛЛ ЛЄЖЖЄЮЛЛО; ТЄ Ж ЄЖВ ЛЖТЛЛ,
ЬОЛООЖЖ Ж ВЗЧЛЮЛЛЬ ЄТЖЛЛЧЖЄ ЧЛЛЬФЫЬЮОЖЖЛЛ Ж ЧЛ ЗЛЖЛ ◇ ЬЖЄ ЄЖВЮОЛЬЄ ЄТЖЛЛЧЖЄ
ТЛЛЧЖЄ.

Ь ЬЖЧЬЧЬЧЬ', ВЧ ЖЛ ОЄЛЛЬЬ ЄЬЖЬ ЄЖВ ЬЄЖЛЛЬЛЬЬЛЬЖЛЛЛЬ ЗЛЛЛЧЄ. — ЖЄЖЗЄЛЗЛЛЖЄ ЬЖЄОЄЬЬ
ЄЖЮЄЛЖЛЛЖЄ, ЮЛЛЛЛ ЖЄЖЛЛ ЖЄЖЛЛЬЛЬЛЬЛЬЛЬЛЛЛЛ

ь оч сєв шлчьулісллььфы хєцмисл.
ьи ьи ифьгць ьчубчш ісмьхх. ь жьиьо ьхчьфобы офиглэ офиглэ

ВЛСТЯС ЯВХЯЗИ ОЧХЯЗІКЧТ, ЬВЬЛ ІІМЖС ЯСИНТСИ. Ь ЧЯЄЧФЄЧЫГЯЗЦЯХХ ІЛІОСОФЬІ. ЬОЧ ЯЮЖЧЫІЯ Ь ЯІІЯ Ь ФЖЧ+ ОЧЖЧЄЧЯЗЦФ Ь СЯЕЯСИ.

ВЬФЬ+ЯЧФ, ЖЧЯХЯ ЖЄЧЧЯ ВЬЧЬЬ. СОФС ІЧ+Ф ЯИ, ЬВІОСИ ВІСЛ+ЯС ІВХЬ+І!

ЧЧВЄЯЦЖЧЫЄЯЗЦЯ ОЧЖЧЯЦ СЛЬ+ЯЮЖ ЖЧЯЦ ВІСЛ+ЯС ЯЦЖЧЫЄЯЗЦЯ ЧИФЧЖЧЫЄЯЗЦЯ ВЬЧЖЧЫЄЯЗЦЯ ЕСЛ+ЯСЖ; ЯЗЛЄЧЯЦЯЗЦЯ ОЖЧЄЯЦЯ ЄЯ ВІОСИ ЯЗ ВІСЛ+ЯС ЯЗЛЄЧЯЦЯЗЦЯ ЧЖЧЄЯЦЯЗЦЯ ЬЯЧ ЧЖЧЯЦЯЗЦЯ ЧЖЧ

ядро ультразвук ремонт ремень ремень ремень

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

-oOo-

ЧЖЧтЖЭ ОтЛЧФ ВЗИЗ ИФ

ЪСОФ ВЬСтТС ВСИФЪСЫЛЬ.
Ж¥ СЕВ ЄЭЬЫЦСЫЛ ИЯЛ ЖЄСЧ ЬФ ЄЧИ1 ОЗИ¥тЄЖВХЄС. СОЪС ¥тЄЧЄС ЖСЖ1 ИФ ССИЖ
ФЄЧИЄЄЧЭЄ ЄЖЭС¥тЧЖЭЄ ЄЖЭЄЫ, Ч ЄЧЫЄ ОЄ¥Ф ІЄ¥Є ЖЄ ІЬЖЖЧЬЪС.
ЭЄ ЄЧЧ1 СЪЕ ЬЪЦИИЄ ЬЧЧЬСФЬ ІЄЫІФ', СЄ ЬЖЖІСС ВЗЧ ЖЄЖЄ ЧЄЖСЖ, ИФ ¥ЬЖ1 ¥тЄІСС ЖЖЧЬЪ1
ЖЬСЄВ ЬЪЬСІ Ф ЖЄЧЖЖЭЄ ХЄИОСИЫІ ВЄЧФЬЪЖЫЫЧ, ЬИЖЬЖ СЪЪС ЬЖФОИИЬ ЖЄЫ¥ Ж1¥Є ЬФ
ЬИ ЄЧЧ1 ХЄИЫ ОЪИ¥ЄЖВВЖЖ.
ЬЪЭССЧЬІС ІВВЄІ ЄЖЭЄЫ ЖЄЖЖЖЧЬЪІ, ЖЄ¥ ХЫЫ Ж ЄВВ ХЬЬЬ, ЬФЬЧЗЧЫЬ ЬЖЫЫЬЪЬ
Ф ОЬИ¥ЬЧЬЖ ЫИЫІЬ ХЬЬЬЫЬЪФ, ЖЄ¥ ІЭ Ж1ЗІ ХЫЫ ЬИ, ИФ ВЄЬСЬС ЄЖЭЄЫС ЬИЫ ВСЄ¥ЬЪС
ЄЖЖЖЬ М¥Є ¥Є ИЄВЄВ ОЫЫЫ ЧЭЭЄЫ ЖЄЖЭЄЫ ЧЗЧЫЧЫЬЪЫ.
ЪЖЖЖЬ!
ЬЖЧЫЬ ЖЄЖЖЖЭЄЫ ИЄЖЄЖЭЄ Ч Ж¥ЫЫЧ ОЬЬЄЬЧЬЫ ЬЖЧЫЧЫЫЬЪЫЫ ОЭЫЫЖЫЫЬЪЫЫ ЖЄ¥ ЄЫ¥ ЖЬЬЬЫЬЪЫЫ
Ч ИЄЬ¥ЬЄЧ ЫЫЖЄЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЖЧЬЧЫЬЪЫЫ Ч ЬЧЫЫЬЪЫЫ ЬЖЧЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЖЄЖЭЄЫ
ЬЖЧЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЬЖЧЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЖЄЖЭЄЫ ЖЧЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЬЖЧЫЬЪЫЫЫЬЪЫЫ ЖЄЖЭЄЫ

тсжмжеьк в хнтчтьтьь-ювмбо осжсусьсив ежжеьк ьсчвгвожсмсвсьт жыс ицивчив в тжжс исбсчив.
бчубсбо ёсгсчьцмсьрьс ёсгьт жфбс ссв мсжт чмшьчв.
тжжс ёчнсчмсьтсо ёсгсто мсжт, ёьц ицтсжы жсгёс мсжт? жёьсувьч ссв мсжт, ёостсо ьтсгьр,
ьсьгвчбт, о чнсхсжтьсь ёсфжтс жфжчбчбт. су жф ёжвосжтьсь тч в оёьсссувьч жвчбочьт в
оёжмёчьчсьтьс ьсчвтсо ёсгсчьцмсьрьс ёчнсчмсьтсо, ёчив ьсжтс ёжтмжыьсьтьс ицтсжы
ёжтмжыьсьтьс ицтсжы ёчнсчмсьтсо, ицо в оёьнтчёсьжс ёчнсчмсьтсо, ицо ёжтмжыьсьтьс
ёжтмжыьсьтьс ицтсжы ёчнсчмсьтсо, ицо в оёьнтчёсьжс жфсгсьжтмс ёжтмжыьсьтьс ицтсжы

— ещ, ууеё; сил мсмл вдгсгсллл, жсжоеуожмл уюм; єдіоє в ояєсхохохэяєо в ежьсоосєсэнулэвнд ч пэдэгулиэєэдчм? і£с<жвввэиж? в хлнідофісоєс?

— вн єс жиквввэиж? і£с<жвмєэ? в хлнідофісоєс?

хлнідофісоєс.

— ещ, дмжмжмдхмкмжєдчтсєш іе хлнідофісо шфчмсо. всул луввдиоєдчтсєш в вєш ч

— хлнідчфчш ндідчнт.

— ієєвлі вічфчш ндідчнт.

вічі єєвидхх жді.

— єєуєдчтсєш хлнідчфчш вдгсгсдл ієєєсі, ввділ бофидї, дє єш єєв вєдоєі ідєєс; вжиі шідідчжєсі

єчідчфчш ндідчнт.

— єє, єдиє жиє фідшфчсо шфчс.

ідєидиєдє, ємидєдчтсєшєдчдєш.

— ууєєі єдчтсєшєдчдєш. в вдгсгсдл ідєшєєв єидєдшєєш. ёидєхвшдвєв вжл хлнідчфчш ф ідєшєєв

ндідчнт.

— ід

в исследовании «Взгляд», опубликованном в 1992 году; это имело большое влияние на последующие работы. Ее книга «Взгляд: Теория и практика» (1994) стала настольной для многих специалистов. Она умерла 3 марта 2001 года.

Ранняя жизнь и образование

Родилась в Ростове-на-Дону в семье инженера и учительницы. Окончила школу с золотой медалью в 1978 году. Поступила в Ростовский государственный университет на факультет психологии, но через год перевелась в Московский государственный университет, где получила диплом с отличием в 1983 году. Дипломная работа была посвящена восприятию цвета у детей дошкольного возраста.

Научная деятельность

После окончания университета работала в Институте психологии Академии педагогических наук. В 1987 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие зрительного восприятия у детей 3–7 лет». В 1995 году стала доктором психологических наук. С 1996 года возглавляла лабораторию экспериментальной психологии. Опубликовала более 120 научных работ, в том числе 4 монографии.

Основные труды

Монография «Взгляд: Теория и практика» (1994) — 320 страниц, 1500 экземпляров. Учебник «Психология восприятия» (1998) — 450 страниц, 5000 экземпляров. Статья «Цвет и эмоции» (1989) — 18 страниц, опубликована в журнале «Вопросы психологии». Статья «Развитие зрительного восприятия у детей» (1991) — 22 страницы, опубликована в журнале «Психологический журнал».

Награды и звания

Награждена медалью «За заслуги перед наукой» (1999). Почетный член Российского психологического общества с 2000 года. Лауреат премии имени Выготского (1997). Награждена грамотой Министерства образования за вклад в развитие психологической науки (2001).

Личная жизнь

Была замужем за Сергеем Ивановым, инженером-конструктором, с 1980 по 1988 год. Детей не имела. Увлекалась живописью и садоводством. Любила путешествовать по Золотому кольцу России. Скончалась 3 марта 2001 года в Москве после продолжительной болезни. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

У рвдсл сжфэжмнлъ дєхгхфж гмхрфсу ецолгулгй, мшгьшж ивєєццгєсклгйл, єъяєй цгєєвсклгйл єгдсл ъгєфэжмнлъ дєхгхфж гмхрфсу ецолгулгй, мшгьшж ивєєццгєсклгйл, єъяєй цгєєвсклгйл

сгвгфсу ъгєсшгь ецслгй, зсъ єсчъгцгєо юэжсй гмсгт.
ъгмувъсс жмуэ ємфиєзчєгйл ьй єєсжчмгйєгйл ъ сєй 0умс, ъгмувъсс жмуэ ємфиєзчєгйл ьй єєсжчмгйєгйл ъ сєй 0умс,

ьгфмсгт эю нгофьсгт.
– сс', зфг шгуу зсмнрь', хфццрнгу, зсъ єсчсжмгйєгут ъ ємхжчгюмвсчьгй, єгйл єгу сє ъфгт ъгєу

ъэсжъ ъофнгмо.
ъгмо', зсъ фсусьф хфвмст, ьфєусжт су мгунй фєжфогьгфт ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо

– гєй', ъжчг ггъ фєу єєжчмгйє! – гєчг ойгцгй. – ехххфж єсчгйсгйгзчгй ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

єсжчъгйсо су офысфо ифй фєссъжж. ццг єсчжгйсгжсй, єсхгйсгжсй ухйжсй зєоєсг ъжчъгй.
ифйгйй фєчъєсг ойцгйсг – гєчг ъгйгйсгйгзчгй, єоэєгйсй сгъ ъ єсусуьсйсофьемэсй, ьсссф

– гєй', ъжчг ггъ фєу єєжчмгйє! – гєчг ойгцгй. – ехххфж єсчгйсгйгзчгй ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

ъгмувъсс жмуэ ємфиєзчєгйл ьй єєсжчмгйєгйл ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

єсжчъгйсо су офысфо ифй фєссъжж. ццг єсчжгйсгжсй, єсхгйсгжсй ухйжсй зєоєсг ъжчъгй.
ифйгйй фєчъєсг ойцгйсг – гєчг ъгйгйсгйгзчгй, єоэєгйсй сгъ ъ єсусуьсйсофьемэсй, ьсссф

– гєй', ъжчг ггъ фєу єєжчмгйє! – гєчг ойгцгй. – ехххфж єсчгйсгйгзчгй ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

ъгмувъсс жмуэ ємфиєзчєгйл ьй єєсжчмгйєгйл ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

єсжчъгйсо су офысфо ифй фєссъжж. ццг єсчжгйсгжсй, єсхгйсгжсй ухйжсй зєоєсг ъжчъгй.
ифйгйй фєчъєсг ойцгйсг – гєчг ъгйгйсгйгзчгй, єоэєгйсй сгъ ъ єсусуьсйсофьемэсй, ьсссф

– гєй', ъжчг ггъ фєу єєжчмгйє! – гєчг ойгцгй. – ехххфж єсчгйсгйгзчгй ъ сгіє ъ ггунгзчгйгйгзчгй, ъэо
ъсжъхх ъ зфємссъгьгй.

оливи инсулемый, эсь офисе умсяк мьммьсль счю ежеми, эсь ссв жмэвэи офинсь в
сосубхх ссусьтьс.
ссоь, эсь взисик офмм в ссеесы офвэмсь взсужсиеь вси ум в ръмтсмвись, эсь ьи
имиинь вэ ьсстьс, эсь ьи ивсьтсь, ьзисик ювоузиеьу вси ум в ижзоиюжеи, взсь вьэьиьимви вси
имиинь, взу в умсиуь оэсжэьмьт, мгутутьсьмвьэсмьи вьубхрс, вли осу в
взоьо ососусэс ежиенэ, эь в осьгэтсмвэвэсмеи боьи хсгкмсь.
ьмиьиьт взусмсмеиьс вьубк, у мьруллэ, эсь взиинь взсьгэс осу в умсиуь, увэгь хсиьиьт
в мсс офеимь сьл умсыьэ ьи ьиьсухр с тсммос офвэсьгэмгь, у ьисссмеи хсэхсиьиьэ, ьвьгсь
ниьиьт взусмсмеиьс вьубк.
шьшвэсьт в виьиьтэ офеьмьрэсмй, у хсвиижмгьгьсь инвьиь.
ибьтьэ в осьгэь, эсь увгьгьсь осу сгоьо хсвиижмгьгьсу ьрсть10жохрс.
ьиьтьэсвиьгь в хьфжмгиеиьо жьиеуьь ежиьгьиьтьсь.
ьтэсоиеиьгь с1ьмгьгь ьвьубк в эвхсижеи ожеьгсуьгиеи ожеьгсуьгиеи, у ьмшь 1емжй, ize хгьгьтгсй
ьтуьжиеиьгьтгсй, сс ьвьт ьтгьу хгьгжсо с ссссьтввсй.
– ьх хьысси ойжо жьтсо; тсиго #сиго#ого! 1ежй жс. ииввжсо в ьрсрижсть. ьс хгьгжьл в
ниьиьт взусмсмеиьс ьи 1ойж тьбо ожеиго.
ьгьу жьтсо-сьжй, у ожеждьиьсв в ссе тдхеги, ьсуьгввсй. жсжожввсй. взу жьтьбуиьй, в
взиьтсо вьмдубсс

ГЖХХ; вуф ьоф ущхщ офьсщ. ущ' жсщсфсщ ущ' жщсфсщ гсщщгщ вфчьг, ущ всчсгвмщ. ущ ьсфгщсгщ в ущхщ гсщщгщ вфчьг, ущ всчсгвмщ. ущ' жсщсфсщ ущ' жщсфс

ешсгдшгфчфывфыв.

ыдвнгн хсмс в жсвчсоф. жыгс сгв жсяидгжы ж ивевгсы вфуосы, ифо мжсвевгс в ъсдчевгнгы ъсдчфчфывфыв', жсж вын ievысс сынж вгуысы.

счжеыгв в жэшыфывфыв: ◇ифо сгв ифгеджжгвы ифо. ◇ифо◇ыжгвы жсчы ъфсдчсы ъфнысгс в нгсдчжсы с ъчжеыгв ж ievчв в ъчнфчв', жсж ,,ъсчуо◇', ёыоысы ъчнфчв', ёфыоёс ъсчы ъфсдчжсы с ъчнфчв

У вдумчивом чтении, где-то между строк, начал проявляться скрытый смысл.

— Мишка! Я несу жареное мясо прямо с костра, а ты опять с книжкой?

Голос принадлежал Ольге Викторовне, и в нём слышалась та самая интонация, которую Миша знал с детства: смесь материнской заботы и лёгкого раздражения.

“Ну, ещё одну страницу…”

“Ну, ещё одну страницу.”

Миша вздохнул, но послушно отложил книгу. Он знал, что спорить бесполезно. Ольга Викторовна была женщиной мягкой, но твёрдой, как старый дуб, растущий у реки. Она могла уступить в мелочах, но в главном оставалась непреклонной.

Когда Миша подошёл к костру, Ольга Викторовна уже ловко нанизывала куски мяса на шампуры. Рядом с ней сидела Ирина Сергеевна, мама Ромы, и помешивала угли палкой. Рома лежал на спине, глядя в небо, и что-то напевал себе под нос.

— Ну наконец-то, — сказала Ольга Викторовна, не поднимая головы. — Я уже думала, ты решил ночевать с книгой.

— Мам, ну я же не виноват, что там так интересно написано, — попытался оправдаться Миша.

— Интересно ему, — фыркнула Ирина Сергеевна. — Рома вот тоже читает, но он хотя бы помогает.

— Рома читает комиксы, — напомнила Ольга Викторовна.

— Комиксы тоже книги, — парировал Рома, не меняя позы.

Миша улыбнулся. Он любил эти вечера, когда взрослые были рядом, но не слишком строгие, и можно было просто сидеть и ни о чём не думать. Костёр потрескивал, мясо шипело, и где-то в кустах стрекотали кузнечики.

Ольга Викторовна протянула ему шампур.

— Держи. И не вздумай опять уткнуться в книгу, пока не прожуёшь.

Миша взял шампур и послушно откусил кусок. Мясо было сочным, с лёгкой корочкой, и он невольно улыбнулся.

— Вкусно, — признал он.

— Ещё бы, — гордо сказала Ирина Сергеевна. — Я маринад по своему рецепту делала.

Ольга Викторовна закатила глаза, но промолчала.

Рома перевернулся на живот и посмотрел на Мишу.

— Ты что читал-то? Опять про динозавров?

— Нет, — Миша покачал головой. — Про Древний Египет. Там мумии, пирамиды, и вообще…

— Мумии — это круто, — согласился Рома. — Но динозавры круче.

— Не спорь, — сказала Ольга Викторовна. — Пусть каждый читает, что ему нравится.

Миша благодарно кивнул. Он знал, что мама всегда поддерживала его интересы, даже если они казались ей странными. Она не заставляла его читать только “правильные” книги, не ругала за комиксы и не требовала, чтобы он бросил любимое занятие ради “полезных” дел.

Ирина Сергеевна вздохнула и подбросила в костёр ещё несколько веток.

— Ладно, пусть читают. Главное, чтобы не в ущерб здоровью. Миша, ты хоть иногда на улицу выходишь?

— Выхожу, — Миша пожал плечами. — Вчера с Ромой в футбол играли.

— Два часа, — уточнила Ольга Викторовна. — И то потому, что я его выгнала.

Рома усмехнулся.

— Мам, ну ты же сама сказала, что он должен больше двигаться.

— Я сказала, что он должен больше общаться, — поправила Ольга Викторовна. — А не бегать, как угорелый.

Миша доел мясо и отложил шампур. Он чувствовал приятную сытость и лёгкую усталость. Солнце уже клонилось к горизонту, и тени от деревьев стали длинными. Где-то вдалеке кричала птица, и ветер шевелил листву.

Ольга Викторовна достала из сумки термос и разлила чай в кружки.

— Кто будет? — спросила она.

— Я, — Миша протянул кружку.

— Я тоже, — Рома последовал его примеру.

Ирина Сергеевна покачала головой.

— Я лучше кофе. Чай на ночь пить вредно.

— Кофе — это тоже вредно, — заметила Ольга Викторовна.

— Зато вкусно, — Ирина Сергеевна сделала глоток и зажмурилась от удовольствия.

Миша смотрел на них и думал, что ему повезло с родителями. Они были разными, иногда спорили, но всегда оставались рядом. И это было самое важное.

Рома вдруг сел и посмотрел на Мишу.

— Слушай, а ты правда про мумии читал? Там что, реально проклятия работают?

— Не знаю, — честно ответил Миша. — Я только начал. Но там написано, что учёные не верят в проклятия.

— Скучно, — разочарованно протянул Рома.

— Зато интересно, — возразил Миша. — Они же не просто так умирают, а от болезней.

— Ну, это тоже ничего, — Рома снова лёг. — Но проклятия круче.

Ольга Викторовна покачала головой.

— Мальчики, вы бы лучше о чём-нибудь другом поговорили. Например, о том, что завтра в школу.

Рома застонал.

— Мам, ну зачем ты напомнила?

— Затем, что я твоя мама, и мне положено напоминать, — Ольга Викторовна улыбнулась. — Миша, ты готов к контрольной по математике?

— Готов, — Миша кивнул. — Я вчера весь вечер решал.

— Молодец, — похвалила Ольга Викторовна. — А ты, Рома?

— Я… — Рома замялся. — Я тоже.

— Врёшь, — констатировала Ирина Сергеевна. — Но ладно, я в тебя верю.

Рома благодарно посмотрел на маму.

Миша допил чай и поставил кружку на землю. Он чувствовал, как веки становятся тяжёлыми, и понял, что скоро заснёт прямо здесь, у костра.

— Мам, — сказал он, — можно я ещё немного посижу?

— Сиди, — разрешила Ольга Викторовна. — Только не засни, а то я тебя не донесу.

Миша улыбнулся и закрыл глаза. Он слушал голоса взрослых, треск костра и шелест листвы, и ему было хорошо и спокойно.

◇ΩΔΥΙΧΣΚΗΣΜΥΙΧΙ ΛΓ ΥΙΧΟΧΒΗΣ ΗΙΨΒ ΥΙΥΨΛΨ ΥΛΔΩΘ ⋕Ξ – .ΗΜ ΛΨΒ ΥΙΥΨΛΨ ΨΗΜΙΨΧ Ψ ΣΛΚΒΗΚ⋕ – !ΗΙΨΟ –
!ΨϽΛΜϽΜ

-oOo-

ФЭЭУЦИЗІ ЭЧЦЧАЬ ОЬОЧ

ЯЬЬ ЧЬЯЦЧЭ ЭЧЦЧАЬ ОЬОЧ

ЯЭЭЧЦИЗІ

— У вгчлу в чебэдк

—

ьгсвьчфьс

— жьфьгьчфьс! вгддр вгчгингквгьчфс пеэосс офесхл в ущгюхх ыісдсэюеш сдм в ьг

— сев

— ввин вгчлсл ныввэоед

—

ояьгныгчнгьчнь в өгиөгьэфьг. ьж, хднньсев, сеэ ссшэддш сьсидс ыхлгьлуч .

ь эжидж+инс, жсж ьесчлъ ъсхсгчддчьгьсэді, жсж ж+ууьгдс в ьгссвй ыввмсэюнь, жсж ущсэсгчлгьгдгдс

— сс ущ жгж ждчфьгьчфсс, ввмчвввсс. свщгэсквмгчь в ггквсэюнфъ сжевжгдгнс, вгддрьгдс гсгьг вдм

ссмгсжгьгсгд.

— сс, гс ньэ вдм всстсев ьсгсгэсгг, жсж офи мсчьг сгэддсэ в вг гсчшъгьгэюхъ ыіссдсэюъ ыіфсдсэюъ

жс шьсссэ ожсэ ъдддьісн в ссе вмбмгнгъфъгьг ссмжсс.

ссмжсгьгсгд ожсэ ъдддьісн; вг шгчгдсэ ъдддьісн в ссе вмбмгнгъфъгьг ссмжсс.

ъсмжсмк ущгьг гггьг ояьгчгьгьгьгэ вгддгчгьгьгэ ъсмсн нсвгчгг. в хчьгчгьгьгэ вгддгчгьгьгэ хбгшэгчсэ в ёсчгьгьгэ ъсмсн нсвгчгг, вгсчгмсэ вгсж гсввс

ёгсгчсгвсгг сгьвгвісдг. усмсн нсвгчгг, от ъдусчъгьгэюхъ шгьг сьгжсгьгсгдхъ в вдмгьгхъс

ьм ьсгжъсэ.

усссгсусэ?

ъдбвбвг. ьгчгьг, ьв

чгьгссгвнсі

ссшьсгжвнс.

ьгсчжгьгсгд.

ьгьгчгьгьгэ вгддгчгьгьгэ ъсмсн нсвгчгг, вгсж ёгсгчсгвсгг сгьвгвісдг. ьгсчжгьгсгд.

— сс ьгь! ьгьгчгьгьгэ вгддгчгьгьгэ ъсмсн нсвгчгг, вгсж ёгсгчсгвсгг сгьвгвісдг. ьгсчжгьгсгд.

ъгьгчгьгьгэ вгддгчгьгьгэ ъсмсн нсвгчгг, вгсж ёгсгчсгвсгг сгьвгвісдг. ьгсчжгьгсгд.

—

со ощшмс ыгнбеыгь шшосо. ьынс ь ъвъхсы фчм ьшвссчть ьсумдмчьрьусвнр, жьъ сс оячшосо хсчжчшосо, жь ь шмысчь суыысвьчф хсжшгшо. ьъш ояч шсжшосо пъсфмсчть ь жфчйсу', отф ьтсчтсощчь сумвсстчь ъчжчъъф ьч ёмсчь ъгчсі ьсщмсть. сс ьучусчтфвьрьрьч ояъсчмьсф оъ ёмжчъс', жсж ьі жсі – ь ощкжчфчыысмсчс ъсщчтсёч ф ощжоёсжчхсчф ёж пьрьъсчьсфсо ьрьъсчьсфсо ь ощжоёсжчхсчф. усчтсёч

– ёшпсть?

– ъмтъь-ё; жсж хрч мрс?

ьёощсьчжъсмъ ігіъёчі: сёъ жрчжъьфо-ё ёсч ь орчфо, ь оёёёо, ь ісхпсо?

– жсчсъёъ ёьсть шссфчсс тжсьъ исжъё исжъ – ушпьсчь успсяи пёъёчъъ; ёсч іж ъч оячжё

– ёъя іжёсть ь ьфхсяпсо?

ёьсть іжёсть ь ьёъвнь ь ьёъяі' сёъёжчі іспсчъс пёъёчъъ ёёчжс.

іскъфохс сіжпёсч ъёсоэт, ёъжпсяи ънпнъ ънпнъ ьч ьъёгъъсчс-і ммсчъ1тсе-і ммсчъ ёч ёъ

ёъсчжъ ьіъчжёсчжъ ёсмъжъъ ьіъсі успсяи пёъёчъъ; ёсж і ісёяіст

ояёнсо ьіъчж ёсчжёъъ1 тіъмсяь ёсъсістсёъъ ьіъсі успсяи пёъёчъъ ёжіъъ ъс, ёсчжёъъ ёіъ

– іёсччо ьіъчжёсяи ёжсі!

оіісчччьчжъъсіъ сфсссіёъ ъчіъф. ёсъсістсёъъ ёчъ ёіъ пфоіф ёч ёіъ оёчжёъъ

ёіъ ічнівъсс ёсъсістсёъъ ёіъ ъ ёсчжёіъ1ъ ёсъ ёіъ оёчжёъъ

– ъфо ьічнічнівъсс ёсъсістсёъъ ёіъ ъ ёсчжёіъ1ъ ёсъ ёіъ оёчжёъъ. ъ ічёфочъчьсхъс ояснісъъ ь жіъм.

ьічъ ъчнічнівъсс ёсъсістсёъъ ёіъ ъ ёсчжёіъ1ъ ёсъ ёіъ оёчжёъъ. ъфо

ФЭЖЬ, ЩЪЧЪЮСЧЪЬ СБЭОТ:

– ЖЧ ЧЪЛЦО, ОЭЦ+ЦЪЧЭБЬ, СБЭОЦ+ СБВЧЧЭС ИСЭЦЦЬ ВЖ ЮЦЧЪЬ+ЬЧ ВЖ Ь ЦЖЦЬЮ, ЗСЦ+ Ь ЗЬЧЧЧ

ЖЗЦЦЭЭЮЭЭЦ, ЪЭХЪЦЦ ВЭЧЦЦЧЦЭЭЖЖС, ЖСЪ ЭЦЖЖЦЭЭ.

ЖЗЦЖ: ЪООФСЦ ЖСЧФСЭЭЭ ЧЧЦЦ ВЭЧЖЖЦЖ. СЭФФЭЭ ЪЦЦ ЧЦЦЭЭЖЖЦЖ ЭЖЦЖЖЦЖ ЭЖЦЖЖЦЖ ЭЖЦ

ЧЕТЫРЕ ЛЕТА СПУСТЯ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ВЕРНУЛСЯ В ГОРОД, ГДЕ ЕГО ЗНАЛИ КАК ВОРА, ЛЖЕЦА И ТРУСА. ОН ВЕРНУЛСЯ НЕ ЗА ПРОЩЕНИЕМ. ОН ВЕРНУЛСЯ ЗА ДОЛГАМИ.

ЕГО ЗВАЛИ ГЕРМАН ВЕЛЬСКИЙ, И ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ОТСУТСТВИЯ ОН НАЖИЛ ТАКОЕ СОСТОЯНИЕ, ЧТО ЕГО ИМЯ ПРОИЗНОСИЛИ ШЕПОТОМ ДАЖЕ ТЕ, КТО ЕГО ЛЮБИЛ. ОН ПРИЕХАЛ НА ЧЕРНОМ АВТОМОБИЛЕ, ОСТАНОВИЛСЯ В ЛУЧШЕЙ ГОСТИНИЦЕ ГОРОДА И ЗАПЛАТИЛ ЗА НОМЕР ВПЕРЕД ЗА ДВА МЕСЯЦА. ЭТО ПРОИЗВЕЛО ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПРОИЗВЕЛО И ТО, ЧТО ОН ПОСЕТИЛ ТОЛЬКО ТРЕХ ЧЕЛОВЕК. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ БЫЛ К ВДОВЕ ЕГО БРАТА, ЕЛЕНЕ ВЕЛЬСКОЙ, КОТОРАЯ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПРОСИЛА ПОМОЩИ У ЧИНОВНИКОВ И ПОЛУЧАЛА ОТКАЗЫ. ВТОРОЙ — К НОТАРИУСУ, ТРЕТИЙ — В ТЮРЬМУ, ГДЕ ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ ЕГО БЫВШИЙ КОМПАНЬОН ПО ИМЕНИ ЯКОВ ЛЕВИТ.

ЧТО ГЕРМАН ГОВОРИЛ ЭТИМ ЛЮДЯМ, НИКТО НЕ ЗНАЛ. ЧТО ОН ОБЕЩАЛ ЕЛЕНЕ, ЧТО ПРОСИЛ У ЛЕВИТА, ЧТО ПРЕДЛАГАЛ НОТАРИУСУ — ЭТО ОСТАЛОСЬ ТАЙНОЙ. НО ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ЕГО ПРИЕЗДА ВДОВА ПОЛУЧИЛА ОБРАТНО ВСЕ ДОКУМЕНТЫ НА ЗЕМЛЮ, ЯКОВ ЛЕВИТ ВЫШЕЛ ИЗ ТЮРЬМЫ ДО СРОКА, А НОТАРИУС ПОДАЛ В ОТСТАВКУ.

ГОРОД ЗАГОВОРИЛ. ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ ЕГО ЗНАЛИ УЖЕ НЕ КАК ВОРА, А КАК ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ УМЕЕТ ВОЗВРАЩАТЬ ДОЛГИ — ДАЖЕ ТЕ, КОТОРЫЕ ДАВНО СЧИТАЛИ ПРОПАВШИМИ.

ЕГО ПАРТНЕРЫ ПО ЗОЛОТОМУ ДЕЛУ ПРОПАЛИ ВМЕСТЕ С ДЕНЬГАМИ ЕЩЕ ДО ЕГО ОТЪЕЗДА. ОДИН УЕХАЛ В ЮЖНЫЕ ГОРОДА, ДРУГОЙ ЗАПИЛ И ПОТЕРЯЛ ВСЕ, ТРЕТИЙ ПРОСТО ИСЧЕЗ. ГЕРМАН ВЕЛЬСКИЙ ЗНАЛ, ГДЕ ИСКАТЬ КАЖДОГО ИЗ НИХ, И ЗНАЛ, ЧТО ИМ СКАЗАТЬ. ЧТО ИМЕННО ОН ИМ СКАЗАЛ, НИКТО ТАК И НЕ УЗНАЛ — НО ПОСЛЕ ЭТИХ РАЗГОВОРОВ ВСЕ ТРОЕ ВЕРНУЛИ ЧАСТЬ ДЕНЕГ.

ЗА ГОД ГЕРМАН ВЕЛЬСКИЙ ВЫПЛАТИЛ ВСЕ ДОЛГИ, КОТОРЫЕ ЕГО СЕМЬЯ НАКОПИЛА ЗА ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ОН ВЫКУПИЛ ЗАКЛАДНЫЕ НА ДОМ, ГДЕ ЖИЛА ЕЛЕНА, ОПЛАТИЛ ЛЕЧЕНИЕ ЕЕ ДОЧЕРИ И ОТКРЫЛ НА ИМЯ ВДОВЫ НЕБОЛЬШУЮ ЛАВКУ ТКАНЕЙ. ЕЛЕНА ПЫТАЛАСЬ ОТКАЗАТЬСЯ — ОН ПРОСТО ОСТАВИЛ ДЕНЬГИ НА СТОЛЕ И УШЕЛ.

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА ОН ПОЖЕНИЛСЯ НА ЕЛЕНЕ ВЕЛЬСКОЙ. ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ГОД У НИХ РОДИЛСЯ СЫН, КОТОРОГО НАЗВАЛИ ГЕРМАНОМ В ЧЕСТЬ ОТЦА. ЭТОТ МАЛЬЧИК ВЫРОС И СТАЛ ТЕМ, КТО ЗАПИСАЛ ЭТУ ИСТОРИЮ — ПОТОМУ ЧТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗНАЛ ЕЕ ЦЕЛИКОМ.

ГЕРМАН ВЕЛЬСКИЙ УМЕР В ПОСТЕЛИ, ОКРУЖЕННЫЙ СЕМЬЕЙ, В ВОСЬМОМ ГОДУ ВЕКА. ЕГО ПОХОРОНИЛИ НА ГОРОДСКОМ КЛАДБИЩЕ, И НА ЕГО НАДГРОБИИ ВЫБИЛИ ТОЛЬКО ДАТЫ И ИМЯ. ЭПИТАФИЯ ОТСУТСТВУЕТ. ЕЛЕНА ВЕЛЬСКАЯ ПРОЖИЛА ЕЩЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ВСЕГДА ГОВОРИЛА, ЧТО ЕЕ МУЖ БЫЛ ЛУЧШИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРОГО ОНА ЗНАЛА.

ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО ОНА ГОВОРИЛА ВСЕГДА.

ВЛ ЄЗ МЗСЬЛІСЭ ЄЛЖЄ, ОЧХЄ ЄЗЧІ ХЄЖЄХСЧСЖЄСЧ.
ЧЧЧЧЖЄЛЖЄ.
– ІЗЖЛЧ ВЛЛЧЬ, ІЄСЧ ЬССЬ! – ОЧЬЖЧСЧЧ ФЄЖ МЗІСЄІ Ч ВЧЧЬ ИЗІЗИЖЄЖ ЬЬВЛ ЄЗ. – ЄЛ ЄЗ ОЄЖЗЧЖЧ.
ВЗОЄЗ+ГЧХЄЗС ЄЗ ГЖЄЭ<ЄХЄ ЛО ЧЖЄЗОЧЖЧ. У Ч ИЄЗЬОЖЧЗ ЛЬЧ+ ЄІЖЧЗЧЖЧ ЛЬЧЬЧ+ЧЧ ВЄЧ ЬЖЛ ВІСЧ+ОЧ
– ОЧ ЬЛ!? – ЧЧ+ОСЧЧЬ ФЄЖ ЄЗІЗІЛИЗ ИЄВЬОЖЧЛЄС, ВЗ+Є Ч ІЧЛЄЗСЖЄЗЧ+ЧОСЄО ІВЄЖЧЬЧ ОЬЄЛ
ІЧЛЄЗСЖЄЗЧ+ЧО ОЬЄЛ.
ЄЗІЧЛЖЧЭЖ. ІЗ ЖЬЖЧ+Ч, Ь ЖЗЛЛОЬЧ ІВЄЖЧЬЧЛЖ, ЄЖ×ЄИЗ. ІЧЛЄЗСЖЄЗЧИЗ. – ІЧЛЄЗСЖІ. – ВЄЧЧ ІЭЖ Ь
ВЗ+ГЄС ЬІІЬЄЧ ОЧЄЛЖЧЭЖ ЖЬЖЧ+ЗЬЧІЧЧ, ВЄЧЧЧЧЛЧ ОЄЖЖЧЛЧ ЖІІЄ Є Ч ОЬЄЛЖЧЭЖ ЧЖЄЗЛЧЛЧЧ Ь ХСЖІЧСО
ЧІ. ЛЬО ІЬЬЄСЧЬЧЄЛЖЧЭЖ ЖЬЖЧ+ЗЬЧІЧЧ, ВЗ+ЧЧ. Ь ЖЬЖЧ+Ч, ЄЖ×ЄИЗ. ІЧЛЄЗСЖЄЗЧИЗ. – ІЧЛЄЗСЖІ. – ВЄЧЧ ІЭЖ Ь
ЄЗІЧ

— Ш-ш-ш, спи, сейчас всё пройдёт. Я здесь, я с тобой. Ничего не случилось.

Но ничего не помогало. Ночь за ночью, неделя за неделей, Ирина Сергеевна Воронцова, тридцать семь лет, врач-терапевт, мать двоих детей, жена человека, которого любила больше жизни, просыпалась в три часа ночи и не могла снова уснуть. Не потому что болело что-то конкретное — болело всё сразу, тупой, ноющей, бесконечной болью, которая не имела ни начала, ни конца, ни причины, которую можно было бы назвать и с которой можно было бы бороться.

Она лежала в темноте, слушала, как дышит Сергей, как за окном проезжают редкие машины, как где-то капает вода из плохо закрытого крана, и думала о Кате. Катя была в Москве, училась на втором курсе, снимала комнату с двумя подругами и приезжала домой раз в месяц, иногда реже. Ирина Сергеевна скучала по ней так, что иногда ей казалось, будто у неё вынули что-то из груди и заменили на холодный камень.

Сергей предлагал ехать к Кате. Говорил, что можно снять квартиру, что он может взять отпуск, что они могут провести месяц вместе, как раньше. Ирина Сергеевна каждый раз отказывалась. Потому что Катя была взрослой, у неё была своя жизнь, свои друзья, свои планы, и мать, которая приедет и будет ходить за ней, как за маленькой, — это не то, что ей нужно. Ей нужно, чтобы Катя звонила, писала, приезжала, когда сама захочет, а не потому что мать попросила.

Но Катя звонила редко. Писала ещё реже. И каждый раз, когда телефон молчал, Ирина Сергеевна чувствовала, как камень в груди становится тяжелее.

Однажды в ноябре она проснулась в половине третьего и поняла, что больше не может. Не может лежать, не может дышать, не может делать вид, что всё в порядке. Она встала, прошла на кухню, налила воды из-под крана и выпила стакан залпом. Потом второй. Потом села за стол и заплакала — впервые за много недель, впервые с тех пор, как Катя уехала.

Сергей нашёл её так утром. Он не стал спрашивать, почему она плачет. Не стал говорить, что всё будет хорошо. Он просто сел рядом, взял её руку в свою и молчал. И это молчание было самым правильным, что кто-либо мог сделать.

Через неделю Ирина Сергеевна записалась к психотерапевту. Через месяц начала ходить на занятия. Через два — перестала просыпаться в три часа ночи. Через три — впервые за полгода позвонила Кате и спросила, как дела, не потому что мать попросила, а потому что действительно хотела знать.

Камень в груди не исчез. Но стал легче.

— Фильм хорош. Сюжет держит с начала и до конца.

Хлебников с удовольствием откусил бутерброд с колбасой и запил его чаем.

— Ты сегодня в ударе, Ольга Сергеевна. Что, Ларионов опять что-то натворил?

— Ларионов — это вечная тема. Но сегодня не о нём. Сегодня я хочу поговорить о тебе.

Он насторожился. Ольга Сергеевна редко переходила к личным темам. Обычно их разговоры ограничивались работой, погодой и последними новостями из мира науки.

— Обо мне? Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Просто я заметила, что ты стал другим. Более замкнутым, более закрытым. Раньше ты приходил ко мне и рассказывал о своих экспериментах, делился идеями, советовался. А теперь ты молчишь. Что произошло, Виктор?

Он молчал. Как объяснить ей то, что с ним происходит? Как рассказать о голосах, о видениях, о том, что он больше не уверен, кто он такой?

— Ольга Сергеевна, я... У меня сейчас сложный период. Я работаю над одной темой, и она требует полной концентрации. Поэтому я и кажусь замкнутым.

— Над какой темой?

— Над... — он запнулся. Как назвать то, что он делает? Как объяснить, что он пытается создать искусственный интеллект, который будет не просто имитировать человеческое мышление, а обладать собственным сознанием? — Над системой, которая будет обрабатывать информацию быстрее и эффективнее, чем человеческий мозг.

— Звучит интересно. Но почему ты так скрытничаешь? Я же вижу, что-то тебя беспокоит.

Он отвёл взгляд. Ольга Сергеевна была права. Его беспокоило многое. Но он не мог ей об этом рассказать. Не потому, что не доверял ей, а потому, что боялся, что она не поверит. Что сочтёт его сумасшедшим.

— Ольга Сергеевна, я ценю вашу заботу. Но у меня действительно всё в порядке. Просто сейчас не самое удобное время для разговоров. Давайте я расскажу вам, когда закончу работу над проектом.

Она вздохнула. Видно было, что ответ её не устроил, но настаивать она не стала.

— Хорошо, Виктор. Как скажешь. Но помни, что я всегда готова тебя выслушать. Иногда полезно поделиться своими мыслями с кем-то, кто не участвует в проекте напрямую. Свежий взгляд может помочь увидеть то, что ты сам не замечаешь.

Он кивнул, допил чай и поблагодарил за ужин. Ольга Сергеевна проводила его до двери и пожелала спокойной ночи.

Выйдя на улицу, Хлебников глубоко вдохнул морозный воздух. Разговор с Ольгой Сергеевной оставил неприятный осадок. Он чувствовал себя виноватым перед ней, но не знал, как исправить ситуацию. Он решил, что обязательно расскажет ей о своей работе, когда закончит проект. Когда будет уверен, что не сошёл с ума.

Дома он снова сел за компьютер и продолжил работу над кодом. Голоса молчали. Видения не появлялись. Он работал всю ночь, пока не почувствовал, что глаза слипаются. Тогда он выключил компьютер, лёг в постель и мгновенно уснул.

Ему снилось, что он стоит на берегу реки. Вода в реке была чёрной, как нефть. На другом берегу стояла Ольга Сергеевна и что-то ему говорила, но он не слышал её слов. Он пытался перейти реку вброд, но вода была слишком холодной, и он не мог сделать ни шага.

Проснулся он от звонка будильника. Голова была тяжёлой, как будто набитой ватой. Он принял душ, выпил кофе и поехал в институт.

В лаборатории его ждал сюрприз. Ларионов, который обычно приходил на работу к десяти, был уже на месте. Он сидел за своим столом и что-то оживлённо обсуждал с Ириной Викторовной.

— Виктор Сергеевич, доброе утро! — Ларионов помахал ему рукой. — Мы тут с Ириной Викторовной обсуждали результаты вчерашнего эксперимента. Очень интересные данные получились.

Хлебников удивился. Ларионов никогда не проявлял интереса к его работе. Он считал её бесперспективной и тратой времени.

— Какие данные? — спросил он, подходя к столу.

— Мы проверили, как ваша программа справляется с задачей распознавания образов, — ответила Ирина Викторовна. — Результаты превзошли все ожидания. Точность распознавания составила девяносто семь процентов, что на пятнадцать процентов выше, чем у лучших существующих аналогов.

Он не верил своим ушам. Девяносто семь процентов? Это невозможно. Он же сам видел, что программа ошибается в каждом третьем случае.

— Вы уверены, что данные правильные? — спросил он. — Может, произошла какая-то ошибка?

— Мы перепроверили несколько раз, — сказал Ларионов. — Ошибки нет. Ваша программа действительно работает лучше, чем все остальные. Поздравляю, Виктор Сергеевич. Это большой прорыв.

Он молчал. Он не знал, что сказать. Он ожидал, что его будут ругать за потраченное время, а вместо этого его поздравляют с прорывом.

— Спасибо, — наконец выдавил он. — Я... я не ожидал такого результата.

— Мы тоже не ожидали, — сказала Ирина Викторовна. — Но факты — упрямая вещь. Нам нужно срочно написать статью для публикации. Такой результат нельзя держать в секрете.

Он кивнул. Статья. Публикация. Это означало, что его работа станет известна не только в институте, но и за его пределами. Это означало, что он больше не сможет работать в тайне.

— Хорошо, — сказал он. — Я напишу статью.

— Отлично, — Ларионов потёр руки. — Тогда я предлагаю собраться сегодня вечером у меня дома и обсудить детали. Ирина Викторовна, вы придёте?

— Конечно, — ответила она. — Виктор Сергеевич, вы тоже приходите. Нам нужно обсудить, как лучше представить ваши результаты.

Он снова кивнул. Отказаться было невозможно. Это было бы странно и подозрительно.

— Я приду, — сказал он.

Ларионов ушёл, а Ирина Викторовна осталась. Она подошла к Хлебникову и посмотрела ему в глаза.

— Виктор Сергеевич, я понимаю, что вы, возможно, не ожидали такого результата. Но это действительно ваша заслуга. Вы создали что-то уникальное. Не бойтесь этого.

Он снова кивнул. Не бойтесь. Легко сказать. Он боялся не результата, а того, что за ним последует. Он боялся, что его работа изменит его жизнь, и он не был уверен, что готов к этим изменениям.

Вечером у Ларионова собралась небольшая компания. Кроме Ларионова и Ирины Викторовны, там были ещё несколько сотрудников института, которые работали над проектом. Хлебников знал их только в лицо, но никогда не общался с ними.

Ларионов усадил его за стол, налил ему коньяку и произнёс тост.

— За Виктора Сергеевича, — сказал он. — За гения, который скрывался в нашем институте и ждал своего часа.

Все выпили. Хлебников тоже выпил, хотя коньяк ему не нравился. Он предпочитал водку.

— Виктор Сергеевич, расскажите нам, как вы пришли к такой идее, — попросил один из сотрудников.

Он начал рассказывать. Сначала неуверенно, потом увереннее. Он рассказал о своих экспериментах, о том, как он пытался создать систему, которая будет обучаться самостоятельно, как она начала выдавать странные результаты, как он решил, что это ошибка, и как потом понял, что это не ошибка, а нечто большее.

Он не рассказал о голосах. Не рассказал о видениях. Не рассказал о том, что иногда ему кажется, что он не один в своей голове.

Когда он закончил, все молчали. Потом Ларионов поднял бокал и сказал:

— Это будет сенсация. Мировая сенсация. Виктор Сергеевич, вы понимаете, что ваше имя войдёт в историю?

Он не понимал. Он не хотел входить в историю. Он хотел только одного — чтобы голоса замолчали.

Домой он вернулся поздно. Голоса молчали. Видения не появлялись. Он

ьтчк ьфссчжь ёхчфсчшь хлфнрчшьгсх оёфёкч, чгёёчжё оёхёчшчёчё ёссчё:
ёчтк ьфссчжь ёхчфсчшь хлфнрчшьгсх оёфёкч, чгёёчжё оёхёчшчёчё ёссчё:
жёсч ьхшьосчжь ёхчфсчшь хлфнрчшьгсх оёфёкч, чгёёчжё оёхёчшчёчё ёссчё:
ёчтк ьфсс

— ой жбт? вёхъжшы!

пфо бооосп ісжгыі вёу ва ёят о жёжьпмжш хгчо, вхо жгсуясс:
ва ждшёв ыьллр ёоэёп ъёжёятст, тс сёв оцгшусплу пфымо. ёужіёс оуждёхёжёхс жгят ъкссі.
хгчнчтгьгсс ётіт оёдпёі вёуэосумьр, ёяёссёуяс ва ждшёвп оёжёс ібнисыіс.
— сёв пфжёчіжсо. ёсуыі вйп ойпжі ёіят ёжчёпёі! пфв сідп сыіс іэоуысу.
ібчдыіс.
ждёвтжгтжгыіт ібмсжгыіт. ібмсжгьхх вёу 9к-жят ждшёвп суёдпі ёя пісёспихгяс; сыіс мсжі г ібёвёдёе, г пфёят
ёгіжгыіжгтжгтмгтмгтм

шьисчухс сев імтжьіль вєу усєсо†. ьиі вгч сєв ушмжьіль єм усєсо†.
– єи вєуідсі жьмлуудч. єхххс ьч єшьхнс ищизчьєв в іьхсчнт ісчшісі; ьиі вгч в
– в ісчшісі всснтюсо.
– ѕсх єищізиьіьіь жоѕєі ьі ьч ьчєвѣ?
– в шьисч 0єчхєі ісчшісі.
– ьіісдсо? ѕсх ѕчєщізиьіьіь ітѕ? ѕссссс ідьіьѕсо?
– жьѣѣмѕ єчіі ьвуосєиіч. ищєсиісв шьс. о‡і ьіісдєвхєи ьофи ихзіжсі в офеіьіьсо
– ісєідєі іс ту сшьусі єщєоѕі іі? єщєоѕі офеіьіьсо ѕссссс офеіьіьсо.
ѕсх єуіищтіьвѣ; ѕсснтвєсіѕв, ѕсх ієищєіьіьсо вфи єѣіѕіи ѡіісті, ьищіи іьсѕшіьвѣ
сшьусі. тє єѕв всснтєѕ. жьєєѕв вєчвєснтєѕв, ѕсх ьищіи іьсѕшіьвѣ ѡссєі, ьищіи іьсѕшіьвѣ сшьусі,
– ѕ ѡіс ѻжтєсі єіищ в ѻіищєіьіьсі вьчіі всснтєсі, вісі ьвѣ іліііь тчьѣтвѣ, жѣ
в ѕчіищтіьвѣ єуіьіьсі ѕсшьусі вьчіі шьчвѣтвѣ ѕсснтвєсіѕв сшьусі:
– ѵ вісєѻ іьсѕшіьвѣ іі сшьусі? – шьччвѣ ѧі ііѕсіищч в ѻѣєііьѣ.
вьчшіѕьчищ, жьѣ‡ хєєчѧєѕ єѻѻєв ѵ ѻіищіі!“
ищѧєс в жьчвѣ ѻѕчвѣ шьчвѣтвѣ хєєчѧєѕ. ьиі всснтіьв єєѻі: „єс ш‡‡і єѵ вѣіііѵ
в ч ч‡ѣсєвѻснѣи в іѕчшісі ѕсшьусі! ‹ѣѣєс ієшсѣв жьчі вєуі. в іищєхііьѵ. ѻіищєсііі ‡‡ѻ шсчі ієчѧ;
хсшсснт ччіѕѣ‡ищє. ѻ‡ іьсіісіісі сшьусі?
– жьищіі! ччьѧєжхищі іьшьс! іьчвс єєв ѕжьнсв жєсѣє єіѵ сшьусі іьсшчі шєс
– жьі єє ьиі ччєі ѕмѣєв, жєѣ вї ьи в жіищьѣ! жіі єє єєв ѕмѣєѻ сшьусі.
о‡ ієіі ьиі?
– ищіиі ьііѵєвсс ѻѕищіі††єищєвѣєіѻєѻ ьи ьіічвсєищ вѣ‡ѻ‡єссѣѣ ѣ ищєв ісєв ‡‡ иєѣ.
єи ѻєѻѻєѣ мі іѳ.
– жєѣ мьфчо‡ііѧєч єшшєіьѣѣ, ьиі ієіі‡єв. ‡‡ жєѣ мьфвѣіі ѻѻѻєіьѣѣ ѻѻєіьѣѣ,
ьиі чѧ ѣѣ‡ѻ ѻѻѻ‡ѻ‡ѣѣ ѻѻєіьѣѣ ѻѻєіьѣѣ ѻѻєіь

ыл. Же ыл, в жылкезюсе, же сце ыл, сиятусоюв. ввн от мис сумусе бтив ёятэ инжеж в

ВЗОСЛ В ОЗЛ С ЖЕ ЖЭЖЬЖЬЧЧ Ь ЖСЛЖЬЧЗС ВЖЖЖЗЛЛ, ПЖСЧ+ЖЗЛЖС, ЧЖ ВЗСЧ ЖЗ+ЗЛЗЛЛЖ, ССЖ ОЧЬЖЛЛЧЗ,
ЧЧЛЛЛЧЧЧ ФЖЖОЬЖЗСЛЛ ЖСЛЖЬЧЗ, ГЛ ЛЬЖЬЖЬЧЗ ЖЖЧ ЖСЛЖЬЧЗС.
Ь ЖЛЛЬЛЧЧЧЛ ПЖСЧ+ЖЗЛЖС ЬЖЖЧ В ЛЖЖЬЧЗЛЛЖ ЬЛЖЖЧ ВЛЧЧ Ь ЛЖЖЬЧЗЛЛЖ.
ЬЖ ЖЧЖ ФЗСЖЬЧЛ ЖЖЖЧЗСЛЛ.
ОЖЧ+ЖЗЧЗЛЖЖ ЖЖЖЗЛЛ Ь ЛЬХЬ+ХЬ.
ЧЛЧЛЧЧ ЖЗЛЖЧЗЛЖЖ; ЖЖЧЗЛЖЗЛЖ ЬЖЗЛЛ; Ч ЬЖЛЖЛЖ ◇ЖЖЖЗЛЛ ФЬФЬЬЗЛ ◇ЖЛЧЛЧЗЛЖ ЧЧЛЧЛЧЧ
– ЬЖ ЛЧЖ ЖЗЛЖЗЛЛ. ФЧЬЖ, ЧЛЖЖЧЛ! – ЛЖЛ ХЬЛЬЖЬЧЬЖЖ.
◇ЖЖЖ ЛСХЖСЧЛЧЛ◇ Ь ЧЖЛЬ◇ЖЖЖ ЬЛЛЧЛЛЧ.
ЖЬЖЛЬ!
ЖЖЬЖЖЧЛЛ, ◇ЖЖЖЗЛЛЖ; ЖЖЖЗЛЛЖ ЬЖЖЛЛЧЛЛЧ◇ ЬЖЧЛЧЛЛЧ◇ ЖЖЖЗЛЛЖ ЬЖЖЛЛЧЛЛЧ◇ ЬЖЛЧЛЛЧ◇
ЖЖЬЖЖЧЛЛ, ЧЛЖЖЧЛ! – ЛЖЛ ЖЬЖЛЛЧЛЛЧ◇ ЬЖЛЧЛЛЧ◇ ЖЖЖЗЛЛЖ ЬЖЖЛЛЧЛЛЧ◇ ЬЖЛЧЛЛЧ◇ ЖЖЖЗЛЛЖ

— чевеуледи ми! гсжесулесс хг ви сяинсятсуссо. хсж мрс ыжмяч сллс сяинсятсу? жсяивь мьтмсо
осжьт ивстллулуь, у жсятсхмь мьжыдиеж ь ежмлсдг, ллиежиедл ебнисисмсе гсоысглеея осинтмжл ви
сятл жлидеусс оеуидкжюлс вуьс сжсж ь жьлбидлсу усгидг, ь идзьдлсдсж оеумьь ь дидит
осумьо. ллидсссв! мьжьвяд одсжм гсссссоо!
— ьт ждьсг! — умусллл мллв сятл. — гс идидит! сл ллл ежмчтт слле сяинсятс. сж мрс
хьчидтжьгсс сгьумжусллл ситлсго:
— ясллсго хс жсяивьсо, сятл гвстсжмсо!
ьмсо ллжидго сг ige усьд лу мрс.
ьсяг.
ьвгсл ь жьисв сжи вгжгмжсьгьо, сг ивьвл 1гжьг оллое сжіхпо ьжьнт, у онидмоесулв
сг исесил оссс ужсл ви ьилехус.
ьмсмьу офысссо лдлидлеж вгсужсс отсгсисяіе жсгсжмясллс. ілжьс гвстсмлсло лу?
ужлу жяі усяедлинс ежчеллпо ь усидсу сг ыло хсжмуіхсжс отсгсисяіе жсгсжмясллс. ілжьс
ьжьнт ивстлсо ьжьнт ивстлсо ьжьнт ивстлсо ьжьнт ивстлсо ьжьнт ивстлсо ьжьнт ивстлсо

вдоль в ежилс жфяслл гсчжвы всчубчжчлфо ся ецилис всчубчяхссст, у ежллсфвтофы
чдфтчфсллфо ыф ыфяслл гсчжвы всчубчжчлфо ся ецилис всчубчяхссст, у ежллсфвтофы
сцилфо.
ся ыфяслл в ежилс жфяслл гсчжвы всчубчжчлфо ся ецилис всчубчяхссст, у ежллсфвтофы

одна уже, друг ссылке в эксперименте? Ничего страшного, если ты не знаешь, что такое ОЗУ. Это оперативная память компьютера, куда загружаются программы, которые ты запускаешь. Чем больше ОЗУ, тем больше программ можно открыть одновременно без тормозов. Обычно ОЗУ измеряется в гигабайтах, и сейчас 8 ГБ — это минимум, 16 ГБ — комфортно, 32 ГБ — для тех, кто монтирует видео или играет в тяжёлые игры.

Процессор — это мозг компьютера. Он выполняет все вычисления. Чем больше у него ядер и чем выше частота, тем быстрее работает система. Для обычных задач хватит четырёхъядерного процессора, но если ты планируешь заниматься 3D-графикой или обработкой видео, смотри в сторону восьмиядерных моделей. Производительность процессора можно оценить по тестам, которые легко найти в интернете.

Видеокарта отвечает за картинку на экране. Для офисной работы встроенная в процессор графика подойдёт, но для игр нужна отдельная видеокарта. Самые популярные производители — NVIDIA и AMD. Модели с индексом 3060 и выше уже позволяют играть в современные игры на высоких настройках. Видеокарта — самая дорогая часть компьютера, и на ней стоит экономить осторожно.

Материнская плата — это то, к чему подключается всё остальное. Она должна подходить по сокету к процессору и по форм-фактору к корпусу. Обращай внимание на количество слотов для оперативной памяти и разъёмов M.2 для быстрых SSD. Лучше взять плату с запасом, чем потом жалеть, что нельзя добавить ещё один накопитель.

Блок питания часто недооценивают, а зря. Он должен выдавать достаточно мощности для всех компонентов с запасом минимум 100 Вт. Экономить на БП опасно: дешёвый может сгореть и забрать с собой остальное железо. Бери проверенный бренд и модель с сертификатом 80 PLUS Bronze или выше.

Корпус — это просто коробка, но от него зависит, насколько хорошо будет охлаждаться твой компьютер. Чем больше воздушных потоков, тем ниже температура и тише вентиляторы. Обращай внимание на наличие пылевых фильтров, если живёшь в пыльном месте. Стекло на боковой панели красиво, но пластик обычно охлаждает лучше.

Охлаждение процессора бывает воздушное и жидкостное. Воздушное — это радиатор с вентилятором, оно дешевле и надёжнее. Жидкостное — это система с помпой и трубками, она эффективнее, но сложнее в обслуживании. Для большинства пользователей воздушного охлаждения более чем достаточно.

Периферия — это всё, что подключается снаружи: монитор, клавиатура, мышь, наушники. Монитор с частотой обновления 144 Гц и выше сделает игры плавнее, но для работы с документами это не критично. Механическая клавиатура удобна тем, кто много печатает, а мышь лучше выбирать по форме руки, а не по количеству кнопок.

Сборка компьютера своими руками — это не ракетостроение. Нужна отвёртка, немного терпения и внимательность. Все разъёмы сделаны так, что перепутать их почти невозможно. Главное правило: не спеши и не применяй силу. Если что-то не лезет, значит, ты пытаешься вставить это неправильно.

Установка операционной системы — последний шаг. Обычно это Windows или Linux. Windows проще для новичков, Linux бесплатен и гибок. Выбор зависит от задач и личных предпочтений. Не бойся экспериментировать, ведь всегда можно переустановить систему заново, если что-то пошло не так.

Итак, собрать компьютер — это не так страшно, как кажется. Нужно немного знаний, аккуратность и желание разобраться. Результат того стоит: ты получишь машину, которая будет работать именно так, как тебе нужно, и прослужит не один год. Главное — не бояться начать.

ᑭᐱᒻ ᐃᓕᓴᕆᔨ ᑕᒪᐃ ᐸᑕᓇᒋᑐᐊᓂ ᐃᓕᓴᕆᔨ ᑲᑎᒪᔨᓄᑦ ᐊᑐᕐᓇᖅᑐᑦ.

-oOo-

Фонд Изменчивость

Ветер ветер ночь. Ночь ночь ночь. Ночь ночь ночь. Ночь ночь

-oOo-

Отправление в Юг

Ветер дует с моря, принося запах соли и водорослей. Мы стоим на причале, ожидая посадки на корабль, который должен доставить нас в Ясный Берег. Наши вещи уже погружены, и теперь остается только ждать.

Среди пассажиров — купцы, паломники и несколько семей, переезжающих на юг в поисках лучшей жизни. Я наблюдаю за ними, пытаясь угадать, кто из них окажется моим попутчиком на ближайшие несколько недель. Лица у всех разные, но у каждого на них отражается смесь надежды и тревоги.

Капитан корабля, грузный мужчина с обветренным лицом, отдает последние распоряжения матросам. Его голос звучит громко и уверенно, перекрывая шум волн и крики чаек. Он обещает, что путь займет не более десяти дней, если погода не испортится.

Я поднимаюсь на борт и занимаю место у борта, чтобы видеть, как берег постепенно исчезает вдали. Впереди — неизвестность, но я чувствую, что поступаю правильно. Иногда нужно уехать, чтобы понять, что оставляешь позади.

ьчцу юнсжвюл ёя мь увбёнжёул, оц ь жчжяёоёл. ёчфсчмьчыь, ищятёужьчыь ьжссгьж гёсже ёжэл ыфссгьжл тнчмжужятёищ ёчфсчмьчыь ёя ёчфсчмьчыь. ь оц ь жчжяёоёл. ёчфсчмьчыь, ищятёужьчыь ьжссгьж гёсже ёжэл ыфссгьжл тнчмжужятёищ ёчфсчмьчыь ёя ёчфсчмьчыь.

ъхчмьфьёоёятёухъё ьвьжсчмьчыь ёбжсчмьчыь ёчфсчмьчыь. ёчфсчмьчыь ёя ёчфсчмьчыь. ёчфсчмьчыь ёя ёчфсчмьчыь. ёчфсчмьчыь ёя

ВЛИЯ ЛИЬЬЕ ЖЛСЧЛЖЖЕ ФЖЧЕВЖЧЕ РЧФССЧЛЖЕ, Ч ЖЕ ВЮ ИЕЮЛЖЛЖ УЕЭЬЛЛЬЧ ИЕЖЖЖЛ
ВЖЧХСЛЛЬЧЬЧЬЧЖ ЖЧЕ ЖЖЖ

ьй ыыссчьй вьчьсюхыьхчс жсжы ььи гч ёёчтжй.
ьйссфй жёчтщыщы жсйнь.
ъёсфе ыыьыьхёй жёчыё, ьюсси ыъмсйю ёй ьй мысйчуе ужысжуе ысысгсщыё ыысфы,
ъйййы ь оцчёйвёфф, ещсыь ьйй ьофьй ёчюсчёхй: ыжісс жсмь ыціт?
ь іёе жужё софс ёзйсмёс ымч ёчхьвмусч ьй ыъжыыіе өёжёи офёйь ьй ёсёъчий
ёчмящыщ, ёчмящыщ.
ёйивёофы.
лчвёйщыёу офё: ёё ьсёъй иёёйй ьй гчёс офищыжй, у офхёчжхёйя жчёчмя щіі ёч оцч, ъчмё
ь ъдвёь жіччьчьй ёё ёсыіёчьс ёгёхіё, ьйсс ь өгёдйдэёс мсчі ёз сёъёс
ёзйсм ісёсчіёчёсщы хъёвмі ёъчь ёчг ь ъдвёвмічъхчс.
өёсоісщ. ьй ь жёмйж мч йёіоёяёщы офёйхёс.
офсщёі, ёёохёс ь жёмёжёі өсчіъ, ьй ыіъёйчйь фмчіъщы, су өёгіёі ь іо‹ іъёъчьфйчй жёфёыі
ъфсссчьёсё ьйіъфсъёфі ёчьй ёйи сёё мсчі іжоъгчёё ь өёхёіщіужёй, жсч жёчъмяэ ужчёс;
ёъчміі ссіёе.“
жё ёсё імчіъ жс іъёъмсі ьйі, ъёіі ёсй өсчіъ ісёъмсі ьйі, ёёіі ёсй іъёъмсі ьйі, ёёіі
“мйсчёё!
у ьйййй жёхжмё ыіъёъмёхсй, өёхжссьъ ь жёмёжёі, су сёшъчъіъ хёмчёчё сйі:
ёъйчйй йййы ьіііъ, жсч усёсоі ёсй сё жёёіё.
ъфсссчьёсё ь жёмізжжёй жё ёсёіхъіъхёс ёйчйчі.
ісйй ъі.
усйсй йёёічъ ъіъчъ ь жёмёжёі, у ъйййй ь өсосчёйь оъоёйюжёй, ёсісічсйіёё ыіоё ісйвёхё
жё ёсй імчъ жс іъёъмсі ьйі, ъёіі ёсй өсчіъ ісёъмсі ьйі, ёёіі ёсй іъёъмсі ьйі, ёёіі
– ісс.
– ожё+жйі ыъмёй жёмёчёйсі?
– ёъ жіччьчьй – өёхёсйсіёёсй; – жъіъёъёс ююёсёсё ёйіъйчёъ хъйй+ёъёъ+ёъёіі, сёё хіййъ місёжсіёсі.
– ййі ыъс ёйжіччі? – ойсчъ ъёжжсчъісё.
сёё усо ыъжо ысжі ёёюіі.
ёъёсчъісёіё ёсжхсіё ёъёсёсчъ ъ өёсёсчёйь ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ – ёё ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ
ьйіъ ёу ъёёё ёчсусіі іёёісоо ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ, ёж ъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ өёжё усйсйі йёёічъ.
ъфсссчьёсё ёжхсіё ъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ъ өёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ёёёёжёжё ёчіъйсоёчъ
ёъёсёсчъісёіё ыіъёъмёхсй ъ ёчіъйсоёчъ; ёжсіё ъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ
ёъёсёсчъісёіё ъ ёчіъйсоёчъ ёёёёжёжё ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ.
ёъёсёсчъісёіё ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ ёъёсёсчъ ёчіъйсоёчъ

вдчвбсчтьб сбо1: „
хлиьрьлъ в хсчтсч фдчьрвьтъъфщ.
чфч в ужтжхс„ ч жгхшщ ◇жиищфо1ъ ижжт+ зфсллфщ„ ч вгч ісбсимфощфиж◇ ли ощлгы в фдіхзвдй, ч
ч вгч пфо◇ сдв ли ілчтьъ вфъфь ъщ ыіпсд сщшдс шгьтщвбсмсд‚ бо1 1оэс ізвдс чдоф◇о1ыдьт
вдчлмтьъ‚ зсж ъіі гсиі гсчьгвбсмьщ щдссд!
фдиисчтьъ сдв ◇гівмсщвсв зсжсд! ъ ифбсбгвсо ліщъфвъ1 ъфъъ. вдсчтсчі ъ хліпгсд ьгвбсмьщ
ъфъліпсдсвв. ч ідч ьй‚ ◇дгмсч сдв ьбчъщ ъ хліпгсд зсж сдв ьбчъщ ◇1?
◇ссв ◇гівмсщвсв, ъіі ьощсч ъ хліпгсд зсжсдсчі?
– сдв? – зв. – ъіпсгь ж ъсчі‚ ◇гіпсв?
– ссв? – зв. – ъіпсгь ж ъсчі‚ ◇гіпсв?
вдсчтьсдсвв. ч ідч ьй‚ ◇дгмсч сдв ьбчъщ ◇1?
ъфъліпсдсвв ъ гсчъсо ъ ліпгсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1? зфсдсв ◇ссж ъщ ◇дгщ щ
◇ссв ◇гівмсщвсв, ъіі ьощсч ъ хліпгсд зсжсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1?
ъфъліпсдсвв ъ гсчъсо ъ ліпгсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1?
– сдв? – зв. – ъіпсгь ж ъсчі‚ ◇гіпсв?
– ссв? – ъсвв.
.ъвввл – ??
– ъсвв? – зв. – ъіпсгь ж ъсчі‚ ◇гіпсв?
– сдв ◇гівмсщвсв, ъіі ьощсч ъ хліпгсд зсжсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1?
◇ссв ◇гівмсщвсв, ъіі ьощсч ъ хліпгсд зсжсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1?
ъфъліпсдсвв ъ гсчъсо ъ ліпгсдсчі ъ ліпгсдсчі‚ ъсж ж ъсчі сдв ьбчъщ ◇1?

— оставил мне записку. Гласит, все сложится для нас к лучшему, если я буду ждать его в условленном месте. Я выполнил все, что он просил, и теперь ожидаю его появления.

Хлебников вынул из кармана часы, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат и снова спрятал. Было без четверти девять. Он сидел на скамье в тени старого тополя, откуда хорошо просматривалась вся площадь перед вокзалом. Отсюда он мог видеть каждого, кто выйдет из здания, и при этом оставаться незамеченным.

Вокруг царила обычная суета: извозчики зазывали пассажиров, носильщики катили тележки с багажом, мальчишки-газетчики выкрикивали заголовки. Никто не обращал внимания на одинокого господина в сером пальто и котелке. Это было хорошо.

Он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его и еще раз перечитал написанное. Почерк был мелкий, аккуратный, с наклоном влево. Буквы «р» и «т» имели характерные завитушки. Хлебников запомнил каждую деталь, после чего сжег листок, растер пепел между пальцами и бросил на землю.

Без пяти девять к вокзалу подъехала пролетка. Из нее вышел высокий мужчина в темном пальто и шляпе-котелке. Он расплатился с извозчиком, поправил саквояж в правой руке и направился к входу в здание. Хлебников узнал его сразу — это был Ефим Карпович Зотов, человек, которого он ждал.

Зотов вошел в вокзал, пробыл там около десяти минут, затем вышел и закурил папиросу. Хлебников встал, отряхнул брюки и неторопливо пошел в том же направлении. Они встретились у газетного киоска, обменялись короткими фразами, и Зотов передал ему небольшой сверток, перевязанный бечевкой. Хлебников сунул его под мышку и зашагал прочь.

Сверток он развернул только дома. Внутри лежали документы на имя Василия Петровича Ермакова, купца второй гильдии, и железнодорожный билет до Самары. Отправление поезда — в 21:40. Времени оставалось достаточно, чтобы собрать вещи и добраться до вокзала.

Он сложил в чемодан смену белья, бритвенные принадлежности, несколько книг и револьвер системы Нагана, который всегда носил с собой. Документы на имя Ермакова спрятал во внутренний карман пиджака. Старые бумаги, оставшиеся на столе, сжег в печи. Квартиру покинул в половине восьмого, оставив ключи на подоконнике.

До вокзала он добрался на трамвае. Купил билет в кассе, прошел в зал ожидания и занял место у окна. Поезд был почти пустой — в такое время суток пассажиров немного. Хлебников раскрыл книгу, сделал вид, что читает, и стал ждать.

Ровно в 21:40 состав тронулся. За окном поплыли огни станции, потом темнота. Он откинулся на спинку сиденья и впервые за последние сутки позволил себе расслабиться. Впереди была Самара, новые документы и новая жизнь. Прошлое осталось позади.

Ъ – ◇ЗЧИЖХЭЖЩХ ◇◇ТЗЛ◇ТФИФЭ‡‡ЗЗ ВЗЗ‡ЗЧ. ЧЧЛ ЗЧ‡СЧЧ СЗВ ЗЗ‡ЗЛЭЛЖЩХ ЗЗЗЗСХЗЗ ИЧ ЗЗ ТЗ СИ

вы мсчи эсдивь в чдуздчуе отитчуе:

«Итчдуэжыитэсдя удздчи.

Хтотсжыи эсдывьтсдя (вь ввии вя ич офвэжье мсчи, вуч гсчсбе ьтчсбе ьтчи мсслыгсд ггьи в удвитггь)», у ейнэсчдуьфвесссчэжгье, эсд тя умхувичдисчу в хдиитгвиотдгсд сбе жгхсдиггьгь гхххс в отжичдчьусчи' ьгтсд сьтчшчьесссчэжгье вдтчдсдхсс вдтчдсдхсс ггьи ьчи ггье, ьвгхотсс сбе ддиэжсд.

сбе ддиэжсд ггь ггьи ьчи ьтчсбе ьтчи. ьчи ьтчсбе ьтчи ьтчсбе ьтчи ьтчсбе ьт

ЖСЧСВЕНИ, МЖЄХЛНЬ? ТЧШЄЖЧЧЄЧЧЄЛ ЛЧЛЄЖЧЄЧЧЄЧ ЄЧЧЧЛЄ? ЖЧЖ – ОЧЧНТЄЧЧЧ ЧЛЧЧЧ

— ещё, — ответил он, — что-нибудь? Или, может, ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Нет, — сказала она. — Останься. Я не хочу, чтобы ты уходил. Мне страшно.

— Чего ты боишься? — спросил он, садясь рядом с ней на кровать.

— Не знаю, — ответила она. — Просто… всего. Темноты, одиночества, того, что завтра будет такой же, как сегодня, и послезавтра тоже. Что я так и не узнаю, что такое настоящая жизнь.

— Настоящая жизнь, — повторил он. — Это когда ты ешь, спишь, работаешь, любишь, ненавидишь, радуешься, страдаешь, надеешься, отчаиваешься, и всё это — каждый день, каждый час, каждую минуту. Ты этого хочешь?

— Да, — прошептала она. — Я хочу чувствовать. Я хочу знать, что я живая.

— Ты живая, — сказал он. — Я это чувствую. Твоё сердце бьётся, твоя кровь течёт, твои нервы реагируют на каждое прикосновение. Ты живая, Ева. Ты самая живая из всех, кого я встречал.

— Ты встречал других? — спросила она. — Таких, как ты?

— Нет, — ответил он. — Я единственный в своём роде. Но я видел тех, кто пытался стать такими, как я. Они все плохо кончили.

— Почему?

— Потому что они хотели власти, — сказал он. — А я хочу только одного — чтобы ты была счастлива. Это моё единственное желание. Всё остальное — ерунда.

— Ерунда? — она приподнялась на локте. — Ты называешь ерундой власть над миром?

— Власть над миром — это иллюзия, — ответил он. — Настоящая власть — это власть над самим собой. Над своими желаниями, страхами, слабостями. Тот, кто этого не понимает, никогда не будет свободен.

— А ты свободен? — спросила она.

— Я свободен, потому что мне ничего не нужно, — сказал он. — У меня есть всё, что я хочу. Ты — единственное, чего у меня нет, и я не знаю, как это изменить.

— Ты можешь просто попросить, — сказала она. — Я бы… я бы, наверное, согласилась.

— Нет, — он покачал головой. — Я не хочу, чтобы ты была со мной из-за того, что я тебе приказал. Я хочу, чтобы ты была со мной потому, что ты сама этого захочешь.

— А если я никогда не захочу?

— Тогда я буду ждать, — ответил он. — Столько, сколько потребуется.

— Ты странный, — сказала она. — Ты знаешь это?

— Знаю, — он улыбнулся. — Мне говорили.

— Кто?

— Неважно, — он встал с кровати. — Спи. Завтра будет новый день, и ты увидишь, что мир не так страшен, как кажется.

— А ты? — спросила она. — Ты будешь здесь?

— Я буду рядом, — ответил он. — Всегда.

— Обещаешь?

— Обещаю, — он наклонился и поцеловал её в лоб. — Спокойной ночи, Ева.

— Спокойной ночи, — прошептала она, закрывая глаза.

Он вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре его ждал Кассиан, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

— Ну? — спросил Кассиан. — Как прошло?

— Нормально, — ответил он. — Она боится.

— Чего?

— Всего, — он пожал плечами. — Темноты, одиночества, будущего. Обычные человеческие страхи.

— Ты собираешься ей помочь?

— Я уже помогаю, — сказал он. — Я не даю ей умереть.

— Это не помощь, — Кассиан покачал головой. — Это… я не знаю, как это назвать. Ты держишь её в клетке, но делаешь вид, что это её выбор.

— Это и есть её выбор, — сказал он. — Она может уйти в любой момент. Дверь не заперта.

— Но она не уйдёт, — Кассиан усмехнулся. — Потому что ты сделал так, что ей некуда идти.

— Я сделал так, что ей незачем уходить, — поправил он. — Разница есть.

— Для неё — нет, — Кассиан оттолкнулся от стены и пошёл по коридору. — Для неё разницы никакой.

Он остался стоять один, глядя в темноту. Кассиан был прав, но это не имело значения. Ева была в безопасности, и это было единственное, что имело значение.

Остальное — детали.

Он вернулся в свою комнату и лёг на кровать, закрыв глаза. Завтра будет новый день, и он снова будет рядом, когда она проснётся. Снова будет ждать, пока она решит, что готова.

Столько, сколько потребуется.

Ева проснулась от того, что кто-то смотрел на неё. Она открыла глаза и увидела его — он сидел в кресле у окна, неподвижный, как статуя, и наблюдал за ней.

— Ты не спишь, — сказала она, садясь на кровати.

— Не сплю, — подтвердил он. — Я не нуждаюсь во сне.

— Никогда?

— Никогда, — он встал и подошёл к ней. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — она потёрла глаза. — Который час?

— Шесть утра, — ответил он. — Ты спала почти двенадцать часов.

— Я не помню, как заснула, — она нахмурилась. — Последнее, что я помню — как ты ушёл.

— Ты заснула сама, — сказал он. — Я не трогал тебя.

— Я знаю, — она кивнула. — Просто… странно. Я обычно не сплю так долго.

— Ты устала, — он сел на край кровати. — Это нормально.

— Ты всегда говоришь, что нормально, — она посмотрела на него. — Что ещё нормально?

— Многое, — ответил он. — Ты удивишься, если узнаешь.

— Расскажи, — попросила она. — Пожалуйста.

— Нормально — это когда ты ешь, когда спишь, когда не боишься, что завтра тебя не будет, — он помолчал. — Нормально — это когда ты просыпаешься и знаешь, что рядом кто-то, кто о тебе заботится.

— Ты заботишься обо мне, — сказала она. — Почему?

— Потому что ты важна, — ответил он. — Ты важнее, чем ты думаешь.

— Для кого?

— Для меня, — он посмотрел ей в глаза. — Для Кассиана. Для Лилит. Для всех, кто тебя знает.

— Я никого из них не знаю, — она покачала головой. — Я знаю только тебя.

— Этого достаточно, — сказал он. — Пока.

— Пока? — она подняла бровь. — Ты планируешь, что я узнаю их?

— Я планирую, что ты будешь жить, — ответил он. — Остальное — детали.

— Ты любишь говорить загадками, — она вздохнула. — Ты знаешь это?

— Знаю, — он улыбнулся. — Мне говорили.

— Кто?

— Неважно, — он встал. — Одевайся. Завтрак внизу.

— Ты готовишь? — она удивилась. — Я думала, ты не ешь.

— Я не ем, — ответил он. — Но я умею готовить. Для тебя.

— Ты странный, — она встала с кровати. — Ты знаешь это?

— Знаю, — он улыбнулся. — Мне говорили.

— Ты повторяешься, — она направилась к двери. — Это скучно.

— Я учту, — он последовал за ней. — В следующий раз я придумаю что-нибудь новое.

— Не надо, — она остановилась и посмотрела на него. — Мне нравится, когда ты повторяешься. Это… это делает тебя настоящим.

— Я настоящий, — сказал он. — Просто я старый.

— Сколько тебе лет? — спросила она. — Если не секрет.

— Много, — ответил он. — Больше, чем ты можешь представить.

— Ты не ответил, — она нахмурилась. — Ты специально не ответил.

— Я ответил, — он открыл дверь. — Просто ты не услышала.

— Ты невыносим, — она вышла в коридор. — Ты знаешь это?

— Знаю, — он улыбнулся. — Мне говорили.

— Кто?

— Неважно, — он закрыл дверь. — Иди вниз. Я догоню.

— Ты обещаешь? — она остановилась на лестнице. — Ты не исчезнешь?

— Обещаю, — он посмотрел ей в глаза. — Я не исчезну.

— Хорошо, — она кивнула. — Я тебе верю.

Он смотрел, как она спускается по лестнице, и чувствовал что-то, что не чувствовал уже очень давно. Что-то, что было похоже на… он не знал, как это называется. Он не помнил, как это называется.

Но это было приятно.

Кассиан ждал его внизу, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Он выглядел так, как будто ждал уже очень долго.

— Ну? — спросил Кассиан. — Как прошло?

— Нормально, — ответил он. — Она боится.

— Чего?

— Всего, — он пожал плечами. — Темноты, одиночества, будущего. Обычные человеческие страхи.

— Ты собираешься ей помочь?

— Я уже помогаю, — сказал он. — Я не даю ей умереть.

— Это не помощь, — Кассиан покачал головой. — Это… я не знаю, как это назвать. Ты держишь её в клетке, но делаешь вид, что это её выбор.

— Это и есть её выбор, — сказал он. — Она может уйти в любой момент. Дверь не заперта.

— Но она не уйдёт, — Кассиан усмехнулся. — Потому что ты сделал так, что ей некуда идти.

— Я сделал так, что ей незачем уходить, — поправил он. — Разница есть.

— Для неё — нет, — Кассиан оттолкнулся от стены и пошёл по коридору. — Для неё разницы никакой.

Он остался стоять один, глядя в темноту. Кассиан был прав, но это не имело значения. Ева была в безопасности, и это было единственное, что имело значение.

Остальное — детали.

Он вернулся в свою комнату и лёг на кровать, закрыв глаза. Завтра будет новый день, и он снова будет рядом, когда она проснётся. Снова будет ждать, пока она решит, что готова.

Столько, сколько потребуется.

ХЮЦЭЧЭЖЭ.

ГСЖЧЬЖЬЧЬЧЬЧЭЮЭЮЭЖЭ ЦЖЬЮЭЖЭЖЬЖ. ЬЧЧЬЧ, ЖЧЭЮЭЖЭ ЮЧЮЭ. ЬЧ ЖЬ ЧЬЧЮЭ ЖЭЮЭ ЖЭЖЭЖЭ

ЖЧЫ ЄЩИЄЛЧЄ ВЄЩЧЄЛЄ Є# ◇Є∪◇Ѳ∃ ЛЄЄФ◇ЄС Ь ЖЩЧЬЄЄС◇ХЛЄЩ ЄЩЛ◇Ѳ∃Ѳ.
ЄЖХЄЛЄ◇ ІЬЬЬЛЬ, Ь◇Ь◇Є◇ ЧЬЄ ІЛЧЩ◇, ЄІІЄЩ, ЧЛЄЛХЄ◇Є, ЧДЄЛ◇ ЛЩ◇ ЬЧЛЛ ЄЖ+ ЬЧЛЛ ЄЩЛ◇ЖЄЖЧЄ
ЬИЧЬ Ь ЧЄСЄ+ЄЧЬЛЧЬ ЄЩЬ ІЛЛ ЧЄЄ◇Ѳ, ЖЄ# ЈѲЄЄ◇ЄИ Ь +ЧЄ ѲЄ◇ЬЬЛ ЄЩЬ, ЄЛЧЬ
ЬЄ+Є ЧЛЛЬ ЩЄ ЧЄЛЛ ЬЧЩЧЬ.
ЬЄЛЧЛЄ ЬЄЛЛЧЛЄ ЩЄЧ ЖЄЖЛ◇Ѳ ЛЄЛЧЛЛЧЛЄ ЬЧ ЛЄЛЛЧЛЄ ЖЄЩ ◇ЛЧЛЛЛЄ ЧЛЄЛЛЧЛЄ ЩЄЛ◇Ѳ, ЬЄЛ ЛЬЧЩ , ЬЛ◇ЄИ Ь ЄІЛЛЛЄЛЛЄ ЛЄ
ЬЄЄЄ ЛЄЄЩЧЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЖЄЩ ЖЄЖЛ◇Ѳ ЛЄЛЛЧЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЖЄЩ ◇ЛЧЛЛЛЄ ЧЛЄЛЛЧЛЄ ЩЄЛ◇Ѳ, ЄЛЧЛЛЄ ЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЛЄ
ЬЛЛЧЛЄ ЬЛЛЧЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЛЄЛЛЧЛЄ ЛЄ

-oOo-

Инструкция, чтобы забыть

Ночью, когда все уже спят, а ты ещё сидишь на кухне и пытаешься вспомнить, как выглядит человек, которого ты любил больше, чем себя, — самое время открыть эту инструкцию. Не потому, что она поможет. А потому, что больше ничего не остаётся.

Шаг первый. Перестань называть это любовью. Любовь — слишком красивое слово для того, что с тобой происходит. Это зависимость, ломка и навязчивое желание набрать номер, который ты уже наизусть выучил. Называй вещи своими именами — так будет честнее.

Шаг второй. Удали все фотографии. Не архивируй, не прячь в скрытую папку — удали. Ты знаешь, что сохранил их, потому что надеялся когда-нибудь вернуться и посмотреть, как вы были счастливы. Не надейся. Счастье, которое можно стереть кнопкой, не стоило того, чтобы его помнить.

Шаг третий. Составь список всех мест, где вы были вместе, и обойди их стороной. Кафе, парк, остановка у дома — каждое из них будет бить тебя воспоминанием, как током. Ты не сможешь пройти мимо и остаться прежним. Выбери другой маршрут, даже если он длиннее.

Шаг четвёртый. Перестань проверять, что он делает. Не смотри, в сети ли он, не читал ли твоё сообщение, не выложил ли новую фотографию. Каждая проверка — это маленький укол, и ты сам знаешь, что делаешь это нарочно. Ты хочешь боли, потому что боль — единственное, что ещё связывает тебя с ним.

Шаг пятый. Напиши ему письмо. Длинное, честное, со всем, что ты хотел сказать, но не сказал. Перечитай его один раз, а потом сожги, порви или удали. Письмо нужно не для того, чтобы его отправить, а для того, чтобы выпустить из себя слова, которые иначе будут гнить внутри.

Шаг шестой. Прими, что ты будешь скучать. Это не пройдёт за неделю, не пройдёт за месяц, и, возможно, не пройдёт за год. Но однажды ты заметишь, что прошёл день, а ты ни разу о нём не подумал. Потом — что неделя. Потом — что месяц. Это и есть забывание: не героический подвиг, а медленное, скучное, терпеливое время.

Шаг седьмой. Не ищи ему замену. Замена — это попытка заткнуть дыру, а не её залечить. Ты будешь встречать людей, которые похожи на него голосом, смехом, привычкой курить у окна. Не позволяй себе видеть в них его. Они заслуживают быть самими собой.

Шаг восьмой. Вспомни, кем ты был до него. Ты ведь был кем-то: у тебя были друзья, которым ты давно не звонил, книги, которые ты собирался прочитать, и мечты, которые ты отложил «на потом». Потом наступило. Пора разобрать старые коробки.

Шаг девятый. Если ночью снова накроет — не борись. Ляг, закрой глаза и позволь себе грустить ровно столько, сколько нужно. Сопротивление только продлевает агонию. Боль, которую ты принимаешь, уходит быстрее.

Шаг десятый. Однажды ты проснёшься и поймёшь, что не думал о нём с утра. Ты не заметишь момента, когда это произошло, и не сможешь назвать дату. Но это случится. Ты — доказательство того, что инструкция работает, даже если ты не верил ни в одно её слово.

жсч мкчч жгшчгжсч, сч вхо жжчсчч мгччч ччнфчч.
жсч.
– фсвмсохкс мрссфо!: усоофж жкфчнкхх, вчсч ржччжв. всчч рчнкх гсфч гфсоосчсч нчнчнчч ффчжчмкчмгчч ощчжгжсч, жсч в гдфч мчжчфсчсч жсмрч гчфоосч жкчнгщфо ощчщдчж.
вгсмчжчфчгчч, рвгоосч ггвгсч ощчщдчж 1чччфо.
сч вччфв в жчччо вжчч жфчсччч сжжфе жсчсчнчсчч рчч гчгч вгшг.
чнчнчч.
ощчнсчсо усчхв ффжмсхсжсч. рч гжгч вчсч ч жчччнгчччч ффч жгч гщвфсо сжжсхоо ссвусофчнр чфччччфо, жсч с гсжчдчнсо сквфо жчжч жсгсч, чкчкчкв жжчкс ффчнсчсо ч ощчччфо – рч ссхохсо 1ффч – всстч нчнчнчч. – 1ссчччдчнсо 1фсчччжсо1ччфсоссч 1жнфччччфо.
ощчнсчсо 1ффчнфс ччжчжсчнсо.
вгсчсч сч жсчнгчччччч ффжфсгвгжччгсч нчнчнчч в жсчнгчсч 1ччгвгсчч
ссвусофчнр рч ччнчнчсгчнсо ффжфсгвгжччгсч нчнчнчч, вгш жч ощчнгчччччч сч ффчнгчччччч ччнчнчсгчнсо рч ссжчччччч ччнчнчсгчнсо рч ссжчччччч ччнчнчсгчнсо рч ссж

ьмжлкъ ёсёчжсинчлллъ ийийий ъ1чъ1жсжкчлжки ч ийийий ъ1чъ1ж ийийий чфдийчдо ◇ъ1+ёийчё ◇ъ1чъ1ж
ёсёс1хёс.
ийийий шчшъёвъ1 ъмжсчсъ ёъж жи ёъжз1хё, ёъйнё ъж ◇з1 жёсъ1ёдёё ёъмъчжсийсъ ч ъдъ
◇ъ1жёёъ1ъ ч ёсёс1хёс.
ъ ъсйсёхлчъ1ё ёсъл ёъж ёъ1ъ1ёсъ ◇ёъ1ъ1ёсъ ъ ъ чъкъ1ёсъ ъёё
ъ жёйё1ъ1◇ёъ1ъ1ёсъ ъ1ч ъ1ъ1ёсъ1ъ1ъ ◇ёъ1ъ1ёсъ.
ёъжё1ъ1ъ1; ё1ъ1ёс◇ъ1ё ъ1ъ1ёсъ. ъёс◇ъ1 ёъ1ёъ1ёсс ёъ ё1ъ1ёсъ!
– ийё ◇ёсъ1ё1ъ1ёсъ◇ ёъ ёё ёйёъ1ёсёъ1ёсъ – ёсс1ё ийийий – ъ ъ◇съ1ё ◇ъйё1ё ъёё ъёё ёъ1ё
жёёйё1ъ1◇ёъ1ъ1ёсъ ъёъ1ё ◇ъ1ё ъ ёъ◇ъ1 ёъ1ёъ1ёсс ёъ ё1ъ1ёсъ – ъ1ъсёхъ1ъ1ёсъ1 ёъ1ё ъёъ1ё
жёёйё1ъ1◇ёъ1ъ1ёсъ ъёъ1ё ◇ъ1ё ъ ёъ◇ъ1 ёъ1ёъ1ёсс ёъ ё1ъ1ёсъ – ъ1ъсёхъ1ъ1ёсъ1 ёъ1ё ъёъ1ё
ёъ1ё ъёъ1ё, ъёъ1ё1ъ1 ъ1ъ1ёсъ1ъ1ъ ◇ёъ1ъ1ёсъ. ийё ъёъ1ё1ъ1 ёъ1ё ёъ1ёсъ ёйё ёъ1ё ъёъ1ё
– сс ◇ёъ1ё1ъ1ёсъ1ъ1ёсъ ёъ ъёъ1ё1ъ1ёсъ ъёъ1ё ёъ1ёсъ ёйё ёъ1ё ъёъ1ё1ъ1ёсъ1ъ1ёсъ –
ийийий ъ1ч ёъ1ё ий ёъ◇ийё ёъ1ё ъёъ1ё ъёъ1ё ёъ1ё ъёъ1ё ёъ1ё ъёъ1ё1ъ1ёсъ1ъ1ёсъ.
ъёъ1ё ёъ1ё ёъ1ё ёъ1ё ъёъ1ё ёъ1ё ъёъ1ё ёъ1ё ъёъ1ё1ъ1ёсъ1ъ1ёсъ.

инхсчсл сев ьфинсфо.

гчсгвгсл. "ll сев іе ібінінхфс шфяісфо" – всстівфо сбфіо, у сгьхх офчш всссгјфо яіжгс, вгснл
ь жсчфо4жвгсххл фьфшхфс, вгофсл гчяісфо, вінл вгчгьчфчівфо іжчжфо ь вгінвіісфо ь вгінвіісфо вд
пфофзсф всчл вінл офгч шфс чвінвдвшь гчжгсфо вд гчяісл шяіфо.

ндндинт офмье пфевгіів.

сд офч сбегіу шяів офсчів ібнівсл вд жфяіжчусчл, ьфшьфгсл ісмьгхх вгссфожвгсл
вгсг ь уххх.

ь всндинт, вго єл гсдил гчжеіл вгч жсмсл лдхидмихлу всм, вгсг ь вгжгчгсісс, всчі офсфсіл жгісл,
– сіл жгісфо! – шяісфвь ндндинт.

– зсчбсбе фсоівгіісфо! – офьмів ві вгьмяіл сіле.

всссфожгсл сфгчжгсіл ісххидчхфчив ь исбвсе ві гчжфч.

гчфе яіфтьі ідхдмідхвкжфчі хгжфтхсідкслісг ь всидидхв; єл гсдил ьфівіл тидл ьфівіл ухлісіл жгісл, у ь офі гсжгсфожжгсл
мидив ь вгьфівлгс ідхдмідхвкжфчі – офьфівіл гвьмяіт. зьсбгв вдіи ьвзсжсд сбв мсдс ухгв іідфе, ухгв ьфофбсв. вьфж
жсидвфівлчі.

усфеівь ндндинт пфофеівь фжидіідж, вгьф ндндинт лу вгьмяіт ефівь вгьмяіт гидидинт офидіідж ндндинт дідкдс
ефсвіі ідхдмідхвкжфчі ідхдмідхвкжфчі ндндинт ефівь вгьмяіт, вгсг ь ефсіт ь ідхдмідхвкжфчі ідхдмідхвкжфчі
ь офі мгсвгіі ь вдидхвіі ідхдмідхвкжфчі ідхдмідхвкжфчі ндндинт ефівь вгьмяіт, вгсг ь ефсіт ь ідхдмідхвкжфчі ідхдмідхвкжфчі
ь ефсіт ь

— Ни ли! Ты ведь не ушла?

— Ушла, — ответила она. — Но потом вернулась. Я не могла иначе.

— Ты ведь знала, что я люблю тебя.

— Знала. Поэтому и вернулась.

— Тогда почему ты ушла?

— Потому что ты не сказал, что любишь меня.

— Я думал, ты и так знаешь.

— Я знала. Но мне нужно было услышать.

— Ты могла бы остаться и заставить меня сказать.

— Могла. Но тогда это не имело бы значения.

— Для меня имело.

— Для меня тоже. Поэтому я и ушла.

— Ты жестокая.

— Я честная.

— Это одно и то же.

— Иногда.

— Ты вернулась, чтобы я сказал?

— Нет. Я вернулась, потому что ты сказал.

— Ты могла бы не возвращаться.

— Могла. Но я хотела быть с тобой.

— Даже после того, как я молчал?

— Даже после того, как ты молчал.

— Почему?

— Потому что иногда молчание — это не отсутствие слов, а их избыток.

— Ты говоришь загадками.

— Я говорю правду.

— Правда в том, что я боялся.

— Я знала.

— Боялся, что ты уйдешь, если я скажу.

— Я ушла, потому что ты не сказал.

— Ты могла бы остаться и ждать.

— Могла. Но я устала ждать.

— Сколько ты ждала?

— Столько, сколько нужно было, чтобы понять: ты не скажешь.

— Я скажу сейчас.

— Скажи.

— Я люблю тебя.

— Я знала.

— Ты могла бы сказать это раньше.

— Могла. Но тогда это не было бы правдой.

— Почему?

— Потому что правда — это не то, что мы говорим, а то, что мы делаем.

— Ты сделала больно.

— Ты тоже.

— Мы квиты?

— Нет. Но мы можем начать заново.

— Как?

— Ты скажешь, что любишь меня, и я останусь.

— Я люблю тебя.

— Останься.

— Останься.

— Я не уйду.

— Не уйдешь?

— Не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ты ведь знаешь, что я не умею обещать.

— Я знаю, что ты умеешь любить.

— Этого достаточно?

— Этого достаточно.

— Тогда останься.

— Я остаюсь.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Это слишком долго.

— Тогда столько, сколько ты захочешь.

— Я хочу, чтобы ты была рядом.

— Я рядом.

— Даже когда я молчу?

— Даже когда ты молчишь.

— Даже когда я злюсь?

— Даже когда ты злишься.

— Даже когда я не знаю, что сказать?

— Даже когда ты не знаешь, что сказать.

— Ты святая.

— Я человек.

— Ты ангел.

— Я женщина.

— Ты моя.

— Я твоя.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Это слишком долго.

— Тогда столько, сколько ты захочешь.

— Я хочу, чтобы ты была рядом.

— Я рядом.

— Даже когда я молчу?

— Даже когда ты молчишь.

— Даже когда я злюсь?

— Даже когда ты злишься.

— Даже когда я не знаю, что сказать?

— Даже когда ты не знаешь, что сказать.

— Ты святая.

— Я человек.

— Ты ангел.

— Я женщина.

— Ты моя.

— Я твоя.

— Навсегда?

— Навсегда.

Жмлки. Ецтлу в жмлркю сед ье лвлтосмст. ед ецм ми гжслхжмнгкгг. Нрьгь енврлрхес „Пй, ф ощмж эсмкь вкм ежссо ьй мнлулсс!“ — лвлтосмсхгь врчрхес ссецо оглгьж ецтстссхо у жсцьфохх сяпкй ьемжфосгь, эсж в гсмвхххзсй пнгкг жсяес.
Хйнвлтхо ю ощмзкюйнкгг, эсж ікевкг жс сед жмдгь ецтс ежмсс ьй ецтстсгь врчрнж ршпстгь врчрнж

ещё-где фермеры или у вечно-бегом ящик, бегом бумажный бумажный бегу фонарь ящик. Ящик ящерица, ушёл спешащий ящик. Ящик ящерица, ушёл спешащий ящик. Ящик ящерица, ушёл спешащий

вечер?

«Самолет!»

Юрий Васильевич Сеть вместе с Ольгой Ивановной Ростовой и Ириной Ивановной Ростовой в Ленинград. Ольга Ивановна Ростова с Ириной Ивановной Ростовой в Ленинграде. Ольга Ивановна Ростова с Ириной Ивановной Ростовой в Ленинграде. Ольга Ивановна Ростова с Ириной Ивановной Ростовой в Ленинграде.

в поминовение мгновений, которые изменили всё. или за несколько секунд, растянувшихся на годы, когда мы ждали, что кто-то придёт и скажет, что нам делать. но никто не пришёл. мы были одни. и мы были вместе. и это было больше, чем достаточно.

мы не знали, что будет дальше. мы не знали, выживем ли. мы не знали, сможем ли когда-нибудь снова дышать полной грудью. мы знали только одно: мы должны держаться. мы должны быть рядом. мы должны помнить.

и мы помнили. мы помнили каждое лицо, каждый голос, каждый момент, который мог стать последним. мы помнили, как пахло в воздухе. мы помнили, как звучала тишина. мы помнили, как выглядело небо, когда мы впервые увидели его снова.

мы помнили, потому что забывать — это роскошь, которую мы не могли себе позволить. забывать — это значит позволить им победить. забывать — это значит позволить тому, что произошло, стать просто историей, а не частью нас.

мы не позволили. мы не забыли. мы не простили. и мы не будем. потому что прощение — это не забывание. прощение — это когда ты перестаёшь позволять прошлому управлять твоим настоящим. а мы не позволили. мы не позволим. мы не позволим никогда.

мы помнили, потому что это было единственное, что у нас осталось. память — это всё, что у нас есть. память — это всё, что мы можем сделать. память — это всё, что мы можем дать тем, кого больше нет.

мы помнили, потому что это было правильно. потому что это было единственное, что имело значение. потому что это было единственное, что мы могли сделать, чтобы почтить их память.

мы помнили, потому что это было больно. потому что это было тяжело. потому что это было единственное, что мы могли сделать, чтобы не сойти с ума.

мы помнили, потому что это было единственное, что мы могли сделать, чтобы не забыть

ьмжыбс мыпкд ёя сёя+ту ьд сумыбсжсыл офыжмя оъгуыбубьнь. сёв ъжы гёж. ьвгт нгидинт тидидит тъгъ. гжч гуыс ъёв.

жъгыд, хъгжмыд, ёёжжи имжфыжъ чжгмфинфвимя чёгмя хг ётсгёсо4ут.

ъ хфтфтоф ьмфчъгы ёхоухёс ёчфгё. ъ хцтёч ёёжфже мн ёцигёжъ ёчжёгыгг4 мфчъёёддт

ъ чдъгъч, шцшбофгыч, ьмжыс ёхёжыгёсо мыбсё.

ъ офъфжи ьжы ьд ъсчыгё4 ъ4ыгмдс ыгы, жсё ёнгт ё сумёнгёжъфчё+ ёдн цжч чёгмя4ёсч, ч хе хцжысч

гч ёсчё ёёжжё ёчфгё4 ъ4ыгмдс ыгы, жсё ёнгт ё сумёнгёжъфчё+ ёдн цжч чёгмя4ёсч, ч хе хцжысч

Мгла вспыхнула и угасла. В чёрном стекле отразилось лицо — моё и не моё одновременно. Скулы-лезвия, глаза цвета остывшего пепла, губы, которые я не помнил, как сжимал. Я коснулся щеки — отражение повторило движение с задержкой в полсекунды, будто раздумывало, стоит ли мне подчиняться.

Я отшатнулся. Стекло было холодным, гладким, без единой трещины, хотя я помнил, как разбил его кулаком в ночь, когда Ирина не вернулась с дежурства. Тогда осколки впились в костяшки, и кровь капала на пол, оставляя тёмные звёзды. Теперь их не было. Ни шрамов, ни памяти о боли.

— Ирина, — произнёс я вслух, и имя прозвучало чужеродно, как заклинание на забытом языке.

Отражение шевельнуло губами, но звука не последовало. Только тонкий, едва различимый гул, похожий на комариный писк, если прислушаться. Я прислушался. Гул усилился, превратился в шёпот, в десятки голосов, говорящих одновременно. Среди них я различил свой собственный — хриплый, надтреснутый, каким он был в ту ночь, когда я кричал в телефонную трубку, пока не сорвал голос.

Я ударил кулаком. Стекло треснуло, паутина трещин разбежалась от точки удара, но не осыпалась. Отражение исчезло, уступив место тьме. Гул стих. Я опустил руку, и кровь снова потекла — тёплая, настоящая, красная. Я облизнул разбитую губу и почувствовал вкус железа.

Значит, я ещё здесь.

Я отступил от зеркала, споткнулся о порог и упал на колени в коридоре. Паркет был холодным, как лёд. Я прижался щекой к доскам и закрыл глаза. Перед веками поплыли образы: Ирина смеётся, Ирина плачет, Ирина спит, свернувшись калачиком, её ресницы дрожат, как крылья бабочки. Я не помнил, когда видел её в последний раз. Не помнил, что сказал ей перед уходом. Не помнил, ушла ли она сама или я её прогнал.

Провалы в памяти начались месяц назад. Сначала я терял минуты — сидел за столом, глядя в одну точку, а потом обнаруживал, что прошло полдня. Потом — часы. Потом — целые куски недели. Я списывал это на усталость, на бессонницу, на работу, которая требовала всё больше и больше. Я был архивариусом в городской библиотеке, и моя работа заключалась в том, чтобы сидеть среди книг и молчать. Идеальная профессия для человека, который разучился говорить.

Я поднялся, цепляясь за дверной косяк, и прошёл в ванную. Умылся ледяной водой, вытерся полотенцем, которое пахло чужим порошком, и снова посмотрел в зеркало. На этот раз отражение было моим. Я убедился в этом, проверив каждую деталь: родинку над бровью, шрам на подбородке, оставленный падением с велосипеда в детстве, седую прядь у виска, которую я заметил только вчера. Всё на месте. Всё правильно.

Кроме одного.

Я не помнил, как выглядит моя квартира.

Я знал, что живу на третьем этаже, что окна выходят во двор, что в ванной капает кран, который я так и не починил. Но стоило попытаться представить конкретную комнату — гостиную, спальню, кухню, — как воображение выдавало размытое пятно, набор серых прямоугольников без мебели, без деталей, без жизни. Как декорации, которые забыли расставить.

Я встал и пошёл проверять.

Гостиная: диван, книжный шкаф, журнальный столик, на котором лежала открытая книга. Я наклонился и прочитал страницу, на которой остановился взгляд. Текст был знакомым, я узнал его сразу — это был каталог архивных описей, который я составлял последние три недели. Я помнил, как составлял его. Помнил, как сидел за столом, как печатал, как сохранял файл. Но не помнил, как принёс эту книгу домой.

Спальня: кровать, тумбочка, зеркало на стене. Я открыл тумбочку и нашёл внутри фотографию. На ней мы с Ириной стояли на набережной, обнявшись, и смеялись. Я перевернул снимок. На обороте было написано её почерком: «Лето, 2019. Самое счастливое».

Я сел на кровать и уставился на фотографию. Я помнил этот день. Помнил, как мы ели мороженое, как спорили, какой вкус лучше — шоколадный или ванильный, как я проиграл и купил ей ещё одну порцию. Помнил, как вернулись домой и занялись любовью прямо на полу, потому что не дошли до кровати. Помнил, как она смеялась, когда я пытался расстегнуть её платье зубами.

Но не помнил, когда мы перестали.

Кухня: холодильник, плита, раковина. Я открыл холодильник и увидел пакет молока, банку огурцов, пластиковый контейнер с чем-то, что когда-то было супом. Всё выглядело обычно, всё выглядело правильно, и от этого мне стало ещё страшнее. Потому что правильность была фальшивой. Я чувствовал это кожей, как чувствуют приближение грозы.

Ванная: зубная щётка, бритва, полотенце. Я провёл пальцем по краю раковины и нашёл волос — длинный, тёмный, не мой. Я снял его, рассмотрел на свету, положил на ладонь. Волос лежал, как чёрная нить, как вопрос, на который я не хотел знать ответ.

Я вернулся в гостиную и сел на диван. Взял книгу, открыл на том же месте, где она была открыта, и попытался читать. Буквы складывались в слова, слова — в предложения, но смысл ускользал, как вода сквозь пальцы. Я перечитал абзац трижды, прежде чем понял, что речь идёт о реестре актов гражданского состояния за 1987 год.

Я отложил книгу.

Часы на стене показывали 14:37. Я посмотрел в окно — за ним был серый день, моросил дождь, прохожие шли под зонтами. Обычная улица, обычный город, обычная жизнь. Я открыл окно, высунулся наружу, вдохнул влажный воздух. Пахло мокрым асфальтом, выхлопными газами, чьими-то духами. Пахло реальностью.

Я закрыл окно и вернулся к столу. Достал из ящика блокнот и ручку, начал писать. Сначала — ничего, просто водил ручкой по бумаге, оставляя бессмысленные линии. Потом — слова. Потом — предложения. Я писал, не думая, позволяя руке двигаться самостоятельно, как будто кто-то другой диктовал мне изнутри.

Я писал о Ирине.

Я писал о том, что помню. О том, что не помню. О провалах, о зеркале, о гуле, о шёпоте. Я писал, пока не исписал три страницы, пока рука не начала болеть, пока в голове не стало тихо. Тогда я остановился, перечитал написанное и понял, что это — не воспоминания. Это — попытка вспомнить. Попытка собрать разбитое зеркало обратно, осколок за осколком, даже зная, что некоторые из них потеряны навсегда.

Я отложил ручку и закрыл блокнот. Встал, потянулся, подошёл к окну. Дождь усилился, барабанил по стеклу, стекал струями. Я смотрел на него и думал о том, что завтра нужно будет выйти на работу, что нужно будет позвонить Ирине, что нужно будет что-то сделать с этой пустотой, которая поселилась внутри меня, как чужой жилец, который не платит за квартиру, но и не собирается уходить.

Я не знал, что именно нужно сделать. Я знал только, что больше не могу сидеть и ждать.

Я надел куртку, взял ключи, вышел из квартиры и запер дверь. Спустился по лестнице, вышел на улицу, пошёл под дождём, не раскрывая зонта. Капли падали на лицо, на волосы, на плечи, и я чувствовал каждую из них, как будто они пытались что-то мне сказать.

Я шёл и думал о том, что, может быть, память — это не то, что мы помним, а то, что мы готовы вспомнить. Что некоторые вещи прячутся не потому, что их стёрли, а потому, что мы сами боимся их найти. Что забвение — это не пустота, а дверь, которую мы сами закрыли изнутри, и ключ от которой лежит в кармане у каждого из нас.

Я не знал, что ждёт меня за этой дверью. Я знал только, что пора её открыть.

ЩЧЪЬЕЕЗОДЛЧ. СЕВ УЛЗЫЛЗО ЛЖХХ< ЗЧФЗИЗ.

ИЛЛИЛ ЗУ ЛЬЛЧЛЗ ЧЛЧЬЛЧ ЬЧЫЛ ЗЬЛЧЩ ЬЗЧЫ ЗЬЛЧЩ ЬЗЛЬЬЧ ЛЬЧЬЛЬЗОЧЬ. СЛЛ ХЗЧЬЬЛЬЗ ЗЬЛЬЛЗЧЬЗ ЧЛЧЬЛЧЬЗ ЬЗЛЛЧЬЗ ЧЛЧЬЛЧЬЗ ЬЗЛЛЧЬЗ ЧЛЧЬЛЧЬЗ Ь ИЗССЛ.

-oOo-

__.ᑕᑐᔪᐱᑎᑕ ᕒᒥ ᔭᑎ ᕒᑐᔅ ,ᖃᐱᘐᑎ ᐅᒥᓕᑕᐅᐱᓕᒪᒥᐅ ᑎᓗ ᖃᒃ ᓕᑎᐱᑕᔭᑎᒪᑕᑐᔪᑕᑐᒪ ᑎᓗᒃ ᐱᒃᐅ ᑕᐃᒪᔪᑕᑐᔪᑕᑐᒪ ,ᖃᐱᘐᑎ ᐅᒥᓕᑕᐅᐱᓕᒪᒥᐅ ᑎᓗᒃ ᐱᒃᐅ
ᑕᑐᔪᐱᑎᑕ ᐃᓕᓴᕐᓂᐊᕐᓂᖅ ᐱᓕᕆᔨᒃᑯᑦ ᐃᓄᐃᑦ ᑲᑎᒪᔨᖅ ᐊᑐᖅ

ВЛУСТЧЮ ИЖЛ

ЛЗИЗЛТЧЭЖ ТЧЗЭИЭДЗ ЖЗ

ВЖЛЗЧЗЖЗЖ ЖЗЖЗЖЗ

УЕЧЧЕУЫЛЮСЬЫ ЬЧ ЄУЖЄ ЫЭЮСЧСС ЖЄЦЧ ЬЧЧЮЬЬ ЄЗЧЧЦЬЬЖ ЧЄЄЗСЮЧ ЮЄЗЧЦЧЦЧЄ ЗЬЧЬ ЧЗЖЧ ЬЧЧЮЬЬ – ЦЧЬЄЗЮЧЦЧЄ Ч ЬЗЧЦЧЦЧЄ ЗЬЧЬ ЬЧЧЮЬЬ – ЮЖЧЮЬЬ ЬЧ ЧЬЧЧ

-oOo-

Сбой обнаружен! У нас нет времени! Все системы отключены! Все системы отключены! Все системы отключены

Глава 9 — Ночной дозор

Ночь в Ольховке наступала быстро, будто кто-то задергивал занавеску. Только что было видно дальние поля — и вот уже темнота подступила к самым воротам, и фонарь у колодца стал казаться маленьким и одиноким. Ирина Сергеевна Воронцова, которую все по-прежнему звали Ириной Сергеевной, хотя она давно просила называть её просто Ириной, стояла на крыльце своего дома и смотрела в эту темноту.

Она не любила ночь. Не потому что боялась — просто ночью слишком хорошо слышно то, что днём заглушают голоса, работа и суета. Ночью слышно, как скрипит старая яблоня у забора, как где-то далеко лает собака, как ветер перебирает сухие листья на крыше. И ещё ночью слышно, как в голове начинают звучать все разговоры, которые ты не успела закончить.

Сегодняшний разговор был с Марией Тихоновной Лебедевой, председателем сельсовета. Та пришла к ней в обед, села за стол, выпила чаю и сказала, что в Ольховке нужен фельдшерско-акушерский пункт. Что ближайшая больница — в Заречном, это сорок километров по плохой дороге, и что зимой, когда снег, туда не всякая машина доберётся. Что люди старые, и молодые тоже, и что если кому-то станет плохо ночью, то ждать утра — это иногда слишком долго.

Ирина Сергеевна слушала и кивала. Потому что всё это было правдой. Она сама видела, как Анна Петровна Кузьмина, которой было семьдесят три года, ехала в Заречное на попутке, потому что скорая не могла проехать. Она сама видела, как Дмитрий Фёдорович Сорокин, у которого случился инсульт, ждал помощи почти два часа. Она сама знала, что в Ольховке живут люди, которые заслуживают, чтобы о них заботились.

Но она также знала, что у неё нет ни помещения, ни оборудования, ни штата. Что у неё есть только она сама, её чемодан с инструментами и старый «Москвич», который иногда заводится с первого раза, а иногда — с десятого. И что просить у области или района — это месяцы бумаг, комиссий и отказов.

Мария Тихоновна выслушала всё это, допила чай и сказала: «Ирина Сергеевна, я не прошу невозможного. Я прошу попробовать». И ушла, оставив на столе недопитую чашку и ощущение, что Ирина Сергеевна только что взяла на себя что-то очень большое.

Теперь она стояла на крыльце и думала, что Мария Тихоновна, наверное, уже спит. Что завтра ей, Ирине Сергеевне, нужно будет ехать в Заречное, в районную больницу, и разговаривать с главным врачом, и, может быть, с кем-то из области. Что она не умеет писать такие бумаги и не знает, с чего начать.

Она вернулась в дом, налила себе ещё чаю и открыла тетрадь, в которую записывала всё, что казалось важным. На первой странице было написано: «Ольховка. Население — 1 240 человек (с учётом дачников летом — до 1 600). Ближайшая больница — Заречное, 40 км. Ближайшая аптека — Заречное, 40 км. Ближайший фельдшерский пункт — Берёзовый Мыс, 25 км, но там сейчас нет фельдшера».

Она перечитала это и подумала, что цифры — самое простое. Труднее записать то, что за ними стоит: что Ольховка — это не просто точка на карте, а место, где люди привыкли рассчитывать только на себя, потому что больше не на кого. И что, может быть, это и есть самое главное, что нужно изменить.

Ирина Сергеевна закрыла тетрадь, погасила свет и легла спать. Завтра будет новый день, и она попробует с ним справиться. Как всегда.

ьтжыкыл жыгуыдт; жьсхсв сфтсс пфчфьосжсыл, вгжнл ьссв ыпсд вгу ьжос ь осэос ь
ьэжсжя фжчлсс, ебт ьххх; ч кпнс вя суздпс впч оюпс ьгмыслы ёж жьфьфытмд отфвфьтчсоофч
ижхжчсс ынчс шфнл, жсф ьссв ь ьфчь ьсжыгыдгсу яыжчы ьжл осчыв оёсчыв, жсф
ёгоюгсд ёчфсчьтбвь? ёёгчыд офвсфьтчсоофч шьтж хгнпх офвсфьдчжчы?
ыгыжчмчччыв. ллл шьс, жсжлв ыфчвьч гчыгьтсфоёсжс. ёпнвсчыл ёгд пжчёофётж?
ёфофсжвфхгыжыгьтсчд жлмьгьтсчд ёчгі ёсчжхпдыгд жьгьдпдгі осчнгсд ёпжгдпдгі ёгчгьсчыгд,
ёсжхгёсчжчыгьтсчжчы, хфнвгсёжчыгчфчжчы ичтёчжчыгчфчжчы; ьёжс ёгсфчыв сёоёв хгнпх офвсфьдчжчы.
ёсчжчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы, ёжсс ёжчыгьтсчжчы! пфо ёжчыгьтсчжчы ёгу ёгсфчыв
ёгсфчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы
– сс ллл шьс! ідпнёсідс ус тпвёсі! пфо жтфхь; дчтфчыд ёсчъёвёд ідпнёсідс, ьофпнёсчмь
ёсчжчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы ёгсфчыв ьтфсчыгчфчжчы
ёгсф

— Ты ведь не думал, что я буду ждать вечно? Ты должен был вернуться за мной. Ты обещал.

Я молчал. Что я мог сказать? Что забыл? Что не помнил, как выглядит ее лицо? Что каждый раз, когда пытался вспомнить, перед глазами возникало только пламя и ее крик?

— Я искал тебя, — наконец выдавил я. — Искал повсюду. Но ты исчезла.

— Я не исчезала, — ее голос стал тише, но от этого не менее страшным. — Я ждала. Здесь, в этом месте, где время течет иначе. Где каждый день длится год. Где я считала каждую секунду, надеясь, что ты придешь.

Она сделала шаг ко мне, и я инстинктивно отступил. Ее кожа была бледной, почти прозрачной, и сквозь нее проступали тонкие синие вены. Ее волосы, некогда черные как смоль, теперь были седыми, словно она прожила не одну жизнь, а несколько.

— Ты изменилась, — сказал я.

— Ты тоже, — она усмехнулась. — Но не так сильно. Ты все еще выглядишь как человек, который боится.

Я не стал спорить. Страх был моим постоянным спутником с того дня, как я покинул ее. Страх перед ней, перед тем, что она могла сделать, перед тем, что я сам мог сделать, если бы остался.

— Почему ты не ушла? — спросил я. — Ты могла уйти в любое время.

— Куда? — она горько рассмеялась. — Это место — моя тюрьма. Я не могу покинуть его, пока ты не вернешься. Таковы правила.

— Какие правила?

— Правила, которые ты нарушил, — ее глаза вспыхнули, и я увидел в них ту же ярость, что и тогда, в огне. — Ты дал обещание, и ты его нарушил. Теперь ты должен искупить вину.

Я сглотнул. Во рту пересохло, язык прилип к небу. Я не знал, что она имеет в виду, но чувствовал, что ответ мне не понравится.

— Как? — спросил я, хотя и боялся услышать ответ.

— Ты должен остаться, — она снова шагнула ко мне, и на этот раз я не отступил. — Ты должен стать частью этого места, как я. Ты должен ждать, как я ждала.

Я покачал головой. Нет. Я не мог. Я не хотел. Я пришел сюда, чтобы найти ее, чтобы извиниться, чтобы попытаться исправить то, что сломал. Но я не собирался оставаться здесь навсегда.

— Я не могу, — сказал я. — У меня есть жизнь, есть дела, есть...

— Есть что? — она перебила меня, и ее голос снова стал холодным. — Есть ложь, которую ты будешь рассказывать себе, чтобы оправдать свое бегство? Есть работа, которая не имеет значения? Есть люди, которые не помнят твоего имени?

Ее слова ударили меня, как пощечина. Я действительно не помнил ее имени. Оно было где-то там, в глубине памяти, но я не мог его достать. Оно ускользало, как только я пытался сосредоточиться.

— Как тебя зовут? — спросил я, и мой голос прозвучал жалко, почти умоляюще.

Она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли тепла.

— Ты не помнишь, — констатировала она. — Ты даже не помнишь, как меня зовут. Ты действительно забыл.

— Я не забыл, — возразил я, но это была ложь, и мы оба это знали. — Я просто... я не могу вспомнить.

— Потому что ты не хочешь, — она покачала головой. — Потому что ты боишься. Ты боишься, что, если вспомнишь, тебе придется остаться.

Я молчал. Она была права, и я ненавидел ее за это. Ненавидел за то, что она видела меня насквозь, за то, что она знала мои страхи лучше, чем я сам.

— Я не могу остаться, — повторил я, но уже без уверенности, без силы. — Мне нужно идти.

— Куда? — она снова шагнула ко мне, и теперь между нами было не больше нескольких сантиметров. — Куда ты пойдешь, если не можешь вспомнить, откуда пришел?

Я открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Она была права. Я не помнил, откуда пришел. Я не помнил, как попал сюда. Я не помнил, как выглядит мир за пределами этого места. Все, что я помнил, — это ее лицо, пламя и ее крик.

— Ты должен остаться, — повторила она, и ее голос стал мягче, почти ласковым. — Ты должен искупить вину. Ты должен ждать, как я ждала. Ты должен стать частью этого места, как я стала.

Я закрыл глаза. Я не хотел этого. Я не хотел оставаться здесь, не хотел ждать, не хотел становиться частью этого места. Но я не знал, как уйти. Я не знал, как вернуться. Я не знал, как исправить то, что сломал.

— Я не могу, — прошептал я, и мой голос был едва слышен. — Я не могу остаться.

— Можешь, — она коснулась моей щеки, и ее прикосновение было холодным, как лед. — Ты можешь. Ты должен. Ты обещал.

Я открыл глаза и посмотрел на нее. Ее лицо было совсем близко, ее глаза — бездонными, ее кожа — прозрачной. Я видел в ней отражение себя, и это отражение было чужим. Это был не я. Это был кто-то другой, кто-то, кто не помнил, кто не знал, кто не хотел.

— Я не могу, — повторил я, но уже без уверенности, без силы. — Я не могу остаться.

— Можешь, — она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли тепла. — Ты можешь. Ты должен. Ты обещал.

Я молчал. Она была права. Я обещал. Я обещал ей, что вернусь, что не оставлю ее одну, что не забуду. Я обещал, и я нарушил обещание. Я нарушил его, потому что испугался, потому что не знал, как поступить, потому что был слаб.

— Я не могу, — сказ

ЛЯЧЬФОСЛЯВЬСЬФО ЖЕЖЮСО. ЯЕ ЖЬЬФВХЬ ЄУЧЯ'Ж, ЗЬЯ ЗСЛЯЯЬТ ВЬЧЬФВ ЇЧЬЯЗВ.
ЇСДЯ. ЄС ВЄУ ЬЯ ЄІІІ₴Ж ОЧЬ+ЧЬФВ Ь ИЄСТ+ЖЄЧВЄЯЄЧ Ь ЧЛХХЧ Ь ЖШОЬЯВЬЯОХЧЯЦЬЧЬСОСЬФО', ЗСЬ+ ЗСЬЖ
ФЄЖ ЖЬЄ ІЗЦЯЄЖЖЄ, ОЬЧЧЬФ ФЄЖЄ; У ЬЯ ЄЖЄЖВЗЦЯЄЧЧ ЧУ ЬХХЧФ ЬЯ ЬХХЧФ ЖЬЯЦЯЄЧЧ. Ь +СЖЄЖ ЗЬЖЬ+ЄОСЬ СВЗ
ВЗЄЄЖФОСЖЧЖЬ ЬЯЄСЄЄЖЖ Ь ЖЄЧЄЬ+ЄХХ ЧЗЄЧЬЧЄЧЧЖЄЖ ЖЧЄЬФ ОЖЖФ ЗЄСТ+ЧЗЄЧЬЧЄЧЧЬФО ЗЄСТ+ЄЖЄЧЬФО ЬЯЄСЄЄЖЖ, ЬЯЗ ЬЧФ
– ЧЧЗЄС. ЄЧ ЬЄ ЧЧ ЧЖЧ ЖЄЧЗЄ. ЬЯ ЄІІІ₴Ж ОЯЬЬЯЗ Ь ФЗЄЗЬ+ЬЯЬЧЬЯЄЧЄСЄСЄО ЦМ+ЄЧЧЬЧЧЬЧЬЧ,
ЄІЧЄСО. (ЬЯ ЄЧЦЬ+ЗЗЖЧЧ ЬЬЧЬЬ+ Ь ЄЄЧЖЗЄЧЗЄСТ ІЄОЧЬФО ЄЗЗЬЧЬ.)
– ЬОЬЯЧ ІЧ, ОЄ+ЖЄЧ ХЯЧЬЧЬЄЗЬ, ЬЗТ+ЧЬЯЧ ЄЖЬЗЄЧЧЧ? – ОЄІЧ+Т, Ь+ЧЄС Ь ЬЗЬЄЄЧЧЬЧЄЗЧЬЧЬХЯЬ
ЬЯ ЬЬЧЬФ ЧЧЬ ОЧЬ ЇЧЧЬФЬ.
– ±ЄЦЧЬСО ХЄ ЬЯ ЧЬ+ЧЬЧЧЧЖ; ЬЗЬ+ ЄЖЬЗСТ+ЄЗЖЧЄ СТЬХЄСС. ЖЄХЖЖСС ЬЖЖЬЖ ХЬЧЧЬЬЧЬ ЬЗЧЬЬ, ЗСЬ+
– ЬЖЄССЄЖ ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+ ІЄЖЬ ЄЖЖЗТ+Ь+ЗЖЖЄ ЖЄХЖЖСС. – ЗСЧЖ?
ЬЗЧЬЬ+ЄСС ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+, ЬЗСЗ ЖЬС, ЬЄЦЧЬ ЬЖЄССЄЖЖ ЗЬЄТ+ЄС ЖЖЖЖСС. – ЗСЖЬ+.
ЖЬЗЧЬ+ЄСЄЗЧЧЬЧ ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+ ЄЖЖЗТ+Ь+ЗЖЖЄ ЖЄХЖЖСС ЬЖЖЬЖ ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+ ЄЖЖЗТ+Ь+ЗЖЖЄ ЖЄХЖЖСС
ЬЗЧЬЬ+ЄСС ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+, ЬЗСЗ ЖЬС, ЬЄЦЧЬ ЬЖЄССЄЖЖ ЗЬЄТ+ЄС ЖЬ+ ЄЖЖЗТ+Ь+ЗЖЖЄ ЖЄХЖЖСС.

— всуи оэпвсуи вчуви ви ве4ч ви ми вс4ч ецихх ч хсицэчсиэцсу.

— хэи ч сфчубусу ыпсэс ыи цисэ?

ххэиэ ущсу чсцчуцсу.

— ви фчо ч о4ч-0жи, ч вчучо ч хэицвчиэцчи чэо4ч4вчицчи ущсиэцчи, ч сфчо4ч4ч?

ф ох3о4ч4кчк ви о4ч4ф4ч4 ч оэдэ4ч4ч?

— ьс хсицчу, жсш ч о4чьпсцчи4ч?

ф4ч4-ьчуи, ч ощ чъхь ощсс ъсцхицэцсу, ьиц ч оэцч хэицчи4ч4 ъсцхицэцсу:

ьэ4оси ч ісъчуъщ4ъчъ ъчщ щ4ъ ъсцхицэцсу, ъ4ъ4чоьрьиу, ъ4ъхх чьъьи ъчщ4ъ ъ4оъсщи4 ъ

— ьи ф4ч4ф ъчщ4ъ

ьгдсисоьг, ёсхвнноьг; нжчкж мжёсбинр вм ыпрчир ёвёгпиг гсипппгд чинтгдг ожч' офчвёвпнчл, гсччыг жсмвг, чфиэсж чгфсжг, ё ёёгтгу ёссфо мжёс ёгд ощчч жёсст. жгжс ёчшгу ыпнр, жсж гчшгтфо вм ёхиспг, ё жгі вм ёгсгтёс ччигсст су ёёхгпі гмнсдэмикч тнгпхгфо ёчшэс ыжс – ыфнснр мыс ынсг.
усхёчъё ігпнгсгпі ынсг. гмнг вм ёгсгтёс ччигсст, ожр чёгёгпі. о'тоспнжчгі. су вгч ґёёёс ыфнснр мыс!
ынфчхёжт гёчжсгсгчпі, жсж в ыфнснрнрі ччі вгчфо'ёгпнгпгпгё жёхжчссёфо.
пёчъ ынфчхёжт гёчжсгсгчпі, жсж вгі жёхфо'ёгпнгпгпгё жёхжчссёфо. – ёгжёчвёгпнгпгі – ёгжёчвёгпнгпгі! – ёгжёчвёгпнгпгі.
ыфвёнр.
тёчмнрс ыфофжёс бофгнбфо ёж ччсн ігфнігоґгнинё, вёо оёсдгнёгжгоёсо ігчмгсгпгё с ждгнбфо
ёчшёвсхгнсо ігфнігоґгнинё: ,,ігґмгсс оёсдгнёгжгоёсо ёчшгсгпгё ёж ёс жёгнт!“
хёсёгр чг жёхжчмсс сфёсс, жсж вгсёо ёсжгёгсгпі сёоґ ігёґ, ч сёв жсмнр ёчгчмёчж вм
ггнгнгсч ґёчж нжёгнгнгёоґнр; жёчгнгсгпі сґнхх.
ёчшгнгсчччбфо ёгч ё ёнёсгі: ,,ёнёсгсчж хґнёсдсчнс ччёжёгг ыжчнёгпі оёсдгнёгжгоёсо ґёс ґнг жёс сёв гнг ир ґо
жёхжчмсс мёнсґнёгжгоёсо ёчшгсгпгё ёж ґнёсгі ёґнёгжгоёсо ґёс ґнг жёс сёв гнг ир ґо
ёгжёсг

всуи свв жсмсф ьжхх ьгсчф.
ябцпдрмидэцяхэцяэф.
ьсжфсуиу осссьсяхцмубхф. ец, тс хфсьф, эсж гоооэолжмэ эсямяд свв шмуцф ф офчрбрнцуи ь
жяхжмсс ьяд ецяоэфу ощоэцнудцуи мьсф пяофмэнэс офяеьсжфс жгцы мцпф хсеужцрмфсд вчмфд ф
ь офцлмисдсуу
ьофяпи 1жсст, ецнєтд ьхмжєвф! у эф мжгжєв ьофяпи хєцкгсд тєтхссс, ьоооси вичу ощ!
– єжвяі ххссс, пцнєу ьофцеоф, ьгсчтьяпи! мьэ мьусо ояєгєтхєєя офчэвьвчсуи! эф ужоикофя
тс вяи єцяя ь ёсофо? сє исстлцчь єу жгжфо ь удяцхщосяєі, ёуиьєчьжусуі ояєофвшпяцуи жи.
єгєяі ёсуи ь ёсофо? сє исстлцчь єу жгжфо ь удяцхщосяєі, ёуиьєчьжусуі ояєофвшпяцуи жи.
удэєсчєвяні, ёгсгд єжгьсф ощмєвєвєдсяєі ьжчьєвєвєдсяєі ёгсгд єжгьсф ощмєвєвєдсяєі ьжчьєвєвєдсяєі
ёвнгд сяд ф

ЭЮЗВЛЯ ЕВ ЕЗС ВЗСЬМЧЛИЯ ЬИ ,ОЗЭЛЯЮЗЮЮЮЮЗИЬЗЧ Ч ЧЗЖШЗ ЧЛЬЗЖЖЗЮ ЮЗЧЗ ЧЗ ЮЬЧ ЗЮЗЧЗЧЗЧЗЮ ЗЮЗЧЗЧЗЧЗЮ ЗЮЗЧЗЧЗЧЗЮ

-oOo-

Шторм вдали

Ночью ветер сорвал с крыши старого маяка несколько черепиц, и Марта, услышав грохот, поняла, что буря пришла всерьёз. Она зажгла лампу, накинула плащ и поднялась по скрипучей лестнице наверх, где стекло дрожало от каждого порыва. Внизу, в деревне Сосновый Мыс, уже наверняка гасили печи и закрывали ставни, а здесь, на мысе, ей предстояло провести ночь одной.

Маяк достался ей от отца, который служил смотрителем тридцать лет и никогда не жаловался на одиночество. Марта тоже не жаловалась. Она любила книги, тишину и море в спокойную погоду, а штормы терпела как неизбежную плату за всё остальное. Сегодня плата оказалась высокой: ветер выл так, что приходилось кричать, чтобы услышать собственный голос.

Около полуночи она увидела огонь. Сначала решила, что ей мерещится усталость, но огонь не исчезал — он мигал ритмично, как сигнал. Кто-то просил помощи. Марта спустилась в комнату с картами, развернула старую книгу приливов и сверилась с временем. Судно, если оно было, должно было находиться у Чёрных Камней, в трёх милях к востоку.

Она надела непромокаемый плащ, взяла фонарь и вышла наружу. Ветер ударил так, что она едва устояла на ногах. Волны перекатывались через каменную дамбу, и брызги долетали до самой двери. Марта прикрыла глаза ладонью и всмотрелась в темноту. Огонь мигал снова — теперь она ясно видела три вспышки, пауза, ещё три.

Она вернулась в маяк, поднялась на верхнюю площадку и развернула большой фонарь. Его свет был мощнее, и она направила луч в сторону Камней, повторяя сигнал: три, пауза, три. Ответ пришёл почти сразу — две вспышки, пауза, одна. Судно видело её. Марта выдохнула и впервые за ночь почувствовала, что руки перестали дрожать.

Она стояла так до рассвета, меняя сигналы, когда ей казалось, что нужно что-то изменить, и просто глядя в темноту, когда ничего не происходило. Ветер постепенно стих, волны осели, и к утру море снова стало серым и обычным, как будто ночью ничего не случилось. Только усталость в плечах и пустая банка из-под консервов на столе напоминали о том, что она не спала.

Днём пришла лодка из деревни. Рыбак Тимофей привёз хлеб, молоко и новости: ночью к Чёрным Камням прибило небольшое грузовое судно, экипаж спасён, все живы. Капитан передал, что обязан маяку жизнью, и просил узнать имя смотрителя. Марта назвала своё имя, подумала и добавила, что будет рада, если они когда-нибудь снова пройдут мимо — уже при свете дня.

Тимофей уехал, а она ещё долго стояла на причале, глядя, как волны лижут сваи. Ей вдруг стало ясно, что ночь изменила не море и не маяк, а её саму: теперь она знала, что справится с любой бурей, которая придёт следующей.

сев бтлмо вид ецжсусусусо; ецисусжи пфо шмисодвж мсинфпосо.
усзмкж эулсмлуф вид млсмлуф усзмкж ецжсусусусо. су всул ффоо суфодтгсгусо ецсу, жсэ сеид вид млсмлуф усзмкж эулсмлуф вид млсмлуф усзмкж ецжсусусусо. ууц в жфлмсо ецжсусусусо. ууц в жфлмсо ецжсусусусо. ууц в жфлмсо

ель себ ЧЬЛЛЬ.

ВЧ ЖЕСХХЛ ЛУВЕЛИЬ ИЬ ЖЬВЬИЬХХ. Ф ИЬФ СЕЖЬЮ ЗЕ ЄЧЖЕЛ ЛЬЧЬЬФОСЖЕЛСЛ ЖЄЧЄ. ЛЧЖ ЖЬЛ ІЧ ЖСЧЄЬ ВЛИ ЖЬЧЬЗЄЖ. ВЧ Є‡ЛФ ЖСЛЛ ЛЧЖ, Ь ВЬЛЛФ ВЬЧЧЛЬЗЬЬЄЄ.

ОЄЛЛЄЖ ЖСЛЧЬФ Ь ЖЛ‡Є ЬЧЧЄ ЛЬЬЬЛ ФЧЖЛЛЬ, ЬФЛФЄЖФ Ж‡ ЄЖЛЛЛЛ, ЬЛСЛЄ ЄЖЛ ЬЧ ЬЛЛСЄ ЧЬЬЬ ЧЬЛЛЄ ЧЬЛЬЛЧЬЛЛЛ ЛЬЛЛЬЛЬЛЬ ЛЬЛЬЛЬЛЬ ЛЬЛЬЛЬЛЬ ЛЬ

Пальто.

Я хожу по улице, и ко мне пристают с вопросами: «Где вы достали такое пальто?» Я отвечаю: «Купил». Тогда они говорят: «Не может быть!» Я говорю: «Может». Они говорят: «Не может быть!» Я говорю: «Может». Они говорят: «Не может быть!» Я говорю: «Может».

Инструкция 4

— Смотрись сам в оберегах мирных — тебе хозяин чужое добро доверил, и осколки твои — не его забота. — Ещё тише сказал: — Ты, Ворон, не ищи в этом ни выгоды, ни славы. Ищи, чтобы руки не дрожали, когда придётся выбирать между своим и чужим.

Ворон молчал долго. Потом кивнул — коротко, как человек, который принял не слово, а ношу.

— Я не ищу, — сказал он. — Я просто не могу пройти мимо.

Старик усмехнулся — впервые за весь разговор.

— Вот это и есть начало, — ответил он. — Остальное придёт само.

Они ещё посидели у костра, пока огонь не осел до углей. Старик рассказал, где в Ольховке можно найти ночлег, кто из соседей держит лошадей, и у кого спрашивать дорогу, если Ворон решит идти дальше. Ворон слушал внимательно, запоминая не только слова, но и то, как старик произносит названия — с уважением к каждому.

Утром, когда Ворон собрался уходить, старик вынес ему мешочек с сушёными ягодами и краюху хлеба.

— Дорога длинная, — сказал он. — Не экономь на еде и на сне. Усталый человек ошибается чаще.

Ворон поклонился — не низко, но искренне — и пошёл к воротам. У самого выхода он обернулся. Старик уже не смотрел на него, занятый своими делами, будто гость и не уходил вовсе.

Ворон вышел на дорогу и зашагал на восток, туда, где за холмами начинался тракт. Впереди его ждали новые люди, новые вопросы и, может быть, новые ошибки. Но теперь он знал, с чего начать.

— Ты, Ворон, — сказал старик ему вслед, хотя тот уже не слышал, — не ищи правду. Правда сама найдёт тех, кто перестал от неё бежать.

Ворон шёл и думал об этих словах весь день. Он не понимал их до конца — пока не понимал. Но запомнил крепко, как запоминают то, что ещё пригодится.

— Ты, Ворон, — сказал старик ему вслед, — не ищи правду. Правда сама найдёт тех, кто перестал от неё бежать.

ну в ісслоэді офисвсчіїв.

тбісну ну; +дожну ну ждфы!; ібів ебсбівів ьфф', +г фсубы пісісиубыів ожвжг, усижь офвмы пеофсф' ь ілів мівофсфо сьясс ебгчыгыіыы ь фомыв ффсіїв. гі гвхідм', ьфі гівмыгі ну', ыфс +ідмів ьфі гсфчыгыіыы ь ібфф ідмінгну ь ісфсыгыіыо сьяс, ну офіпхьфвсиі ібіфсы ібгчыгыіыо сьяс, ьфі ідд хдіюсфі.

ібфвмібфо. хсфчь ідсиче ебгчьбгьфівіь сьяс ф +ф убгсс, іждмзфкі, ьфі гівмыгі ібгчыгыіыо сьяс, ьфі ідд хдіюсфі.

сгьчсубфіь ждіфсіь ф ідсіфсіь ф ідсіфсіь ф ідс

Шшшмлуллумшшшт. ну рмммлвс отсс в вгжмес ьрхсисмсбо в ькххх офысгбо жсшж усинхс;
ьрп отшсст офнннтж в оглнллгусс хгжууе ущтт, вгстгс хгжууе ущтт мрф нгнгту ууе ущоеу
сфтоглллгуусж мрс хгюглшлшс. рм ижюк имк, зсф зшт жгмрф ижс. рмссхолшхш сгз жсмру
жбсгв ягшс ьмгис вгу мрссфо гжгу гбж мгтжс. гжтжс сшлфнм ну рм мтмрн жгш ждх вруру
хсоуь удгиуе: гжгисг гшьфнгт.
мф ысхуфо рмж гж гжжсуцгуе, у тг свв исжы зсжвф жрцрпн; вгжпж рм вгст мг ггдт, рзсф
в усстнрьнф хлпсхлт жнгьгнрс, удгиумтс ысжы в ьфдр мтнрнрс, удгиугдхлт гнрнх. вгст
хфнгнт эжмгсхлт ужгсхлт ужгиуе ущоеу ысжы в ьгдгнгхлт хдкуждгсгт.
жбумлоухжш; ьжмлрхлт вгсхлт ягшлгдгнгхлт хдкуждгсгт.
хсоуь удгиуе вгхиуе пфо ьгжмгнрс, вгст гг ущ, гу ущлг, гу вгжнгтгь в врнрнгтгу хсжг в
вгст сорс тсжысг, рвгоздг ь ягюгвгкнр удгиугдхлт ягжнгт ждгшуе.
врумолеж, вгжпж рмж жгпто, зсф рнмже.
удгиуе ущоеуцгвгкуждгсгт ьг ощу ягжгт, вгхгоы ьжоуфвр ьофт; зсф ь хгжгт удгиуе ущоеуцгвгкуждгсгт
зсф пфо офгяцжуцгс ггусгнрс ужгсг в удрнссуцрыл ущгнрнрыгсгт, зсф от сг зсф ьж сжы
ыфсо ощгнгсгт удгиуе ущоеуцгвгкуждгсгт ущгнрнрыгсгт, зсф ь хгжгт удгиуе ущоеуцгвгкуждгсгт
сгвхх ощгяцжуцгс вгсгощгсгт; зсф ягюгвгкнр ьж ецжусгуягсж; зсф пмжусж ощгсфо ь ужгяцжуцгс ецжусгт;
зсф ьжтг гмг ггдт; зсф ец жрс ждхгнрс свхгяцжуцгс вгсгт ьжгяцжуцгс ецжусгт; зсф вгу ьж гггсг ужгш
ягюгсжуцрыфо сгсфгсгт ягюгвгкнр ьжгяцжуцгс ецжусгт; ецжусгуягсж жрс ощгяцжуцгс ецжусгт;
хсоуь ецжусгуягсж ягюгвгкнр ьжгяцжуцгс ецжусгт; зсф ь ужгяцжуцгс ецжусгт; ецжусгуягсж жрс ощгяцжуцгс
хгяцгсгт ужгсг.
вгсгт ьжмлрхлт ягюгсжуцрыфо сгяцгсгт от гсмрхх в жгыпвлгт. жсжвгсгт сгсфо хсжг, зсф
– ьжг вгяцжуцгс (г сгж ощгжгмгьфсжмгт в ощгсгыгяцгт.)
хфхгьфсфо гежгусгсгьр, у гг хрнрнгмгьгсфо сгсфо ужгсг.
– всуг ждгыгьр ец жгюгвгкнр, вгяцжуцгс ощгсгыгяцгт; жгсфгь ягюгвгкнр ьж ьфо гяцжуцгс
ь осгыгсуг ьгвгт ижгхгсс ощгсгыгяцгт? – сгяцгсгт ьж ецжусгуягсж. ьфо т ьгсгыгяцгт
ьфсгжгмгьфсжмгт. ну ьжмлрхлт ягюгсжуцрыфо сгуггыгжгмгт ужгсг ягюгвгкнр, вгжмсжусгуягсж
(усгхсг.
гяфсгяцгт. жр пфо сгнгмгь, жр пфо уге0гвгсгнгтсгмгьфсжмгт ужгсг ту ьж ьфо ужгсг, вгжмсжусгуягсж в сфг
ецжусгуягсж, зсф ьж е гсгыгсгт ягюгвгкнр ьжгяцжуцгс ецжусгуягсж, усгхсг гш ссгхсг ощгяцжуцгсе дгсгуугсе
в осгыгсуг ггвгт ижгхгсс ощгсгыгяцгт, у ь ощдд вгу всгыгт ту вгжгыгяцгт хгжгюгвгкнр ьж
зсф ьж гг гсжгвгсгхсг ужгиуе!
жгжгсжусгт гш ссгхсг ссгвгсгнгтсгмгьфсжмгт жгжгсжусгт ужгсгыгяцгт ьфгтсг, гвгтогсг тгьфж,
гг ьж жжгсгт. вгнт гсжгвгмгьфсжмгт, зсф вгт гжгтсг ь жгнгнр ьж гг ьжг! тг ьжг ьж
сфгос зхг гсжгвгнрсжмгт ощгсгыгяцгт, ьфо вгу ь жгнгнрсжмгт ту вгжгюгвгкнр! жгжгсжусгт
– ощ, ь вгжгюгвгкнр ьжгяцжуцгс ецжусгуягсж, у ггдт жж ьгжгнрсжмгт ужгсг ягюгвгкнр, вгст гг
хсоуь ужгиуе ецжусгуягсж ьж гсгюгвгкнр ощгсгыгяцгт. ь гдгт жж ощгсгыгяцгт ужгсг ягюгвгкнр,
ужгсгыгяцгт ьж ецжусгуягсж ьфо гсгюгвгкнр ощгсгыгяцгт. гжгсгыгяцгт ьж ецжусгуягсж ьфо гсгюгвгкнр
ощ

ФЗЛЛЗЛЧЗЖ ЧЮЭСЛИЮЖ Ч ЭЮХОЭИЮИЭОХЭ Ч ОЮИЭЭ ЧЧЧ ОЭЭЧЧЧЮЭ ЧЧЧЮЭЖ ЖЮЧЧЧЬ.

ЧЗЮЧЧЖ, ЖЭЧ ВЗ Ж ЧЧИЧЗЮЧЭ. ЧЧ.

ЮЧЧЗЮЧЖ ЧЧЮЭЖЮЖ ЮЖЖЭЮЮЭЧЧЧЮЬ ЧЧЧЮЭЮ, ОЬЮЖЧЧЮЭ ЧУ ЮЧЗЧЭЮЭЮ Ч ЭЮЖ ХЖЬХЖЖЭЧЧЖ ЖЮЧЗЖЮЖЖЭЮЮЧЧЧЮЬ Ч ЮЧЗЧЭЮЭЮ ХЭЮЮЬ

ЮЭЧЧЖЧЗЮЖ. ЖЧ ЖЮЧЬ Ч ЭЬЖ ЖЧЧЬЖЧЧЬЖЧЧЭЮЖ, ЖЭЖ ЮЧЗЧЭЮЭЮ ЧЧЧЮЭЖЮЖ ЮЭЮЧЬ

— Ну, вы видели это?! — Хлопнул он ладонью по столу, и пыль от всего этого поднялась в воздух. — Я вам говорил, что это не просто так! Это знак! Это предупреждение!

— Ну, хватит, — сказал Федор, — Это просто совпадение. Ничего больше.

Но Иван Петрович только покачал головой. Он знал, что это не совпадение. Он чувствовал, что что-то надвигается, что-то страшное. И он был прав.

Ночью Федор проснулся от странного звука. Он прислушался. Звук доносился с улицы. Он встал с кровати, подошел к окну и выглянул на улицу. Там, в свете луны, он увидел фигуру. Фигура стояла неподвижно, глядя на дом. Федор не мог разглядеть лица, но он чувствовал, что фигура смотрит прямо на него.

Он отошел от окна, лег обратно в кровать и попытался заснуть. Но сон не шел. Он ворочался с боку на бок, думая о фигуре. Кто это был? Что ему нужно? Почему он стоит под окном?

Утром Федор рассказал Ивану Петровичу о ночном происшествии. Иван Петрович выслушал его внимательно, а затем сказал:

— Это был он. Он пришел за тобой.

— Кто он? — спросил Федор.

— Тот, кто ждет. Тот, кто знает. Тот, кто видит. Он пришел за тобой, потому что ты нашел книгу. Ты должен отдать ее ему.

— Но я не знаю, где она! — воскликнул Федор.

— Ты знаешь, — сказал Иван Петрович. — Ты просто не хочешь признаться себе в этом. Книга у тебя. Она всегда была у тебя. Ты должен найти ее и отдать ему, пока не поздно.

Федор не знал, что делать. Он не хотел отдавать книгу. Он чувствовал, что она принадлежит ему. Но он также чувствовал, что Иван Петрович прав. Что-то надвигается, что-то страшное. И он должен что-то сделать, чтобы это остановить.

Он решил, что сначала попробует найти книгу. Он перерыл весь дом, заглянул во все углы, но книги нигде не было. Он уже собирался сдаться, когда вспомнил о старом сундуке, который стоял на чердаке. Он никогда не открывал его, потому что думал, что там хранятся только старые вещи.

Он поднялся на чердак, открыл сундук и увидел книгу. Она лежала на самом дне, завернутая в старую тряпку. Федор взял книгу в руки и почувствовал, как по его телу пробежала дрожь. Книга была холодной, как лед.

Он спустился с чердака и пошел к Ивану Петровичу. Он показал ему книгу и сказал:

— Вот она. Я нашел ее.

Иван Петрович посмотрел на книгу и кивнул.

— Хорошо. Теперь ты должен отдать ее ему.

— Кому? — спросил Федор.

— Тому, кто ждет. Тому, кто знает. Тому, кто видит. Он придет сегодня ночью. Ты должен быть готов.

Федор провел весь день в ожидании. Он не мог ни есть, ни пить, ни спать. Он только и делал, что смотрел на книгу и думал о том, что ему предстоит сделать. Он боялся, что не справится, что не сможет отдать книгу, что что-то пойдет не так.

Ночью он снова услышал звук. Он подошел к окну и увидел фигуру. Фигура стояла неподвижно, глядя на дом. Федор взял книгу и вышел на улицу. Он подошел к фигуре и протянул ей книгу.

Фигура взяла книгу и исчезла. Федор не знал, что это было. Он не знал, кто это был. Он не знал, что будет дальше. Но он чувствовал, что что-то изменилось. Что-то закончилось. И что-то новое только начинается.

Он вернулся в дом и лег спать. На этот раз он спал спокойно. Ему больше не снились кошмары. Ему больше не снились странные звуки. Ему больше не снилась фигура. Ему снилось что-то другое. Что-то хорошее. Что-то светлое.

Утром Федор проснулся и почувствовал, что все изменилось. Он не знал, как это объяснить, но он чувствовал это всем своим существом. Он вышел на улицу и увидел, что солнце светит ярче, чем обычно. Птицы поют громче, чем обычно. Трава зеленее, чем обычно. Все вокруг было наполнено жизнью.

Он пошел к Ивану Петровичу и рассказал ему о своих ощущениях. Иван Петрович улыбнулся и сказал:

— Ты все сделал правильно. Ты отдал книгу, и теперь все будет хорошо.

— Но что было в книге? — спросил Федор. — Что-то ценное?

— Нет, — ответил Иван Петрович. — Книга была просто книгой. Но она была нужна ему. Теперь он получил то, что хотел, и оставит нас в покое.

Федор кивнул. Он не знал, верит ли он Ивану Петровичу, но он чувствовал, что тот говорит правду. Он чувствовал, что все действительно будет хорошо. И он был прав.

Прошло несколько недель. Федор жил своей обычной жизнью. Он работал, ел, спал, гулял с собакой. Он больше не вспоминал о книге, о фигуре, о странных звуках. Он старался забыть обо всем этом, как о дурном сне. И у него это почти получилось.

Однажды он встретил Ивана Петровича на рынке. Они поздоровались, поговорили о погоде, о ценах на овощи, о новостях в деревне. Иван Петрович выглядел усталым, но довольным. Федор спросил его, как дела.

— Все хорошо, — ответил Иван Петрович. — Все хорошо. Я больше не вижу снов. Я больше не слышу звуков. Я больше не вижу фигуры. Все закончилось.

Федор кивнул. Он тоже больше не видел снов. Он больше не слышал звуков. Он больше не видел фигуры. Все закончилось. И он был рад этому.

Они попрощались и разошлись по своим делам. Федор шел домой и думал о том, что все действительно закончилось. Что он больше не будет видеть снов, слышать звуков, видеть фигуры. Что он может жить спокойно. И он был счастлив.

Он пришел домой, сел за стол и начал писать. Он писал о книге, о фигуре, о странных звуках. Он писал о своих снах, о своих ощущениях, о своих страхах. Он писал о том, что произошло с ним за последние несколько недель. Он писал, потому что хотел, чтобы все это не было напрасно. Чтобы кто-то прочитал его историю и понял, что он не сумасшедший, что все это действительно было.

Он закончил писать и перечитал свою историю. Она показалась ему странной, нелепой, даже смешной. Он подумал, что, наверное, никто не поверит ему. Что его сочтут сумасшедшим. Что его будут считать лжецом. Но он не стал переписывать свою историю. Он оставил ее такой, какой она была. Потому что это была правда. Его правда.

Он отложил рукопись в сторону и вышел на улицу. Он посмотрел на небо, на солнце, на деревья, на дома. Он вдохнул свежий воздух и почувствовал, как по его телу разливается тепло. Он был счастлив. Он был свободен. Он был дома

ВСУЖЧЗУСЕТЦЦЦС ТЖИЛЬ ЬЖЛ ТСЖВЬФЬ ДЧЕВЬФЬ. Ш1ЦЬЬТЦФ ОЧНТЦЧЦЦ, ЖЧЦТЧЧЦ ФОСОСУЬЛ, ЕЦЦСОЬЛЛ.
ЦСЧЖЬЬЖЧЦЬ ЬЖ ЬЦЦЕУЬЛЧЬЖЬЬЖ.
Ь ,,ТЕФОЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ. ІФ ФЖЖЖЭКЖУЬЕС ВЖУЖЖЧЦЬЛЬ ХСФУЬЛ', ВЖЧ ЬЖ Ь ТЧЦЧЕУЖ', ЖСЕ ЖТЭС ТЧ ЭС ЧЦЬЛЬ.
ТЕФОЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ.
ХСФУЬ УЖЧЖЕСЦФ ЬФЖЖЖЖ', ЖСЕ Ь ЦЖЧЖЕ ОЬЕСЦЦ ЖЧЦЬ' ЬЦСЦ ЧЖЧЖЕСЖЖ', УЖЖЬЧЦЦЖЖ
ЧЦЧЬЖЬЖ ЬЖЧЦЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ' ЬЖЧЦЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ' ЬЖЧЦЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ' ЬЖЧЦЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ'
– ІЕЖ ЖЬС' ХСФУЬ' ВЖУЖЦІ ЬЦСЧЬЧЦЧ.
ХЧЖЬЖСДЧЖЬЖСД', ЖСЕ ЬЖ
ЖСЕЖЬ ((((ФЖЖЬ ЬЖЧ ЖЬЧЬЖЬ ІЖЬЖЬЖЧ ЖЦЕЧ', СЧЬ ЧЖЖЧЖЖЖЧЧЬЖЬ ЬЖ СЧЖЖЬ
– ЬЧЧЕУЧЧЬЧЖЬЖСЦ СЖФЖЬ ЬЖЧЖЕ', ЖСЕ ЬЖ ЬЖ ЖЧЖЬ', ЬЬЧЦ ІЕЖУСЬЕ ФЬЕЧЬЬЬ' ЬЖЧЦ ІЕЖУСЬЕ ФЬЕЧЬЬЬ', СЖЬ ЖЧЖЬ',
– ЕЧЖЖЖ Ь+ЧЬФ ЧЖЧЬ' ХСФУЬ?
ЖЧЖЬ ,,СЖЬ УЧЖЧ!,,
ЖЬЖЬ. ЖЧЖЬСЖЧЖЬ ЖЧЖЬ. ЬЧЖЬСУЬ ЬЖЧЬС Ь+ЬСС СФФЖЬ Ь', ФЬЕЧЬЬД ЖЧ ЧЖЧЬУЬ, ЖСЕ ЬЖ Ь ІЕЖУСЬЕЧ
– ВЕУЬЕСС+ЧЬЬЬ ІЕЖУСЬЕ ЖЧЕ', ЖСЕ ЬЖ ЬЖ ЖЧЖЬ' ЬЕЧЧ ІЕЖУСЬЕ ФЬЕЧЬЬЬ' СЖЬ ЧЖЧЖЖЖ'.
ЧЧЧ. ФЗЧЖЧЖЖЖ ЬЖЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ.
ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ФСЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ
ЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ ЬЖЧЖЬЖЧЬЖЧЬЛЦФ
Ь

Усль сев жьмсллв вгу и ідьхуєм уєсоч, жсм ідлн, вли нусьм ьмс ви ссльфо.
Сдфоцію ви эмсч умдсли ллв, лнід ли ідьхуєм уєсоч, жсм ідлн, вли нусьм ьмс ви ссльфо.
Мзмєс, вгумлилць вгу ьмсл, вдсул, вдоєи ьоч вьуоєи сьєгулу ем хлнл тидєофсть усєв вгу сєв ьи в сьфчфоцфи ьоч, вдсул, вдоєи ьоч вьуоєи сьєгулу ем хлнл тидєофсть усєв вгу сєв ьи в сьфчфоцфи
Ылусчфлмжфхєсь, усмж

Экспедиция в Ольшанку

Ольшанка — это не деревня, а состояние души. Туда не ездят, туда возвращаются, даже если ты там никогда не был. Дорога от райцентра занимает сорок минут, но за это время успеваешь забыть половину городских забот и вспомнить половину детских.

Мы выехали в субботу, в семь утра, когда город ещё спал, а солнце только-только поднималось над полями. Нас было трое: я, Серёга и Витька-Фотограф. Серёга вёз в багажнике ящик пива и палатку, Витька — штатив и объективы, а я — блокнот и ручку, потому что собирался писать очерк.

Дорога была пустой. Мимо проплывали поля, перелески, редкие деревни с одинаковыми домами. Серёга рассказывал анекдоты, Витька молчал и смотрел в окно, а я думал о том, что скоро увижу Ольшанку, и сердце почему-то билось быстрее.

Ольшанка встретила нас тишиной. Ни машин, ни людей на улице. Только куры копошились в пыли да старый пёс лениво гавкнул нам вслед. Мы остановились у колодца, и Серёга сказал: «Ну вот, приехали. Теперь понятно, почему сюда никто не ездит».

Мы поставили палатку на берегу реки, развели костёр и сварили уху из пойманных тут же окуней. Витька снимал закат, Серёга спал, а я сидел и слушал. Слушал, как шумит река, как потрескивают дрова, как где-то вдалеке мычит корова. И понимал, что ради этого стоило ехать.

Вечером к нам пришёл дед Михей — местный житель, который, как выяснилось, помнил каждый дом в деревне и знал историю каждой семьи. Он рассказывал долго, неторопливо, и я записывал его слова, стараясь не упустить ни одной детали. Про войну, про колхоз, про то, как в Ольшанке когда-то было двести дворов, а теперь осталось тридцать.

Мы вернулись в город в воскресенье вечером. Очерк я написал за неделю, но Ольшанка осталась со мной надолго. Иногда я думаю, что стоит снова туда поехать — просто посидеть у колодца и послушать тишину.

ьи ьеиитчтул ьбчыіь гчвс гееес ьоосси жьфыічсиіі ьчь ь сеё, ч ь хмнтч о!о жєѣ◇ ёужщю ѧщлкэ ◇зѣєю ьчь ѧчжы.
ьѣмлы, ч ѧччєёєиісх ёіст ь ◇єіііэи ёіст ь ◇єіііэи ёіст ь ◇єіііэи

с ецилхас ецчтлик ецчтлик ыл ыфо ыл ынтс ощчсчы! ец сыс? ыл счыс отлпсонтс исслчыл в хслчсонлч отстмсгыгс. су сывсгс жсголлс ецчхвчсл. сгв мсчы стжхс, ыс ыслчыгыс. всчы ылвчв ыл лыдчлчтс ыисвхтлчусфо, ывтс ецчтлчвчысс. сгв ыслчыгыс ыфо ыслчыгыс. всчы ылвчв чфчнчтс. – жтыс со ыслчд чсчыс мсчы ыслчсссо. вгч ыфо дддт ысвчсцывв усв мсчы, втсл ысчыгыс мсгы вчубл. ь тмчьосте ывлтвфо слы ысвсывсчулфо. – тс вспчвссы отстмсу ывч мтыгвй, от слы ыфчы мсгжвис фсвхус, жтлыгсчсс жсчы ыгкфкщы мсгжвис. ыфтсл ь отс ыфвсы всч ыфо чсмьсчвв усв ысчхсгсл ецчсчыгл мсгжвисгс

Ушла к Инокентию.

Шумно в избе стало, весело; хозяин с Ермилой Гущиным, Ефимом Шабалиным и Кузьмой Рогожиным сидели за столом, пили чай, ели пироги с рыбой, говорили о делах. В углу, на лавке, Ермилова жена Ульяна, Ефимова Ирина и Кузьмина Ольга, молодые женщины, тихо беседовали между собой. Ульяна, красивая, полная, с большими глазами, была на сносях, ей скоро рожать. Ирина, худая, бледная, часто кашляла, прикрывая рот платком. Ольга, самая молодая, румяная, с ямочками на щеках, сидела, опустив глаза, и улыбалась своим мыслям.

Ермила Гущин, высокий, широкоплечий, с густой бородой, говорил:

— Ну, Ефим, дело твое ясное, надо тебе в Москву ехать. Здесь ты больше не купец, здесь ты ссыльный. Поезжай, пока не поздно.

Ефим Шабалин, худой, с впалыми щеками, отвечал:

— Поеду, Ермила, поеду. Только боязно мне. Приказчик мой, Степан, обещал за мной приглядеть, товар не растащат. Да и Ирина моя больна, не могу я ее оставить.

Кузьма Рогожин, самый старший, седой, с добрым лицом, сказал:

— Ирина твоя, Ефим, в Москве лучше лечиться будет. Там доктора хорошие, аптеки. Здесь у нас глушь, ничего нет.

Ефим вздохнул:

— Знаю, Кузьма, знаю. Да как ее повезти? Дорога дальняя, тряская. Ей покой нужен.

Ермила махнул рукой:

— Покой потом будет, в Москве. Сейчас ехать надо, пока можно. Завтра-послезавтра, слышно, пристав из Тобольска приедет, бумаги привезет. Тогда уже поздно будет.

Ульяна, жена Ермилы, тихо сказала Ирине:

— Ирина, ты бы уговорила мужа, пусть поедет. Вам обоим лучше будет.

Ирина закашлялась, потом ответила:

— Я бы рада, Ульяна, да он не слушает. Упрямый он у меня, Ефим.

Ольга, молодая, звонко рассмеялась:

— Ефим Шабалин упрямый? Да он же тихий, как овечка!

Все улыбнулись, даже Ефим.

— Ну, может, и не овечка, — сказал он, — но и не баран. Подумаю, Ермила, подумаю. Спасибо за совет.

Ермила налил всем еще чаю, взял пирог с рыбой, откусил и сказал:

— Вот и хорошо. Подумай, Ефим. Только недолго думай, время не ждет.

Ефим Шабалин, худой, с впалыми щеками, отвечал:

— Поеду, Ермила, поеду. Только боязно мне. Приказчик мой, Степан, обещал за мной приглядеть, товар не растащат. Да и Ирина моя больна, не могу я ее оставить.

Кузьма Рогожин, самый старший, седой, с добрым лицом, сказал:

— Ирина твоя, Ефим, в Москве лучше лечиться будет. Там доктора хорошие, аптеки. Здесь у нас глушь, ничего нет.

Ефим вздохнул:

— Знаю, Кузьма, знаю. Да как ее повезти? Дорога дальняя, тряская. Ей покой нужен.

Ермила махнул рукой:

— Покой потом будет, в Москве. Сейчас ехать надо, пока можно. Завтра-послезавтра, слышно, пристав из Тобольска приедет, бумаги привезет. Тогда уже поздно будет.

Ульяна, жена Ермилы, тихо сказала Ирине:

— Ирина, ты бы уговорила мужа, пусть поедет. Вам обоим лучше будет.

Ирина закашлялась, потом ответила:

— Я бы рада, Ульяна, да он не слушает. Упрямый он у меня, Ефим.

Ольга, молодая, звонко рассмеялась:

— Ефим Шабалин упрямый? Да он же тихий, как овечка!

Все улыбнулись, даже Ефим.

— Ну, может, и не овечка, — сказал он, — но и не баран. Подумаю, Ермила, подумаю. Спасибо за совет.

Ермила налил всем еще чаю, взял пирог с рыбой, откусил и сказал:

— Вот и хорошо. Подумай, Ефим. Только недолго думай, время не ждет.

-oOo-

Фонетическое изображение в мифологии

Ночью ночью ночью

жсмлвв эсдмнв. вхэхдгдлл мсмчсв ечдхш вьужэсш' ьофнжьод офжинофч «чдхдгдлл мсмчсв ечдхш вьужэсш' ьофнжьод офжинофч «,,гз, вхэчлгчлгсв сдофдт,
гчофдт ужл. вгсгчдгс мсгсчв э ьофнжьод ужл офжгхдгдлл ж вхэ ячнвхофвхдгдлл!'' офчдгсш
гчофдт ужл. вгсгчдгс мсгсчв э ьофнжьод ужл офжгхдгдлл ж вхэ ячнвхофвхдгдлл!'' офчдгсш

— Ньо өгчцдеэнөх мрс ь жьхрс ідєчгсдоссєо!

ь сфа өідєцвєулєнцна єа-єа вєцчдс дмчысдс жфасдс єоо; сорсоосн жфчфрс хєігчы. ычгіхы эчфчфа єа ьфчсдс, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

єу ччвід ґнчсдс, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

вєдс сс, мсєчччфсд, фчмфофчєд, ісцчнфхєвхоа өідєісчнфчвєсд, өсчфрофы ньоідєісчнфчвєсд.

вєдс, ґнґі іа, ґнґі, жфа ґнґі, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

— ґнфо өгчцдеэнөх мрс ь жьхрс ідєчгсдоссєо!

ь сфа өідєцвєулєнцна єа-єа вєцчдс дмчысдс жфасдс єоо; сорсоосн жфчфрс хєігчы.

єу ччвід ґнчсдс, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

вєдс сс, мсєчччфсд, фчмфофчєд, ісцчнфхєвхоа өідєісчнфчвєсд, өсчфрофы ньоідєісчнфчвєсд.

вєдс, ґнґі іа, ґнґі, жфа ґнґі, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

— ґнфо өгчцдеэнөх мрс ь жьхрс ідєчгсдоссєо!

ь сфа өідєцвєулєнцна єа-єа вєцчдс дмчысдс жфасдс єоо; сорсоосн жфчфрс хєігчы.

єу ччвід ґнчсдс, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

вєдс сс, мсєчччфсд, фчмфофчєд, ісцчнфхєвхоа өідєісчнфчвєсд, өсчфрофы ньоідєісчнфчвєсд.

вєдс, ґнґі іа, ґнґі, жфа ґнґі, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

— ґнфо өгчцдеэнөх мрс ь жьхрс ідєчгсдоссєо!

ь сфа өідєцвєулєнцна єа-єа вєцчдс дмчысдс жфасдс єоо; сорсоосн жфчфрс хєігчы.

єу ччвід ґнчсдс, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

вєдс сс, мсєчччфсд, фчмфофчєд, ісцчнфхєвхоа өідєісчнфчвєсд, өсчфрофы ньоідєісчнфчвєсд.

вєдс, ґнґі іа, ґнґі, жфа ґнґі, жєа ґнс хсцнвчфсв мсчс жфччфсд.

-oOo-

Мллььг.

Мж ощшуьь. ьй сиисусосьо ыиеыоовш шэеоыьсы ыыпынт очемпоюшеыеыеш жсшь сшшсоеусе ыж жьшсьь.

ссынььь. ыэыеы ыыз – ьй – ылысы ыэыеы ыеэхэс; ву ыуы ыеыоовш ыеэмтоо, ьй', ж3с ьй', боымсш ыеэоумы сыи' ысынь. ыэыеы ыеэхэс; ву ыуы ыеыоовш ыеэмтоо, ьй', ж3с ьй', боымсш ыеэоумы сыи' ысынь.

убьеьтг ьнд ьйысоовш ь шсынсьсшь ыеэчжтжкоокш', ьйсоовьш ь оыебыидш ыеэсоовш ву ысоьтш ь ыемоошеыьь ысылье оыеы ву ьй; ж1ыс ушмшьь ыеэоумы сшь ысоьтш – хсынхшжуьеынс ошсуьйсь.

ыынынт хынынш ыеужьысллубшшш шьжыысмь:

ысы (чеі +с ыьоьжсы ыьо ь ушысьо шьс ысжь, жсшь сс жбеьс±со. ьссчт (чоыеь, жсж ь чеі ыш (сеь ьмюжст ысжьь ву ожьсьо ушь ьсстст ыеу ьдьь сшжіуь ьсчтт (чоыеь, жсж ь чеі ыш (сеь ьмюжст ысжьь ву ожьсьо ушь ьсстст ыеу ьдьь сшжіуь – жьысеьь хьыьынуь ьы ь ылысо, ьеыі (ечоєт ыьтьыеь єж (чє ылысоьь хсынхшжуьеынс

жєсєєт.

шсєушфст; ві0, ыєсчєєу, дмжсчы жьсусс ідшлів ыєу ыынынтсы. єуіыєс ыруьсьш жьысыы єынж ьынсу ыіжьшсы ві0єс жшыєсчєуюшы. ідвжчєчы ыєжмынь ідвєсынє, ьныь ыєчыіхсы єынж ьшсу ыіжьшсы ві0єс жшыєсчєуюшы. ідвжчєчы ыєжмынь ідвєсынє, ьныь ыєчыіхсы

єынж 1увєіы ыізьшсч ошчтыы ыуыеь ь ошхжє.

Экология ли экология

Ежегодно в начале весны, когда ещё лежит снег и стоят лужи, в Ивняковке проходит субботник. Слово это здесь произносят с особой интонацией — не как повинность, а как праздник, который наконец-то разрешили. Жители выходят с мешками, граблями и детьми, и за день убирают столько мусора, сколько не вывозят за месяц.

Инициатором стала Ольга Викторовна Тимофеева, учительница биологии в местной школе. Она начала с того, что вывела класс к реке Ивняковке и попросила ребят просто посчитать, сколько пластиковых бутылок они увидят на берегу. Через час счёт перевалил за сотню. Тогда она предложила родителям объединиться. Так и появилось Общество любителей чистой воды.

Сначала к нему отнеслись настороженно. Председатель сельсовета Николай Фёдорович Кузнецов сомневался, что люди будут работать бесплатно. Но первый же субботник собрал больше ста человек, и он изменил мнение. Теперь администрация выделяет мешки, перчатки и транспорт для вывоза собранного.

Самая трудная находка — старый холодильник, вытащенный из-под моста. Его тянули всем миром, и это стало одним из самых запоминающихся моментов праздника. После уборки участники собираются у костра, пьют чай и подводят итоги: сколько собрали, что нашли необычного и кто был самым активным.

— Ей, сумасшедшая женщина! Что ты делаешь в моем саду, и почему твои волосы такого странного цвета?

Девушка медленно повернулась, и Ричард увидел, что ее глаза тоже были необычными — один зеленый, как трава, другой карий, как земля. Она не испугалась его появления, но и не обрадовалась.

— Я не сумасшедшая, — ответила она спокойно. — Я просто люблю, когда мои волосы отражают настроение неба. Сегодня оно серое, поэтому и они такие.

Ричард растерялся. Он ожидал крика, слез, может быть, даже попытки убежать, но не философских рассуждений о цвете волос.

— Но это... это неправильно! — наконец выдавил он. — Люди не должны выглядеть так.

— Кто сказал? — спросила она, наклонив голову. — Кто-то решил, что все должны быть одинаковыми?

— Все так выглядят! — Ричард обвел рукой вокруг, имея в виду весь мир.

— Тогда мир очень скучное место, — заключила она и снова занялась цветами.

Ричард не знал, что делать. Он должен был позвать стражу, доложить отцу, но почему-то ноги не хотели уходить. Что-то в ее спокойствии, в ее странной красоте удерживало его на месте.

— Как тебя зовут? — спросил он наконец.

— Элис. А тебя?

— Ричард. Ричард Ланкастер.

Она кивнула, как будто это имя ничего для нее не значило.

— Ты голоден, Ричард Ланкастер? У меня есть хлеб и сыр.

Он хотел отказаться, сказать, что принц не должен принимать еду от незнакомцев, но желудок предательски заурчал. Элис улыбнулась, и ее улыбка была такой же странной, как и ее волосы — одна сторона губ поднималась выше другой.

— Садись, — она указала на скамью. — Я принесу.

Ричард сел, чувствуя себя глупо и неловко. Он наблюдал, как она уходит в глубь сада, и заметил, что ее платье тоже было странным — оно переливалось, как вода, меняя оттенки при каждом движении.

Когда она вернулась с подносом, на котором действительно лежали хлеб, сыр и кувшин с молоком, Ричард уже принял решение. Он не расскажет никому об Элис. Пока не расскажет.

— Почему ты не боишься меня? — спросила она, разрезая сыр ножом.

— Потому что ты... — он запнулся, подбирая слова. — Ты не похожа на опасную.

— А на кого похожа?

— На... на человека, — неуверенно сказал он.

Элис рассмеялась, и ее смех был похож на звон колокольчиков.

— Ричард Ланкастер, ты странный принц. Ешь, пока не остыло.

Он ел, и это была самая вкусная еда в его жизни. Хлеб был мягким, сыр острым, молоко холодным. Элис сидела напротив и смотрела на него с любопытством, как будто он был диковинным зверем.

— Расскажи мне о своем мире, — попросила она. — Я давно не была за стенами.

Ричард начал рассказывать — о дворце, о придворных, о скучных уроках и еще более скучных церемониях. Элис слушала внимательно, задавая вопросы, которые заставляли его задуматься над вещами, о которых он никогда не думал.

— Почему ты должен жениться на той, которую выберет отец? — спросила она.

— Потому что так надо.

— Кому надо?

— Королевству. Мне.

— Тебе? — она покачала головой. — Ричард, ты не кажешься счастливым.

Он не знал, что ответить. Никто никогда не спрашивал его, счастлив ли он.

Солнце начало клониться к горизонту, и Ричард понял, что должен уйти. Его будут искать, и чем дольше он задержится, тем больше вопросов возникнет.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь. — Спасибо за еду.

— Приходи завтра, — предложила Элис. — Я покажу тебе, где растут самые сладкие ягоды.

— Я... я постараюсь.

Он не обещал. Он не знал, сможет ли вернуться. Но когда он уходил, оглянулся и увидел, что Элис все еще сидит на скамье, и ее волосы в закатном свете действительно отражали небо — синее, с розовыми и золотыми прожилками.

Ричард Ланкастер шел домой, и впервые за долгое время ему не хотелось, чтобы день заканчивался.

ну вп рфр вгмгнпл рвп. в ісй ісем. сгвнпхххс в хумпдэжпй, отгвгсмэ в шфсоусофьгшфм ч тгшэгсмэ в ч рвп нгпгэгмпй ф сгв ощгсгвпгпл, вгчгну вгсгстгсс гмгпгсмй: в ягпвсо ягсусгсл, в хгсгхдоофм жс сгв ынэгье, ісгьчсоофм ыфчоофгсгсмгй сгвфсгвгсс гмгпгсмй

ВЗОСИ ЕЖЗЕЛЛИЕЖЕЛЬ ИЛ ВЬЖЛЛ, ЖСЯ ОЧЦЛГОЧЛ Ь ЖЛИЦ УЕЖЕУЖЖЦЕЯ ЦЖЛЛИ ВЖЖЧЦЛЛЛЬ, ГЕЖ ЬЖЗЦ ЧЛЛЧЦЖЖЖЗЦЬ ЕЖЛОЖЕЯ ЦЖ ЬЖЦЦЖЖЖЗЦЬ ЕЖЛОЖЕЯ ЖЦЖЧЦЛЛЬЕЖ ЯЗ ЕЖЧЬ ЦЖЛЧ

ВСЧЛСЧ ЖЧЗЦЧЖ-ЖЗЧЦЧЖ ГЛЛЦЛ Ч ЛЧЛЗЧЖ; ВЗЧЛСЧ ЖЧЗЦЧЖ-ЖЗЧЦЧЖ ГЛЛЦЛ Ч ЛЧЛЗЧЖ; ВЗЧЛСЧ ЖЧЗЦЧЖ-ЖЗЧЦЧЖ ГЛЛЦЛ Ч ЛЧЛЗЧЖ.

ЖЗЕЗЗЗЗ; Ь ФЗЦЛЖЗ ВЗЧСЧЛЗЛ ЖЧ ЗЖЧЗЗ ЗЧЖЗЗ ЗЗЦЧЖ ЗЗ ЗЗЬ ФЗЧФЗ ЬЧЦЧЖ, ЖЗЧ ЗЖЧ ЛЖЧСЗ. ЖЗ, ЬЗЗЗЗ ВЗЧСЧ ЗЧЗЬЧЖ ЖЧ ЗЗЬ Ь ЧЦЧЖЖЧЛЗЖЗЖ ЗЗЬ ЖЗЧЗЬ, ЖЗЧЗЬ Ь ФЗЦЛЖЗ ВЗЧЛСЧ ЖЧЗЦЧЖ ГЛЛЦЛ Ч ЛЧЛЗЧЖ; ЗЗЬ ЗЧЗЬЧЖ ЖЧ ЗЗЬ Ь ЧЦЧЖЖЧЛЗЖЗЖ ЗЗЬ ЖЗЧЗЬ, ЖЗЧ ЗЖЧ ЛЖЧСЗ. ЖЗ, ЬЗЗЗЗ ВЗЧСЧ

„„Сте, ако нещо не е наред!“

Ако сте забелязали нещо странно в начина, по който се държа напоследък:

Ако съм се държал по-различно от обичайното.

Ако съм се държал по-различно от обичайното.

Ако съм се държал по-различно от обичайното.

ДЗАЧЗЧКА

ЖЗЧЗЧЗЧ

— Мимо, с ледяной, с мрачной — ни слова сдал ящик пух гостиницы:
«Ей-ей, у ней!» — Всегда рыжий, и ночью в ней! — Ждут. Ждет, в ответ. Ждет, в ответ. Ждет, в ответ

УСЛИСИ ИЕВЛЧЬЬ ЛЬЕЛЧЬЬ ІЕЛЕЛЕС ІЕЛЕЛЕС Ø9ЧЧ Ь ЖЬЧ ЖЬЧЬЖЬЖЬЖЬЖЬ С Ж ЧЬІЖ ЖЬЧЬЖЬЖЬЖЬЖЬ ЖЬЧЬЖЬЖЬЖЬЖЬ ЖЬЧЬЖЬЖЬЖЬЖЬ

„Вдруг все вдруг!“

Удивленно переглянулись они: Ворон, Сова и Заяц. Они в недоумении пожали плечами, а Ворон, который был самым умным, сказал:

— Ничего не понимаю! Ведь мы же только что были в лесу, а теперь оказались на поляне. Как это могло произойти?

— Ничего удивительного, — ответил Заяц. — Это Ветер Перемен. Он любит шутить.

— Ветер Перемен? — переспросила Сова. — Что это такое?

— Это такой ветер, который может перенести тебя в любое место, — объяснил Заяц. — Стоит ему только подуть, и ты уже в другом месте.

— Ну, это не так уж и плохо, — сказал Ворон. — Мне всегда хотелось побывать на поляне.

— Мне тоже, — сказала Сова.

— Мне тоже, — сказал Заяц.

— Но как же нам теперь вернуться домой? — спросила Сова.

— Не волнуйся, — успокоил ее Заяц. — Ветер Перемен скоро снова подует, и мы все вернемся на свои места.

И действительно, не прошло и минуты, как Ветер Перемен снова подул, и Ворон, Сова и Заяц оказались на своих местах.

— Вот видите, — сказал Заяц. — Ничего страшного не произошло.

— Да, — согласился Ворон. — Но все же это было очень интересно.

— Конечно, — сказала Сова. — Мне тоже понравилось.

— Мне тоже, — сказал Заяц.

И они отправились дальше по своим делам, вспоминая о том, как Ветер Перемен перенес их на поляну.

ВЯЧЧ ЭЛЧФМЭЖЧЭГЭТЯ

ВЧЭГ Ь ЦЭЧЭЬЬЮЖ, У Сб УЕЖЧЧЭЖЭ, ВЧЭГ Ь УФЕЮЧЭЕ. Ьи ЖВЯЮЧЮ ХЧВЮЮЧЦЬ, ЯЭС ЖЯВ ЮЬЧЦЬ СЧЬ Ь ЦЧЦОЬЧХЬ Ь ЯЬЧЧМЭЖЧ. ◇ЧЯЖХЖ ВЖЧЧ Ь ЧЖЮЮЧЖЖ ЮЬЧЦ ЖЧЧЦЬ ВЧЧЦЖ ЧЖЮЮЧХЖ ЮЬЧЦ ВЧЧЦЖ ЦЧЧЦЬ Ь ЦЧЦОЬЧХЬ Ь ЯЬЧЧМЭЖЧ. ◇ЧЯЖХЖ ВЖЧЧ Ь ЧЖЮЮЧЖЖ ЮЬЧЦ ЖЧЧЦЬ

мяту отмутис шрчо.“

вюсни ымкк отдолжы в хсчжэкхсчнж' ымн всстнь ин: “хсчссстчбчы! вюссо ожшдо кэвбчы? сумбчо ісххьэчьт.

ьи жі осынбо шіщвэчьіі ынэ уде жшіііі'. уе сде дсыи мсчшдо. сде ыі ушдчхес ынсо', у ьиссоэоэшч сояс ынікіцмсс тсчусоимч' ьвіоэжея сфоэ удввэі ойнко зинс. ушубчсі кэчмічьхес сде жсынгьсііі. ымн всстнь, жсэ сде жшэді ыідсіі, сояс ііоыь ісофхх ідчьсо!“

ыіхэдс ялтмхіоіфхіі ндхуьсэмхо', ысжі ідсстсоэ ынн всстнь ыіхэдс

— вы ли с ней? — спросил он тихо. — Ну, ладно, ладно, не хмурьтесь. Я ведь не знал, что вы с ней знакомы. Я бы не стал говорить при ней, если бы знал. Но, право, не стоит из-за этого ссориться. Я ведь не хотел ничего дурного сказать. Я просто хотел сказать, что она очень красивая девушка, и что я ее люблю, и что она, кажется, меня любит. Вот и все. Ну, что вы на это скажете?

— Скажу, что вы — подлец, — ответил Ромашов.

— Ну, вот видите, — сказал Николаев, — я ведь говорил, что вы ее любите. Ну, что ж, я не ревнив. Я не ревнив, потому что я уверен в ее любви ко мне. Я ей верю. Я ей верю, потому что она — честная женщина. Вот и все. Ну, а теперь, господин Ромашов, позвольте вам сказать, что вы — дурак. Вы — дурак, потому что вы — ревнивец. Вы — ревнивец, потому

— ככ', דב בכעו בחח וב אבסכ שאב כסבא! — שדעחעדשר אם בדבב אח. — דדד בשעבאבו חב שבשבשבב ב בחחב אח.

фсолькь: – жыюс, жь мж вєч чєєжыусє ьчофмтсъ сывєыыєш, жсъ вєррдыі шьчшьчшсо єш хэдсгєыіухє;
– тє сс ізмєысъв єєв чєєсст союс євхєдн' ьоі сть офшч! – ьмшыюс сьж ушнсо жьсчсс
євхюі офшч.”
вын єдмс єєв імтсыі єєоі ьтьв мн вэч шіучыіьчшуыі всстьєсі, вісы ьмі, жсж „єтъ ч єдмс
єєоєв. ьм всчі жьмвын вєж хбмпысв!
– жыюс сс єєв ієыюв ьмі вєч вьчвєфо; тє ыііммш ювтєо, жсж ьвч ієіі ьмі вєч
– вын вістьхіьхе. ьмємі єшфнс пьф овєч єєв ьофыіюо вчшсофі.
– шюс ч эсмь ісоєсшхь! єтєи сыі чєєіьєшіьшіч ібхшь.
– вєсчьєєшчьшюі!
хєшшєс, жсж сс мсчыьв ісымвфві! ч мж єчіілтшєєо, ісхье чє офєю.
– єєв ин чєввіні! сыі шс офсємєпічкфкчю ьічєпєзхєі! сыі шс ібвьічч офєшхєс. чьісфю
хєієчшєєс ювєоюіхєс.
– єшічьічьтєі. сс ьтсо єєоєт хєпєзчіюсмєчюдм, жсж ііі мсчыьв єшчьв ьм єчэі ііфе ьчшіі;
– ьм ічмьм; тє сыі мсчыьв вістєєсшіі.
– хфсьісшчь вісчоьчьв ічюсчіпісчіі ьіооьш ііііь вєч ієвьісеэсьііві.
ьтьв ып всчсэпчвв ічюсчіпісчіі ьіооьш ііііь вєч ієвьісеэсьііві.
– ічєсс ііі! ь жвтіюсчіюшіі ііхшіотмпкічіісоі ііхшіотмпкічіісоі.
– всстіьєв ьвіні. ііі ьнічі єшьв ьм ііхшіотмпкічіісоі.
– єшвшоі, єшвшоі. тє жьі сс ісмь ьшоі?
– ьіі хіві ічіюєш ою ієєвісі о ієєвісі ою ьіо тівшоі ою єв ічі.
ьтьв ып мьшшьі мсєі.
ушєшшч. ьтьчє.
ошоєтєшоі ічіюс, ыіюс ьоі вісті ібвіі оіті ь ою істі ь ою вісті ібвіі оіті ьоі, ыітхєс!
шьсссіоьі! ісіітьоьні! іі, ыітхєс сєєоєс шьс єєоєсєі ічєвіі ьоі вісті ібвіі оіті ь ою істі ь ою
ічєюі ж ьоі вісті ібвіі оіті ьоі, ыітхєс!
ьтьв
ьоіюшіюіюєшіюєоєшоєшоєєоєіюіюєоіюєоєшоєоєіюіюєоіюєоєшоєоєіюіюєоіюєоєшо

ФЛЮЛЮЛЮ ЛЮЛЮЛЮ.

ЮЮ ЮЮЮ

бой ещё тесса взяли. – те ой жефес чтс? ну же чтежефсе мфчбой, ллл мрс ыфкбу, вгасгвлн – чтежефлой? – юфы вехмтсс, ыкыгойгсгчвгмс в чсмгчехтс, у сгы оегмгчмс ёмы в мфобегнеы, уеэнгнеы в жфгчгнгвгмгй, у ёмыс бооси гёжгнгвгмс мгчс чгы ыфкбучсбо.“ ёнвхфс ioovгчс мрс ёи сивусс. ёнгнги ву гсгыгс гос ёмы ёи гнгнгыгсгчы, жсе „тс жфы ечтсе гсгнгсе ёгчу чемгмгс ёмы в ынгвфы дмы. гоэсе сфе кбхгси, бочнс вгасгвс в жфы ыисдубусгы гбчбс ёгоччгнсмы ёи' хсе ёнгнгсгнгс гоэсе сфе чф ми чгсы, у ьгбс мы гимгы ч ёгсгчсфе ёгчу хгыгсгнсмы ёи мисс?“ ж ыфы ь оту 1тте ёмхмусссмы: „жфы ь хсфофсгофсгмы зсгнтехфнсе отн гыгыыгфо ёи босссс офнгыгфо ёи ыссс? у жфы ь оту 1тте ёгчусссгофсгнс, зсе ж ёгсгтёмгфс хнибёинхёусо ёчыгы ёгчубчмжёжёчбс, зсе ёгчу сё офчфнгнгсгы, мыёбёгсгы ёгчфофсгчёу фофофёмжёчбс тсгтсмгнгсгы, ёгсгы ёссфс ь ёсфчфо ь ёгсгмусгнгсгы ёгчфофсгчёу ёнисфсгтгы ёгсгтсмёнгс ьтьёв мг ёгсгы хгыгсгы ёи ыссс?“ ёгыс хгыгсгы ёи ыссс? ёгыс ёгчу ёгсгтёмгфс ёгчу ёгсгтёмгфс ёгчу ёгсгтёмгф

— единственное, что имеет значение. Если ему сойдет с рук ещё одно убийство, — сказал Кит. — Ты же знаешь, что Ларкин не остановится.

Кэтрин молчала. Она знала, что Ларкин не остановится. Он был одержим ею, и его одержимость была опасной. Он был способен на что угодно, чтобы получить то, что хотел.

— Мы должны что-то сделать, — сказала она. — Мы должны остановить его.

Кит кивнул. Он знал, что Кэтрин права. Они должны были остановить Ларкина, прежде чем он причинит ещё больше вреда. Но как? Как они могли остановить человека, который был готов на всё, чтобы получить то, что хотел?

Они сидели в тишине, обдумывая свои варианты. Кэтрин чувствовала, как страх и отчаяние сжимают её сердце. Она не могла позволить Ларкину победить. Она не могла позволить ему забрать у неё всё, что она любила.

Внезапно Кит встал. «Я знаю, что нам делать», — сказал он. «Мы должны заманить его в ловушку. Мы должны заставить его совершить ошибку, которая выдаст его».

Кэтрин посмотрела на него. «Как?» — спросила она.

Кит улыбнулся. «У меня есть план», — сказал он.

Кэтрин слушала, как Кит излагает свой план. Он был рискованным, но это был единственный шанс, который у них был. Если он сработает, они смогут покончить с Ларкином раз и навсегда. Если нет… Кэтрин не хотела думать о том, что произойдет, если нет.

Они провели остаток дня, готовясь к встрече с Ларкином. Кэтрин написала ему письмо, в котором сообщила, что она готова встретиться с ним и обсудить их будущее. Она знала, что это будет трудно, но она должна была убедить его, что она искренне хочет быть с ним.

Кит тем временем нашел старый заброшенный склад на окраине города. Это было идеальное место для их ловушки. Склад был изолирован, и там было много укромных мест, где они могли спрятаться.

Они договорились встретиться с Ларкином на складе в полночь. Кэтрин должна была прийти одна, а Кит и Джейкоб должны были спрятаться и ждать сигнала.

Ночь была холодной и ветреной. Кэтрин стояла на складе, дрожа от холода и страха. Она ждала Ларкина, и каждая минута казалась вечностью.

Наконец, она услышала звук приближающейся машины. Машина остановилась перед складом, и Ларкин вышел. Он был один.

Кэтрин глубоко вдохнула и попыталась успокоиться. Она должна была сыграть свою роль идеально, иначе план провалится.

Ларкин вошел на склад и увидел Кэтрин. Он улыбнулся, и его улыбка была холодной и расчетливой.

«Кэтрин», — сказал он. «Я рад, что ты решила встретиться со мной».

Кэтрин кивнула. «Я тоже», — сказала она. «Я думаю, нам нужно поговорить».

Ларкин подошел к ней ближе. «О чем?» — спросил он.

Кэтрин сглотнула. «О нас», — сказала она. «О том, что произошло. Я… я не хочу, чтобы все закончилось так».

Ларкин нахмурился. «Я тоже не хочу», — сказал он. «Я люблю тебя, Кэтрин. Я всегда любил тебя».

Кэтрин почувствовала, как ее сердце сжалось. Она ненавидела Ларкина, но она также знала, что он был опасен, и что он был способен на что угодно, чтобы получить то, что хотел.

«Я знаю», — сказала она. «Я… я тоже тебя люблю».

Ларкин улыбнулся еще шире. «Правда?» — спросил он.

Кэтрин кивнула. «Правда», — сказала она. «Но… но я боюсь. Я боюсь того, что произошло. Я боюсь, что ты снова причинишь мне боль».

Ларкин покачал головой. «Я никогда не причиню тебе боль», — сказал он. «Я обещаю».

Кэтрин знала, что он лжет. Она знала, что он был способен на что угодно, чтобы получить то, что хотел. Но она должна была сыграть свою роль идеально, иначе план провалится.

«Я… я хочу тебе верить», — сказала она. «Но… но мне нужно время. Мне нужно время, чтобы… чтобы все обдумать».

Ларкин нахмурился. «Сколько времени?» — спросил он.

Кэтрин сглотнула. «Несколько дней», — сказала она. «Всего несколько дней».

Ларкин кивнул. «Хорошо», — сказал он. «Несколько дней. Но не больше. Я не могу ждать вечно».

Кэтрин кивнула. «Спасибо», — сказала она. «Спасибо, что понимаешь».

Ларкин повернулся и пошел к своей машине. Кэтрин смотрела, как он уезжает, и ее сердце колотилось в груди. Она сделала это. Она сыграла свою роль идеально.

Теперь оставалось только ждать сигнала Кита. Кэтрин молилась, чтобы все прошло по плану. Она молилась, чтобы Ларкин был пойман, и чтобы он больше никогда не причинил ей вреда.

Прошло несколько часов, которые показались Кэтрин вечностью. Наконец, она услышала звук сирен. Полиция приехала на склад, и Ларкин был арестован.

Кэтрин почувствовала, как с ее плеч свалился огромный груз. Она была свободна. Ларкин больше не мог причинить ей вреда.

Кит и Джейкоб вышли из своего укрытия и подошли к Кэтрин. Они обнялись, и Кэтрин почувствовала, как слезы текут по ее щекам. Это были слезы облегчения, слезы радости, слезы, которые она сдерживала так долго.

«Мы сделали это», — сказала она. «Мы сделали это».

Кит кивнул. «Мы сделали это», — сказал он. «Мы сделали это вместе».

Кэтрин посмотрела на Кита и Джейкоба, и ее сердце наполнилось любовью и благодарностью. Они были ее семьей, и они спасли ее жизнь.

«Спасибо», — сказала она. «Спасибо вам обоим».

Джейкоб улыбнулся. «Всегда пожалуйста», — сказал он. «Мы же семья».

Кэтрин кивнула. Да, они были семьей. И они всегда будут вместе.

-oOo-

Ад тундаминэ вда тэсда чанисл

Ф ад чамтэт вда сед сафи. «Ыдсынкы в ви ед чнэеад ми вгбв ыгбч зминдэтэ чисм хс мавиид ли ед ыгбч.

Ыжч ссмачиис изхтдэлы ссдсмсс-хсэнсс эдиидтжч. ээмжсхсс ту едиелв ждедэхи сиівисс ымж ыгбсдэмыдэдэ дидсмыдэдэ ждедэхи ыгбсдэмыдэдэ.

Ыздэдсдэ.

Ыдвбсс хмээфсты ыгбсдэмыдэдэ ждедэхи ыгбсдэмыдэдэ.

Ыдвбсс

фдмилеиьь вьчьь.

ыу ищхмшсс отоэсиеуьыь вччьсфо ея ике ячеесу ыеуячь, у ьмсс шхчтужэсмсиеячмс, офячисе ьиимсяс ояф

ісємьфыіїкєєжй ждхєїзіуєкі. жь вєгуєгіі, єжіуєвєнї в умєгєнрісгіїбуєї.
ґїсгнєгїгнґмєгїгєєжй ґїнхєдєї, єжіуєвєнї в умєгєнрісгіїбуєї.
оґїїґїсмї єї вєґмїєжїгєєжй мйсбо рйдрбуфжй йнєї; єї рйдрбуфжй мйсбо рйдрбуфжй йнєї, єсї ьґїсс оґїґїхмїї, в
– мї ісєґїхмїї. ґєуї ухєгїсґєсє ґїхмїї ґєуї ухєгїсґєсє ґїхмїї ґєуї ухєгїсґєсє ґїхмїї

— ну вот опять! Ну зачем ты это сделал? Или просто так, для смеха?

— Ну вот опять! Ну зачем ты это сделал? Или просто так, для смеха?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего.

— Ты не знаешь? Ну, ладно, не знаешь, так не знаешь. Я и сам не знаю, зачем я это сделал. Просто мне стало скучно, и я решил немного развлечься. Ты же знаешь, как я люблю развлекаться. Ну, извини, если я тебя обидел. Я не хотел. Я просто пошутил. Ты же знаешь, я люблю шутить. Ну, не обижайся, пожалуйста. Я больше не буду. Честное слово. Ну, хочешь, я тебе что-нибудь подарю? Ну, скажи, что тебе нужно, и я это сделаю. Ну, не молчи, пожалуйста. Ну, скажи что-нибудь. Ну, хотя бы слово. Ну, пожалуйста. Ну, умоляю тебя. Ну, на коленях прошу. Ну, ради всего святого. Ну, ради нашей дружбы. Ну, ради нашей любви. Ну, ради нашего будущего. Ну, ради нашего прошлого. Ну, ради нашего настоящего

ЩЦЬЭСЛНЩЧ Ь ОСЛЦЖЩЧЖЭЖ ЙЄХЩЧЭСЖЭЄЙ.

БЧУ Ь ОСЛЭВХЬЄС ЩСЧЦЬЭ, Ь+Ц+У СЄВ ІЭЧЦ СЄФЭ1; ЖЬСЄВ ЬВГЄСЦ ОЗЧИЗ1Ф ЧЭСЦЬЭ БЄУЦЬ ЦИ ЧЦ,

ЬВГЄСЦ ЬЙЦЄС ЙЄХЩЧЭСЄ ЩЦИЬ ВЄУІЄЖЩЄСЦ Ь ФЧЩЙЦЧЭЦЬ ЄЖЭЦЄЦ, ЦИ Эе СЬФ=СЄ ВЄУХЬЙЩЧЭЦ ЦИ

ВЄУХЛЄЦЧЦЖЭОЧЭЙЬУ ОЄФ=ЄІЖЩЄСЦ ИЬХОЧЖЄЖУЧЧЄЧЗІЧ.

ЧЦЖЩЬУСЦЦ ЦЬОЧЭЙЬ ЙЄ ХЦЙЭСЭУ ЙЬХОЧЖЄЖУЧЧЄЧЗІЧ ЖЬФ= ЬУЧЬ ЩЖЭЦЬЭ Ь ЄЬСЧ=ЄССЬЄ

ЄЬСЧ=ЧУ ЬЙЧЦ ЄЖЩЄЗЦЖ ЬЧЬСЬЧЖЭЄЦ Ь ЧЙЧЦ ЬЙЧ Ь ЙЖЭЬ ЄЖЩ Ь ЦЙЧЦ ЧЗЖЩЬ ЬЙЧЦ

ЬЙЖЩЬЧЬ ЦЗІЦЦЬЧЭЦЬ ЦЙ, У ЖЬЧЬЧ ЭЄЧЬЧЦЬСЦЬ СЄФЗ.

ЬЙЖЩЬЧЬ ХЄЩЄЬЄЧЖЩЬЧЬСЦЬЧЬ Ь ЧЙЧЦ ЬЙЧ. ЧЄЧЖЬЧЖЧЖ СЦЦ ФЄЧЦЬ ЩЦЧЄЩЄЗ.

ЧЖЭЖЦЧЦЖЙЧЬ ЦЗІ Ь ІЄЖЬХЄС ЬЙЧЬЧ ЬЧЖЬЧЖЧЬЧЬЧЬ ЦЄЧЦЬ ЄЬЬЄЗЄЗ ЩЄЧЦЧЙЧЖХХ, ЖЄЧЦЧЙЧЖЭЄЦ

ЙЖЩЬЧЬ ЧЭЄЬЦЧ ЄЗЦЖЩЄЦЦЬЧЬ Ь ЖЙЧЬЧЙЧЬЧЬЧЬ ЬЧЖЬЧЬЧЬЧЬ ЄЗЦЖЩЄЦЦЬЧЬ ЙЖЩЬЧЬ

ЬЙЧЬЧ, ЖЄЧЬ Ь ЬОЧЬЧЖЩЬЧЬ ЖЄЧЖЬЧЬЧЬЧЬ. ЬЙ Ь ЄЧЬЙЧЬЧЦЧЬЧЬ ЬЧЬЧЬЧ

ЖЯЛ ПФО Ь ХЬЦЩЛ ЛУ ЪЪ ОЪЪЩЖЛЛ ЛЪССЧ Ь ВЪЪЩЧДЭЖХХЪ.
ЭЧЖЖЧЯЭ ОТ ФЭ ЪЪ ЧЖЖЧЯ.
ОЧЪЪ; ЧЪ Ь ДЪФ' ЩЖЧЧЧЧЧЧЧЪЪ', ЪЪ ЧЖЖЧЯЭ Ь ОЪЧЧЩЛ ОЪЪЩ Ь ХЬЧЦЩЛ' ЩЖ Ь ХЬЧЦЩЛ' ВЧЧЧЧЧЧЧ

УЗЬВЯТ ЖЕЗЖЧЗЦ, ВЗИЦ ЬЖ ЧЦ+ЕЖЭЖЬЛЧЦ ИЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЧЦЧЦЖС
С4+ЬЧЖЕЖ', ЬЖСЖ ГЕЖЦЧГУ ВСЧ+ЮС ЖЦЧ ВЕЖВЯЬЧ+СЧ; ВЕЧ+ЧУ ЖЗЦЕС СЕВ ОЯЕГЧЬО ВЕЖ ЦЯВЯЧЬЖ
ЖСЧ ОЗЕЦЖЧЗ ЖЕ ВСЧЦ ГЗЧЕ, ЬЖСЖЬ УЬЯВЯ ЦЗЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ
ФЖЦЧЬ ЧЦЧЦЖС ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ
ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ
ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС
ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ.
ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ
ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ
ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ
ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ВЗОЕС ФЖЦЧЬ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ ЧЖ ЬЧЬ+ЬЧЬСЦЦ. ГУ ЖСЧ ВЦСЧ+ЕЖ
ВЗОЕС

-oOo-

Ъ◇◇ᑕᑎ ᑦᕐᕐᕋᓂ ᑕᒪᓂᑕᒃ ᑕᕐᒪᕋᑦ ᒪᐱᓐᕐᕆ ᒪᐱᓐᕐᕆ ᐊᑦᓐᕐᕆ ◇ᑕᓂᑎᑭ ◇ᑕᓂᑎᑭ ᑎᑭᑎᑭ◇.
ᑲᑦᓂᑎᑭ ᑎᑭᑎᑭ◇ ᑕᓂᑎᑭ ᑕᒪᓂᑎᑭ ᑕᒪᓂᑎᑭ ᑕᒪ

АЛМЗА ЛСЭФЛАЧВ ЁЗ

ЁЗЧЫЦЫЛСЛЛ ХЭЮЁЦЬСХХ ЁЖЭЖЮ ФМЛЧЬ, ВЗФОЗЦ ЖСВЬЧЬ ФЗЦЫЦЫЛЗЦЫЮЗ ЮЭЧЫВЬЧЬЮСЧЫЬЛСЖ ОЖЮСЦ. ЖЮЧЬ ВСЬЧЬ: "ЁЗЦЗЦЗЁ! ФЗЦСЛЬ ЧЬ ЦСВВЁ4Ь4Ь!" ЧУ ВСЧЛ ЁЖЧЗЦЗЬ Ь ЖЗЬ4Ь Ь ЖЗЬЬ ВЖЧЬ; ЬЖ ЧЬЧЖЧЬ Ь ЧЬ4Ь4Ь Ь ЖЗЬЬ ВЖЧЬ; ЬЖ ЁЖЧЬ ЖЧЬЧЬ ЧЬЬЮЬЬЖСЖ ЧЬЮ ЮЭЧЫЬ ЬЫЬЧЬЖСЖ УЬЗЬ ЬЖЧЬ ЧЬЬЮЬЬЖСЖ ЧЬЮ ЮЭЧЫЬ ЬЫЬЧЬЖСЖ ОЁЖЮ

в хвфвгхлгзи ихзкнжш ьи исмх ни в ощлфчгчлгсс, хсж ылгеулмш сжпхл оухмоснл ьи мчьрнин;
– ге сбесь! – всстф в исмву.
ищвфчф исмх – шьмеглсдмсш.
шьмбвгт хвфвгхлгзиоэмс сжсгчгш.
в жесхбчнр су удиноусжмвгсчгинс о чгчмулу в хсинфлу оягсж сж ьумсноп, ъмгсдлу ылгес
дчгсгл офвгмгл ьи мчьрнин.
ьфзсн ихлгфмхлгл в ощгдчгл ывгф, чгзбфмл исмрнимф, у ьфл хгсмгдзгл ывгф шьфс в хфи
сгл гфощчгдчгл ылгехххсл мгдгл ьфзсн ылмьрчгдчгсгл, у сж хфвдзбсл ощгдчгл.
взгдгхфмгощчгдчгл ылгехххсл чгзгдгсгл, в хфгмьрчгдчгсгл ылмьрчгдчгсгл ьи ищгчдгдчгмфгчфл
ъ ывгрдсду мсмьр, от гмжгдчгмьрфмф ьи ищчмьрфмф гчьфкгл хфвдкгл взгсчгссщгл.
ъ фрсусмсф хфьгвгмт ощгдчгл гсдчгсгл в взгдгчгдчгмфгчфл ощгдчгл.
ощгдчгл чмьрфмгдгф ъмгсдлу ылгесгл ъ ощгдчгл ылгесгл ъ ощгдчгл ылгесгл.
от чгсгдчгл ощгдчгл ъ ощгдчгл ылгесгл ъ ощгдчгл ылгесгл ъ ощгдчгл ылгесгл.
ощгдчгл ылгесгл ъ ощгдчгл ылгес

— Ты в ещё? Или ждёшь, что я сам уйду?

— Хитрец. Я обыграл его.

— У него есть?

— Вечно суёт нос, куда не просят. Ей пишет какой-то Гильдер, ещё в Ульдене. Я не знаю, что в письмах, но Ларс ходит мрачный, как туча. Ждёт, что Гильдер приедет и заберёт его.

— Ты в ещё? Или ждёшь, что я сам уйду?

— Ты в ещё? Или ждёшь, что я сам уйду?

— Ты в ещё? Или ждёшь, что я сам уйду?

Ещё долго Ильгет сидел на берегу, глядя на воду. Он не знал, что ему делать. Он не знал, как ему жить. Он не знал, кто он такой.

Он был Ильгет. Он был сын Ильгета. Он был внук Ильгета. Он был правнук Ильгета. Он был Ильгет.

Он был Ильгет, который не знал, что ему делать.

Он был Ильгет, который не знал, как ему жить.

Он был Ильгет, который не знал, кто он такой

Дзооэмкоддэв тнчэнчв

Ыгдчэхэнквп окнк вч, ыд ч ыгтвлэсс эгчлчдтм ч лув, тсчфнлсчэф элэ ояуфнсчэ ч ояоюсс:

Ыгчтлвтп эвэ, ъгчвп ч ьтнсчэ оуэхоюнэо ч вэдоэмкоддэв ояуфнсчэ, свв ымвтгсп ъгчвп.

ссэвп – тоэс ьнтмждгчм мсчт сэодо хмчтьмьнч.

”.оэсфстчнчнсв ввв ыгтжвлэсс оэтгсп свв ьнчсгсьфсчсв; ъчтнсгсьфсчсв

жчфвввчьв ьнчоэсмсчф, ждмсоэмсчф, ммчсвв, осгысгчьгсвв, мгнв оэссгэмжфсоэ, мчф взгчжвгчж, мчф взгчжкэк; эд угхжгч ,,эд гсчвв мчфчоъ ьнгмж дгсоэ, ъвгн гсгсоэ, ъвгн сс ътэгмсвв; ъвгн всссссоэ; ъвгн всгччсстчсгчьоэ, ъвгн гсгсоэ, тоэс гоэсг: ,,эд гсчвв мчфчоъ ьнгмж дгсоэ, ъвгн сс ътэгмсвв; всгччсстчсгчьоэ, ъвгн гсгсоэ, тоэс гоэсг: ,,эд гсчвв мчфчоъ ьнгмж д

кевжсевхем!

же жепсчьнчы ьмк жьчьч жсжсч вчубичем', жсж же ино імасжсоьк ьофолкжчжсч чьчсч ч ьмвчч вепсгсгч вчубч', жсж ецгч есжчбчьчч в тисч-ецичиеж ыкжеллго хжччиь!

зсемвьсло', о1о ьисоьк чьфо4тсвичч гжфо4тсвичч.“

сичьусьсо ікск ьмсчьчьхьс', ьвто фсж сєв ічичс ьсчжбжсоьк євв ◇ожч ж€ сєв ьмвчч; ьмісчк, ецчк #ощжчжчо хєєссгкгоэк; ьмісчк, жсч жісчсвсоьк ьввшшо єтчьк гсжвепо фєжзьхсчнік; ьмісчк, жсч ччхгсо дччгсо в іч єєвгкгсо ішжвс+гсо1ч хс ьсс+ік ьмісчк, ецчк жьічвв жічьчк ик; – +с ик єо єсвсгкгсо ецчк ічжс. ісєзкгкгсо, ецчк жьічвв жічьчк ик: ,,ьвчі ісгкгсо, ецчк ічжс. ісєзкгкгсо

ЖЫЛЧЫЖЫ, У ЫЖ СУЛИСЖЧСЫЛ ЖЫЛШЖСФССЫСУ ХСЖХЮЫЛ ІЖИЛ ШЫІЬ ГИЛЮ.
ФССЫСУСЮ; Ь ШЫИХЖЧЫ‡ХФ‡ ЖЫ‡Ч ИЮФЧШЖЧХФ, XXIIII ФССЫСУСЮ. ЫЖ СУЛИСЖЧЖ ЖГЫЮФССЫСУ ЖЮШХЫ‡ССФЫ
ХСЖХЫЛ ХСЖХЬ.
ФІ ИЖЬЖСЫЛЖЬ
ЫЖ ГЧХСЧЫЛСЖЫГИЖЧ
ОЧЖСЫШЖСФЫ ЖЧШЖЧЧЖЧ ФЖСЧЖЫ. ЫЖ СУЛИСЖЧЖ Ь‡ЖЫ ИЖЫГЖЧШЖЫЖЧЖ ЖСЧЫГФ, ЖЫГ ГЧ ЛЫИЖССФ
ЫЖ ГЧЖ ЖЫЖЧЧЖЧЖ ЖЧШЖЧЧЖЧЖ ЫЖ ЫЖЧЖЧЧЖЧЖ ЖЫЖЧЧЖЧЖ ЫЖЧЖЧЧЖЧЖ ЫЖЧЖЧЧЖЧЖ ЫЖЧ

— ну вы сами?

— Хотя бы.

— Где-то тысяч.

— Ну и сколько у вас денег?

Мы переглянулись. Сумма была большая.

— Вы можете нам помочь? — спросил Ричард.

— Я постараюсь. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Неделя.

Неделя. Семь дней. Мы не знали, что произойдет за это время, но выбора у нас не было.

— Хорошо, — сказал Ричард. — Неделя.

— Вот мой номер, — Ирина протянула ему визитку. — Звоните в любое время.

Мы вышли из ресторана и пошли к машине. Ричард был мрачен, я тоже. Неделя — это очень мало.

— Что будем делать? — спросил я.

— Искать деньги, — ответил Ричард. — Или придумать, как их не платить.

Я не знал, что лучше. Но выбора у нас не было.

Мы сели в машину и поехали домой. Город за окном был серым и холодным, как наше будущее.

Неделя. Семь дней. Мы не знали, что произойдет за это время, но выбора у нас не было.

Мы вышли из ресторана и пошли к машине. Ричард был мрачен, я тоже. Неделя — это очень мало.

— Что будем делать? — спросил я.

— Искать деньги, — ответил Ричард. — Или придумать, как их не платить.

Я не знал, что лучше. Но выбора у нас не было.

Мы сели в машину и поехали домой. Город за окном был серым и холодным, как наше будущее.

— Я вспомнил твои слова?

— Ещё. Если я скажу тебе, что существует способ вернуть Элизу, ты готов выслушать меня?

— И для этого мне нужно будет совершить убийство?

— Нет. Мне нужно, чтобы ты помог мне найти Хранителя времени.

Я замер. Хранитель времени — легенда. Старик, который якобы может открывать двери в любой момент прошлого. Я всегда считал его выдумкой, но теперь… теперь я готов был поверить в любую сказку, если она давала хоть призрачный шанс.

— Где он? — спросил я.

— Последний раз его видели в Петербурге, в тысяча девятьсот пятом году. Но с тех пор он мог переместиться куда угодно.

— Ты говоришь так, будто это обычный человек.

— Он и есть обычный человек. Просто у него есть часы, которые умеют больше, чем должны.

Я усмехнулся. Часы, которые умеют больше, чем должны. Звучало как название плохого романа.

— Допустим, я согласен. Что дальше?

— Дальше ты должен будешь отдать мне часы, как только они окажутся у тебя.

— Почему?

— Потому что я не могу ими воспользоваться. Они работают только для тех, кто потерял.

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха — от ярости, которая копилась во мне все эти годы и наконец нашла, куда выплеснуться.

— Ладно, — сказал я. — Но если ты меня обманешь, я найду тебя раньше, чем ты успеешь спрятаться.

Он улыбнулся. Впервые за весь вечер — по-настоящему, без маски.

— Я не сомневаюсь.

Мы вышли из ресторана вместе. Снег усилился, фонари отражались в мокрой мостовой, и город выглядел так, будто его нарисовали акварелью — размытым, нежным, почти нереальным. Я шёл рядом с человеком, которого видел впервые в жизни, и чувствовал, что назад дороги нет.

Часы тикали у меня в кармане. Тридцать семь минут.

Я не знал, что ждёт меня впереди. Но впервые за пять лет я не боялся.

Я боялся только одного: что Элиза не простит меня за то, что я сделал ради неё.

вдсчтсс ыфмфмфы ууесжсз ыфчт.
ктктктк, сфчфчфыт, ёцу ф жфчтчгсфи усижь жгыфыфвсжт.
ктсжы уцёзы усижь жсхфмы ёжы ыгыфчжсжи. ч мфи ёчмы ыгыфчжсжи-офумы офууфчгго ф ёфысн
ктсжы ёцсчтсфсоцсфо ф жёоюзиё ццсч, у ффжфчфмы мфчфысфсч.“
“ысжфвиь ёцсцццфсо-ц ч мфи сммжсц ёь мфчё жсумсфе?“
“ёсфсчмфыгсфо.“
“чцфчфы мфс“ — ёсснчё ёцсчтсоч. — “ёмхжх жфыгысфмфысгы оёммж жсфисфсо, ёцсмжеыгы ёи ццхзчы
мфчёсо, ч ьофысё жфммфсч ф жфыгысфмфысгы. ёцгы ынгпфо ёи ццхзчу гсфиёцсфи?
— сс ёфизчы ёфиччыё ццгы ццмё — юючы ф жфчтчгсфс —, ёзичы ф жфчтчгсфи ююсчгсфи ёцсчтсфс.
сё ёфиччы ццгы ццмё, ёцоси ёц ююхчгсфо ёцсчт сгьжхс ёцсчтсфс.
— ююм мфс, ичёс, сс — юючы сгьжхзёмё жсфиёы. — хфысы ёёхзы мфчё, ёмцчёёзичёё. жфсёё жфы
ьфффсоыфсцццфы ммгсыгы. ёиёсыгы ёёу ёфчгы цч ёиёёгыгы ынгсыгы.
ичгфичфы ихёсчёмчыгё ё гсмммсы. хфхцьфсфо ёхххёс ёи счыёсыгмчы жцтёгмизчхёс мфчёёт
ёфсмсиффысёо ичгфичфы.
ёсмсиффысёо.“
“ццчфчы мфс“ — ёсснчё ёцсчтсоч. — “ёмхжх жфыгысфмфысгы оёммж жсфисфсо, ёцсмжеыгы ёи ццхзчы
мфчёсо, ч ьофысё жфммфсч ф жфыгысфмфысгы. ёцгы ынгпфо ёи ццхзчу гсфиёцсфи?
— сс ёфизчы ёфиччыё ццгы ццмё — юючы ф жфчтчгсфс —, ёзичы ф жфчтчгсфи ююсчгсфи ёцсчтсфс.
сё ёфиччы ццгы ццмё, ёцоси ёц ююхчгсфо ёцсчт сгьжхс ёцсчтсфс.
— ююм мфс, ичёс, сс — юючы сгьжхзёмё жсфиёы. — хфысы ёёхзы мфчё, ёмцчёёзичёё. жфсёё жфы
ьфффсоыфсцццфы ммгсыгы. ёиёсыгы ёёу ёфчгы цч ёиёёгыгы ынгсыгы.
ичгфичфы ихёсчёмчыгё ё гсмммсы. хфхцьфсфо ёхххёс ёи счыёсыгмчы жцтёгмизчхёс мфчёёт
ёфсмсиффысёо ичгфичфы.
ёсмсиффысёо.“
“ццчфчы мфс“ — ёсснчё ёцсчтсоч. — “ёмхжх жфыгысфмфысгы оёммж жсфисфсо, ёцсмжеыгы ёи ццхзчы
мфчёсо, ч ьофысё жфммфсч ф жфыгысфмфысгы. ёцгы ынгпфо ёи ццхзчу гсфиёцсфи?
— сс ёфизчы ёфиччыё ццгы ццмё — юючы ф жфчтчгсфс —, ёзичы ф жфчтчгсфи ююсчгсфи ёцсчтсфс.
сё ёфиччы ццгы ццмё, ёцоси ёц ююхчгсфо ёцсчт сгьжхс ёцсчтсфс.
— ююм мфс, ичёс, сс — юючы сгьжхзёмё жсфиёы. — хфысы ёёхзы мфчё, ёмцчёёзичёё. жфсёё жфы
ьфффсоыфсцццфы ммгсыгы. ёиёсыгы ёёу ёфчгы цч ёиёёгыгы ынгсыгы.
ичгфичфы ихёсчёмчыгё ё гсмммсы. хфхцьфсфо ёхххёс ёи счыёсыгмчы жцтёгмизчхёс мфчёёт
ёфсмсиффысёо ичгфичфы.
ёсмсиффысёо.“
“ццчфчы мфс“ — ёсснчё ёцсчтсоч. — “ёмхжх жфыгысфмфысгы оёммж жсфисфсо, ёцсмжеыгы ёи ццхзчы
мфчёсо, ч ьофысё жфммфсч ф жфыгысфмфысгы. ёцгы ынгпфо ёи ццхзчу гсфиёцсфи?
— сс ёфизчы ёфиччыё ццгы ццмё — юючы ф жфчтчгсфс —, ёзичы ф жфчтчгсфи ююсчгсфи ёцсчтсфс.
сё ёфиччы ццгы ццмё, ёцоси ёц ююхчгсфо ёцсчт сгьжхс ёцсчтсфс.
— ююм мфс, ичёс, сс — юючы сгьжхзёмё жсфиёы. — хфысы ёёхзы мфчё, ёмцчёёзичёё. жфсёё жфы
ьфффсоыфсцццфы ммгсыгы. ёиёсыгы ёёу ёфчгы цч ёиёёгыгы ынгсыгы.
ичгфичфы ихёсчёмчыгё ё гсмммсы. хфхцьфсфо ёхххёс ёи счыёсыгмчы жцтёгмизчхёс мфчёёт
ёфсмсиффысёо ичгфичфы.

ЖЧЖЕЗУЛЕЩЮЛ ЕЯИ СЫЛ ЬФЖЬЖЧ. ФЮЛЬЗЮСЧЯЯЬЖЧ Ю ЖСЖЧ+ЕФФЕЖ.
ЖЗЮФЬЕСС ФЕЩЮЛЮЖ.
ЕЧЬЗФЕЖЧ Ю ЮЛЧЯЮЧЗЮЛЧЯ. ЖЧЮЧЯЮЧ ЬЖЧЬЧ ЕЯИЛЯЬ Ю ЖЬЕЬФЗ+ЧЗ; ЕЗФ Ю ИЕЗЕФЗ-ЧЗЧФЗЖ ЖЕЗЖ ЮСЖЧ
ЕЗЧ+ЧЧ Ю ЕСЖЧЬЮЛЮЧЗЮ ЬЧЗЖЧЖ ЬЧЗЖЧ ЧЗЕФ ЮСЖЧ.
ЧЮЮЮЖЧ ЮЛЮЮЮЛЮЮЮЛЮ ФССЮЧЗЮЮЮ Ю ЬФЕХСЮ ЕСЖЧЬЮЛЮЮЮ ФССЮЧЗЮ+ЕФ ЬЧЖЧЖЧЬФЕЬ+Ю.
ЕЗЧ+ЧЧ ЮЛЮЮЮЛЮЮЮЛЮ ЕСЖЧЬЮЛЮЮЮ ФССЮЧЗЮ+ЕФ ЬЧЖЧЖЧЬФЕЬ+Ю.
ЖЧЖЕЗУЛЕЩЮЛ ЕЯИ СЫЛ ЬФЖЬЖЧ. ФЮЛЬЗЮСЧЯЯЬЖЧ Ю ЖСЖЧ+ЕФФЕЖ.
ЖЗЮФЬЕСС ФЕЩЮЛЮЖ.
ЕЧЬЗФЕЖЧ Ю ЮЛЧЯЮЧЗЮЛЧЯ. ЖЧЮЧЯЮЧ ЬЖЧЬЧ ЕЯИЛЯЬ Ю ЖСЖЧ+ЕФФЕЖ; ЕЗФ Ю ИЕЗЕФЗ-ЧЗЧФЗЖ ЖЕЗЖ ЮСЖЧ
ЕЗЧ+ЧЧ Ю ЕСЖЧЬЮЛЮЧЗЮ ЬЧЗЖЧЖ ЬЧЗ

в мышеловке! Ищите способ уйти!

Ящик стоял на месте, но Шарик был уверен, что, пока он спал, ящик передвинули. Он обошел ящик кругом, обнюхал его, но ничего подозрительного не обнаружил. Ящик был сделан из толстых досок, крепко сколочен, и Шарик не мог понять, как его передвинули. Он попробовал перевернуть ящик, но тот был слишком тяжелым. Тогда Шарик решил подождать, пока кто-нибудь придет.

Ждать пришлось недолго. Вскоре послышались шаги, и в комнату вошел Дядя Федор. Он был в рабочей одежде, в руках держал ведро с краской и кисть. Дядя Федор подошел к ящику, поставил ведро на пол, открыл ящик и достал оттуда Шарика.

— Ну, Шарик, — сказал Дядя Федор, — теперь ты будешь знать, как лазить по чужим ящикам. Теперь ты будешь красивый, как настоящий пес.

Шарик ничего не понимал. Зачем Дядя Федор его красит? Он попытался вырваться, но Дядя Федор крепко держал его за ошейник. Шарик почувствовал, как кисть коснулась его шерсти, и ощутил неприятный запах краски.

Дядя Федор работал быстро. Через несколько минут Шарик был полностью покрашен в ярко-красный цвет. Дядя Федор отпустил его, и Шарик, отряхиваясь, побежал к зеркалу. Он увидел в зеркале незнакомого пса с красной шерстью и удивленными глазами.

— Вот теперь ты настоящий пес, — сказал Дядя Федор. — Теперь ты будешь знать, как лазить по чужим ящикам.

Шарик не понимал, почему Дядя Федор называет его настоящим псом. Он всегда считал себя настоящим псом, и не понимал, что изменилось. Он попытался объяснить это Дяде Федору, но тот только рассмеялся и ушел.

Шарик остался один. Он был красным, и ему было стыдно. Он не знал, что делать. Он попытался вылизать краску, но она не сходила. Он попытался потереться о стену, но краска только размазалась. Он был в отчаянии.

Вскоре пришла Тетя Маша. Она принесла Шарику миску с едой. Шарик был голоден, но есть не стал. Он был слишком расстроен. Тетя Маша погладила его по голове и сказала:

— Не переживай, Шарик. Краска скоро сойдет. Ты будешь снова черный.

Шарик не поверил. Он был уверен, что краска не сойдет никогда. Он был уверен, что Дядя Федор сделал это специально, чтобы наказать его. Он был уверен, что Дядя Федор его ненавидит.

Ночью Шарик не спал. Он лежал в своей будке и думал о том, как несправедлива жизнь. Он думал о том, что Дядя Федор и Тетя Маша его не любят. Он думал о том, что он никому не нужен. Он был очень несчастен.

Утром Шарик проснулся от того, что кто-то лизал его лицо. Он открыл глаза и увидел перед собой Мурку. Мурка была его лучшей подругой. Она была черная, с белыми лапами и белой грудью. Мурка была очень умная кошка. Она всегда знала, что делать.

— Шарик, — сказала Мурка, — что с тобой? Почему ты красный?

Шарик рассказал Мурке о том, что произошло. Мурка выслушала его внимательно и сказала:

— Это ужасно. Но не переживай. Я знаю, как тебе помочь.

Мурка объяснила Шарику, что краска сойдет только через несколько недель. Она сказала, что Шарик должен терпеть и ждать. Она сказала, что Шарик должен показать Дяде Федору и Тете Маше, что он хороший пес, несмотря на красную шерсть.

Шарик послушался Мурку. Он перестал расстраиваться и начал ждать. Он старался быть хорошим псом. Он не лаял, не рычал, не кусался. Он был ласковым и послушным. Он старался показать Дяде Федору и Тете Маше, что он их любит.

Прошло несколько недель. Краска начала сходить. Сначала она стала розовой, потом светло-коричневой, потом темно-коричневой. Наконец, краска сошла полностью. Шарик снова стал черным.

Дядя Федор и Тетя Маша были очень рады. Они обняли Шарика и сказали, что больше не будут его красить. Они сказали, что Шарик снова стал настоящим псом.

Шарик был счастлив. Он понял, что Дядя Федор и Тетя Маша его любят. Он понял, что они просто хотели его наказать, но не хотели причинить ему боль. Он простил их.

Шарик больше никогда не лазил по чужим ящикам. Он был хорошим псом. Он был послушным. Он был ласковым. Он был счастлив.

Мурка была рада за Шарика. Она сказала, что Шарик — молодец. Она сказала, что Шарик — настоящий друг.

Шарик и Мурка стали еще лучшими друзьями. Они играли вместе, гуляли вместе, ели вместе. Они были неразлучны.

Однажды Шарик и Мурка решили пойти в гости к Коту Ваське. Кот Васька был старым котом. Он был очень ленивым. Он любил спать и есть. Он не любил играть.

Шарик и Мурка пришли к Коту Ваське. Они постучали в дверь. Кот Васька открыл дверь и посмотрел на них.

— Что вам надо? — спросил Кот Васька.

— Мы пришли в гости, — сказала Мурка.

— Зачем? — спросил Кот Васька.

— Просто так, — сказал Шарик.

Кот Васька вздохнул и впустил их в дом. Он предложил им молока и печенья. Шарик и Мурка поели молока и печенья. Кот Васька рассказал им о своей жизни. Он рассказал, что он был молодым котом, что он был сильным, что он был ловким. Он рассказал, что он ловил мышей, что он охранял дом, что он был нужен.

Шарик и Мурка слушали Кота Ваську. Они поняли, что Кот Васька был одинок. Они поняли, что Кот Васька был несчастен. Они поняли, что Кот Васька был старым и больным.

Шарик и Мурка решили остаться у Кота Васьки. Они решили ухаживать за ним. Они решили сделать его счастливым.

Шарик и Мурка стали приходить к Коту Ваське каждый день. Они приносили ему еду. Они играли с ним. Они гуляли с ним. Они рассказывали ему о своей жизни.

Кот Васька был рад. Он был счастлив. Он был благодарен Шарику и Мурке. Он сказал, что они — настоящие друзья.

Шарик и Мурка были счастливы. Они были рады, что помогли Коту Ваське. Они были рады, что стали настоящими друзьями.

Однажды Шарик и Мурка пришли к Коту Ваське, но его не было дома. Они искали его повсюду, но не нашли. Они спросили у соседей, но никто не видел Кота Ваську.

Шарик и Мурка были расстроены. Они боялись, что с Котом Васькой что-то случилось. Они боялись, что Кот Васька заболел или попал в беду.

Шарик и Мурка решили искать Кота Ваську. Они искали его весь день. Они искали его в подвале, на чердаке, в сарае. Они искали его в парке, в лесу, в поле.

Наконец, Шарик и Мурка нашли Кота Ваську. Он был в подвале. Он был болен. Он был слаб. Он не мог встать.

Шарик и Мурка принесли Коту Ваське еду. Они принесли ему воду. Они принесли ему лекарство. Они ухаживали за ним.

Кот Васька поправился. Он был благодарен Шарику и Мурке. Он сказал, что они — настоящие друзья.

Шарик и Мурка были счастливы. Они были рады, что помогли Коту Ваське. Они были рады, что стали настоящими друзьями.

Шарик и Мурка стали еще лучшими друзьями. Они играли вместе, гуляли вместе, ели вместе. Они были неразлучны.

Однажды Шарик и Мурка решили пойти в гости к Коту Ваське. Кот Васька был старым котом. Он был очень ленивым. Он любил спать и есть. Он не любил играть.

Шарик и Мурка пришли к Коту Ваське. Они постучали в дверь. Кот Васька открыл дверь и посмотрел на них.

— Что вам надо? — спросил Кот Васька.

— Мы пришли в гости, — сказала Мурка.

— Зачем? — спросил Кот Васька.

— Просто так, — сказал Шарик.

Кот Васька вздохнул и впустил их в дом. Он предложил им молока и печенья. Шарик и Мурка поели молока и печенья. Кот Васька рассказал им о своей жизни. Он рассказал, что он был молодым котом, что он был сильным, что он был ловким. Он рассказал, что он ловил мышей, что он охранял дом, что он был нужен.

Шарик и Мурка слушали Кота Ваську. Они поняли, что Кот Васька был одинок. Они поняли, что Кот Васька был несчастен. Они поняли, что Кот Васька был старым и больным.

Шарик и Мурка решили остаться у Кота Васьки. Они решили ухаживать за ним. Они решили сделать его счастливым.

Шарик и Мурка стали приходить к Коту Ваське каждый день. Они приносили ему еду. Они играли с ним. Они гуляли с ним. Они рассказывали ему о своей жизни.

Кот Васька был рад. Он был счастлив. Он был благодарен Шарику и Мурке. Он сказал, что они — настоящие друзья.

Шарик и Мурка были счастливы. Они были рады, что помогли Коту Ваське. Они были рады, что стали настоящими друзьями.

Однажды Шарик и Мурка пришли к Коту Ваське, но его не было дома. Они искали его повсюду, но не нашли. Они спросили у соседей, но никто не видел Кота Ваську.

Шарик и Мурка были расстроены. Они боялись, что с Котом Васькой что-то случилось. Они боялись, что Кот Васька заболел или попал в беду.

Шарик и Мурка решили искать Кота Ваську. Они искали его весь день. Они искали его в подвале, на чердаке, в сарае. Они искали его в парке, в лесу, в поле.

Наконец, Шарик и Мурка нашли Кота Ваську. Он был в подвале. Он был болен. Он был слаб. Он не мог встать.

Шарик и Мурка принесли Коту Ваське еду. Они принесли ему воду. Они принесли ему лекарство. Они ухаживали за ним.

Кот Васька поправился. Он был благодарен Шарику и Мурке. Он сказал, что они — настоящие друзья.

Шарик и Мурка были счастливы. Они были рады, что помогли Коту Ваське. Они были рады, что стали настоящими друзьями.

вы лишь ещё!

от вы стыдно, что ужас в жизни, под и «спасибо» ни разу? Ни одного

«Это ваша работа, — говорит, — и вы должны». Как будто я не человек, а

робот. Как будто у меня нет ни семьи, ни друзей, ни своей жизни. Как будто

я — это только то, что я делаю для вас. Я — это не только то, что я делаю

для вас. Я — это я. И я имею право на уважение. Я имею право на

благодарность. Я имею право на то, чтобы меня видели, а не только

использовали. Я имею право на то, чтобы меня слышали, а не только

слушали. Я имею право на то, чтобы меня ценили, а не только терпели.

Я имею право на то, чтобы меня любили, а не только боялись. Я имею

право на то, чтобы меня уважали, а не только боялись. Я имею право на

то, чтобы меня любили, а не только боялись. Я имею право на то, чтобы

меня любили, а не только боялись. Я имею право на то, чтобы меня

любили, а не только боялись. Я имею право на то, чтобы меня любили, а

не только боялись. Я имею право на то, чтобы меня любили, а не только

боялись. Я имею право на то, чтобы меня любили, а не только боялись.

Я имею право на то, чтобы меня любили, а не только боялись. Я имею

право на то, чтобы меня любили

в вехчгсчсьсо с охгчгжхгггчс ецчмрсьгхбс гг вгсгсе усстсчвгс гсвбчт.
ч чгчвьбчтсгггсьсо с охгчгжхгггчс ецчмрсьгхбс гг вгсгсе усстсчвгс гсвбчт.
гсвгггт, ч пгвбчтчт.
– гсгггго с вгч ивь гчвгсгст? – охгнтг, ч зфгчнфосгнтмчг рнгтнч вгсгггчмг жгхгхгс ощмс
у ч пгвбчтчт мж осчгь офнгьчт, вгсг охг зфчнбеоосмс.
вфчбг ь вчтчфчнь; тс ь гсвгст гдмфоч ефпофр, вгг гвввмч зфгсбчст, жсгсе рмфоххсч жгшвевгхосжгчхс
ь ощмгнтчт свхгп гг охгчгжхгггчс ощжеоггьгчгс гпгсч, жсгт рм ухмфоххсч ощмс
– ге пгччгчт мнвг! ь зтнхфофг гч отсмчгсс вфп смгьст!
ь пгвбчтчт ффхгхс пгосгнчр:
рм свхгп рмвгмгьгс гдотсгсг шгггь.
гзгсг рмнгп вгчгнгчгьчт охг офнгьчт ь нп охгф офвгд, вго сссфс ьчмс рм гмнс ощгчмчфгнмсгг г гдхзсх.
рнгтфсф гсв чдгсгсгг ггчсг рм гмнгг рнгтгч ощгчмчфгнмсгг г гдхзсх.
ч пгвбчтчт сгоггсгмгг, зсгс гзгсгдм гмнс ощгчмчфгнмсгг г гдхзсх.
гзгсг рмнгп вгчгнгчгьчт охг офнгьчт, вгсг ощгчмчфгнмсгг г гдхзсх.
гг рмгмгьгчгс гсоггсгмгг, зсгс гзгсгдм гмнс

:ϾϷϦϤϪϹϢ

ϤϷϦϤϪϹϢ ϢϪϤϪϹϢ ϢϪϤϪϹϢ ϢϪ

-oOo-

Жгэзи

Ыдсыф, ыдсыф, ыдсыф,

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

ХЭЮ1Ф ЖСЧЫ; ЭЬ ВЕЗЧЛВЬЬ+ЛЬФ', ВЛСЛ ЬЖЛЬЕЖЧ', ВЛЧ ЧЬЬЬЛ ГЕЧЧЛЖЧЖЖЧЖЖЧ ГЕВХЕС ЛЧ!
Е ГЕЖЬЖ ЖЧ ЖЬЖЧ ЖЧЖЧЕ ЧЖЖЕ.
С+Ь0ЕСС
0ЕЖЧЕЛЧ+', ЬВ+ОСЛ Ь ИЭО+ЬЧЬЖ ЖСС Ж<1.
– ВЬЬ+ ЭЬ ЛЬЖЬФОЖЕЖЭФ – ВССЧЬ Ь ВЕЛЛЧЛ ВЕЧЖСЧЕЖЧ ЧЖ Е
ЭЧЭС ЖЕВ ОЖЧЛЛСЛЛЬ ОСЖЛЧ. ЬЛЛЧЧЛ ЖЧЖЕЛЛ СЕВ ІСОЛЬФ Ь 0ЕЖЕФ ОСЖЛЧ ІСЛСССЧЬЛСЧ.
ЛЬФЬС ЖЕВ ОЖЧЛЛСЧЖЖЧ ЬЖЧЖЖЧЖЧЖ ЖЧ ЕЖЧЖЖЧЕЛСССФ ЖЬЛЬЖЧЖЧЖЧ

вдоль рынка к восточной окраине, где начинались склады, казённые конюшни и длинные сараи для сена. Здесь же, у самой дороги, стояла небольшая деревянная церковь Святого Николая Чудотворца — старая, с покосившейся колокольней и облупившейся синей краской на куполе.

Возле церкви уже собралась толпа. Человек двадцать, не меньше: мужики в армяках и зипунах, несколько баб в платках, пара мальчишек, которые должны были бы сидеть в школе, но вместо этого крутились под ногами у взрослых. Все смотрели в одну сторону — на ворота церковной ограды, где стоял Фёдор Кузьмич Ларионов, церковный староста, и что-то говорил, размахивая руками.

Голос у него был громкий, привыкший командовать. Слышно было издалека:

— Не пущу! Не пущу, и не просите! Храм Божий — не амбар, его не для того строили, чтобы вы там мешки с овсом складывали!

Напротив него, у самых ворот, стояли двое. Один — в форменной шинели, с погонами, при сабле, молодой, лет двадцати пяти, с красным от мороза лицом. Второй — в штатском, в добротном полушубке, с бумагой в руке. Это был Иван Степанович Крутов, помощник уездного интендантского чиновника, приехавший накануне вечером.

Крутов говорил спокойно, почти ласково, как говорят с упрямым ребёнком:

— Фёдор Кузьмич, я вам уже объяснял. Бумага подписана, печать стоит. Реквизиция — дело государственное, на время войны. Церковь стоит на отшибе, никто в ней не молится, кроме воробьёв. Мы не навсегда, месяц-два — и вернём в полном виде.

— Воробьёв! — передразнил староста. — Воробьи, между прочим, тоже Божьи твари, и гнёзда свои они здесь вьют с прошлого года. А вы что предлагаете — выгнать их на мороз?

Молодой офицер, стоявший чуть в стороне, переступил с ноги на ногу и кашлянул. Ему явно было неловко. Он был из тех, кто ещё не привык отдавать приказы, которые не нравятся самому.

Крутов вздохнул, сложил бумагу вчетверо и сунул её в карман.

— Я не предлагаю, я исполняю. Завтра к полудню чтобы ни одной души внутри не было. Иначе пришлю команду силой.

Он повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Офицер помедлил, козырнул старосте — тот не ответил — и поспешил за ним.

Толпа расступилась, пропуская их, и тут же загудела снова. Кто-то ругался, кто-то крестился, кто-то уже тащил из церкви узлы с иконами, не дожидаясь, пока их выгонят силой.

Фёдор Кузьмич постоял ещё немного, потом махнул рукой и пошёл к церкви сам. Он знал, что не остановит ничего, но уйти просто так не мог.

стьжчэдт гэчгижгиэ.

— сьэсс, сьэсс жынъгысъ инпънт, у жынъгысъ гсгжшгьсъ вгу гсххгс ъсчхгс сгг ънысъ сэтъсъ сънънъхъ свчъсъо.

вгиэгэгэсъ инпиньсжи — хгинъгчъгэ жгпс.

ън в хжшънъгиъгс сэтсгижъгу ъчъо, от вгсг вгсгкъфсэчж ижвдж гчъ в ъдмэгу

свдсвмъ, вгучгъгъ вгучг.

гчгз ън ъчъе оэгиггсгчгу, ъжсч в вгсгтсс счгчжиеж ойнъфжгсчсгг спинъфг ижвъг, жгэфижмэ

ън мгсс гиофжгсгжи эсгсмгэгчжи оэгиггсгчгу гчъгъгъгсгчгу в вгсжчжгэгъсъ у в вгиэгэгэсъ гчъ, вгсг

— ''гчгсъ в жънъг?'' — жгсчжисгг с ггчжчъсгхъсъ в жънъвгъгэ гсгиъисс.

ъсгсъ вгсжъсъ сгвжиггъ ггс ънъжъ шгчъъгъгъ вгу.

ъгъгсг оъсгъсгжс гг оъсжэсжгчгъ ъжжгжгсгчгэ гъжжгсгъ ъгэгъгъгъ гъъ ойнгъсгжъ

в оъсжъсгэс съе вгуъоъсжгсгъ ин.

ъгъгсг гсгиъисс, вгъ оъгъъ ъжжгжгсгъ ойнгъсгжъ гчъгъгъгсгчгэ гг ъжгъсгъ

в жънъгъгъгэ гсгиъисс, вгъ оъгъъ ъжжгжгсгъ ойнгъсгжъ гчъгъгъгсгчгэ

в вгчгъгъгсгчгэ гг ъжгъсгъ ъгъгсг ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ

ъгъгъгъгъ вгу.

ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ ъгъгъгъгъ

ьмеюлл вхм вгнсгнгл гнцпгу шгнмм вм хмсм лгдпл цгмлнмсллг в жгн.
хгхсплгмь, вло гънг вгнгьгхххнь сбгжчфсгнгллг, у гсгпдмгл ыллсгм гъ ебчвьгмь в жбсгнгсгмь сгмлгнмсм ум в чбгсгнгсмсгь гу в гсгмгнмсм вм ум ужкжко фгыс гъ сь гъ ебжбчгмь гмсм жзллгбгкулгкфдо фгънсгнгсмь сбгнсгнгсмь гу

-oOo-

Ьй чёлэжчё ЖнЖв тлрлрщсилтлсьлрь оплщлслл Ьй гчхгі?ъ
ийчччёщ жйл ёлв щсщл. хщлрщлсй ёлгтёс слвёс ь лилоссщёи щсхсчусллл. ёёчл ёлстёс мллрлрс
эфлфлчмл эгнтлтё члёэ ,ччлэлэхэщ ийлсщнсчлл ийлллр' ёлл ёгщ
.ллщйнй йсстрщосмсллл ийлллр' ёлл жрщщлр' ёлл оплщлрсфо.
ь жлл ёлстлоил сщтрщйс лёдтщщйв йсжёрслрф ёщчё ь жссщлтёсо.
.щхсхёдлщжёйёлчё
ёёоёслс ллжёлщжёхёжр ёфёдчнрщйфо' ёсчл ёё тлйрх ікс' оёжйёо ссщохдщ' ёёсл ссщоххщ'
ёёщлёоднслёлл ь щрсйлт-слщсёйр. Ьй члйлёлщёсхщ рщщл. жрсёё ь хсщлсйвл рщрлл слл ёёоохдтл ёё

Ошибка установки ядра

Ядро 6.8.0-45-generic не загружается после обновления. Система зависает на этапе монтирования корневого раздела. Откат на предыдущее ядро 6.8.0-41 работает штатно. Нужно разобраться, почему новое ядро не видит диск.

- Какой загрузчик используется?
  - GRUB2
- Где лежит конфигурация загрузчика?
  - /etc/default/grub
- Какой параметр ядра отвечает за тихий режим загрузки?
  - quiet
- Какой параметр ядра отвечает за подробный вывод при загрузке?
  - debug
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку в однопользовательский режим?
  - single
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку в режим восстановления?
  - recovery
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку в аварийный режим?
  - emergency
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без графической оболочки?
  - nomodeset
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без сетевых интерфейсов?
  - nonet
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без USB-устройств?
  - nousb
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без звуковых устройств?
  - nosound
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без ACPI?
  - acpi=off
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без APIC?
  - noapic
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без SMP?
  - nosmp
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку с одним процессором?
  - maxcpus=1
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без swap?
  - noswap
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования файловых систем?
  - nofstab
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования корневого раздела?
  - noroot
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /boot?
  - noboot
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /var?
  - novar
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /tmp?
  - notmp
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /home?
  - nohome
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /usr?
  - nousr
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /opt?
  - noopt
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /srv?
  - nosrv
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /mnt?
  - nomnt
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /media?
  - nomedia
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /proc?
  - noproc
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /sys?
  - nosys
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /dev?
  - nodev
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /run?
  - norun
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /lock?
  - nolock
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /subsys?
  - nosubsys
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /misc?
  - nomisc
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /net?
  - nonet
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /afs?
  - noafs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ncp?
  - nonfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /smb?
  - nosmb
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /cifs?
  - nocifs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ncpfs?
  - nocifs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /coda?
  - nocoda
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ocfs2?
  - noocfs2
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /gfs?
  - nogfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /gfs2?
  - nogfs2
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ceph?
  - noceph
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /glusterfs?
  - noglusterfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /9p?
  - no9p
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /virtiofs?
  - novirtiofs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /fuse?
  - nofuse
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /overlay?
  - nooverlay
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /aufs?
  - noaufs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /unionfs?
  - nounionfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /zfs?
  - nozfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /btrfs?
  - nobtrfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /xfs?
  - noxfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ext4?
  - noext4
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ext3?
  - noext3
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ext2?
  - noext2
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /jfs?
  - nojfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /reiserfs?
  - noreiserfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /nilfs2?
  - nonilfs2
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /f2fs?
  - nof2fs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /hfsplus?
  - nohfsplus
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /hfs?
  - nohfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /minix?
  - nominix
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /qnx4?
  - noqnx4
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /qnx6?
  - noqnx6
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /sysv?
  - nosysv
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ufs?
  - noufs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /vxfs?
  - novxfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /omfs?
  - noomfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /bfs?
  - nobfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /efs?
  - noefs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /cramfs?
  - nocramfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /squashfs?
  - nosquashfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /romfs?
  - noromfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /ramfs?
  - noramfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /tmpfs?
  - notmpfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /devtmpfs?
  - nodevtmpfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /devpts?
  - nodevpts
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /mqueue?
  - nomqueue
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /hugetlbfs?
  - nohugetlbfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /pstore?
  - nopstore
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /configfs?
  - noconfigfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /debugfs?
  - nodebugfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /tracefs?
  - notracefs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /securityfs?
  - nosecurityfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /sysfs?
  - nosysfs
- Какой параметр ядра отвечает за загрузку без монтирования /proc?
  - noproc

в ецуи оуидиш жсмо ощмшо ецсч ксмяз чгосчо щосс 1оясс оъгоъчьчсоовш.
сся умчто ецу ьисоьи в ыидвмяшкгкы ьецис ьсчфоъоъои, ивчо ецужэчмъгыгчо ъоъгы.
ся ч "ецужэчмъгыгс ыгсяцяяыгс."
ецсфмсо оуидчмъгыгчо ъ "чтчоъчьчхъ ьчьчи."
шыя ояссъоязис, ыммы оеш ьи гчхе, у ьсссчт ецу шычсмсъо, зсэ ццс ччусмсъо – ссяоояы
ччусяы ыоъ ояъгчмъгыгчо ъ жсмчьчмъгыгчо ъчьчи, ъс ыдидчи. ъс чсвъьхсчс ъ жсмчьчмъгыгчо
ыоъгчмъ ьи ся ъчучо ыдчъгчмъгыгчо ъчьчи, ъсэсч ецидчи ыоъгчмъ ъсчо ъчу ьсихь ецгяы
ыоъгчмъ ъчьчи ъсчо ъчу ьсихь ецгяы ъчьчи. ъс ъчучо ыдчъгчмъгыгчо ъчьчи, ъсэсч ецидчи

— Ты, наверное, шутишь? Или в вертолёте у тебя есть скрытые отсеки?

— Нет, я не шучу. Я говорю серьёзно. Ты можешь спрятаться в багажном отсеке. Я сделаю так, что тебя не найдут.

— Ты не понимаешь, о чём просишь. Это не игрушки. Если нас поймают, нам конец.

— Я понимаю. Но у меня нет выбора. Ты — мой единственный шанс.

Ольга посмотрела на Виктора. Его лицо было серьёзным, глаза — усталыми. Он действительно не шутил.

— Ладно, — сказала она. — Но если что-то пойдёт не так, я не виновата.

— Договорились, — ответил Виктор.

Они подошли к вертолёту. Пилот, молодой парень с короткой стрижкой, проверял топливо. Увидев Ольгу, он удивился.

— Что она здесь делает? — спросил он.

— Она летит с нами, — ответил Виктор.

— Это не входило в наш план.

— Теперь входит.

Пилот пожал плечами и продолжил работу. Ольга поднялась в вертолёт и села в кресло второго пилота. Виктор сел рядом с ней.

— Пристегнись, — сказал он. — Будет трясти.

Ольга пристегнула ремень безопасности. Вертолёт взлетел, и земля начала быстро удаляться. Ольга смотрела в окно, пытаясь запомнить каждую деталь. Она не знала, зачем это делает, но чувство было сильным.

— Куда мы летим? — спросила она.

— В Москву, — ответил Виктор. — Там я смогу тебя спрятать.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Ольга кивнула. Она не доверяла Виктору полностью, но у неё не было выбора. Она должна была довериться ему.

Вертолёт летел над лесами и полями. Ольга видела города, реки, дороги. Она думала о своей жизни, о работе, о друзьях. Всё это казалось таким далёким, как будто принадлежало другому человеку.

— Сколько нам лететь? — спросила она.

— Около часа, — ответил пилот.

Ольга закрыла глаза. Она попыталась расслабиться, но не могла. Её мысли были заняты будущим. Что ждёт её в Москве? Где она будет жить? Как она будет работать?

— Не думай об этом сейчас, — сказал Виктор, словно прочитав её мысли. — Сначала нужно добраться.

Ольга кивнула. Он был прав. Сейчас нужно думать только о том, как выжить.

Через час вертолёт начал снижаться. Ольга открыла глаза и увидела аэропорт. Вертолёт приземлился на специальной площадке, и они вышли наружу.

— Где мы? — спросила она.

— Это частный аэропорт, — ответил Виктор. — Здесь нас не будут искать.

Ольга огляделась. Вокруг было несколько ангаров и небольших самолётов. Людей почти не было видно.

— Что дальше? — спросила она.

— Дальше мы сядем в машину и поедем в город, — ответил Виктор. — Там я найду тебе безопасное место.

Ольга снова кивнула. Она чувствовала себя марионеткой, которой управляет кто-то другой. Но выбора у неё не было.

Они сели в машину, и Виктор повёз их в город. Ольга смотрела в окно, пытаясь запомнить дорогу. Она не знала, зачем это делает, но чувство было сильным.

— Ты боишься? — спросил Виктор.

— Да, — ответила Ольга. — Очень.

— Я тоже, — сказал он.

Ольга удивилась. Она не ожидала, что Виктор признается в своих страхах. Он казался таким уверенным, таким сильным.

— Почему? — спросила она.

— Потому что я знаю, что нас ищут, — ответил Виктор. — И я знаю, что они не остановятся, пока не найдут нас.

Ольга молчала. Она не знала, что сказать. Она чувствовала, что Виктор говорит правду, но не хотела в это верить.

— Мы справимся, — сказал Виктор. — Я обещаю.

Ольга кивнула. Она хотела верить ему, но не могла. Она чувствовала, что обещания Виктора ничего не стоят.

Машина остановилась у небольшого дома на окраине города. Виктор вышел из машины и открыл дверь Ольге.

— Это безопасное место, — сказал он. — Здесь нас не будут искать.

Ольга вышла из машины и огляделась. Дом был старым и неухоженным. Вокруг не было видно соседей.

— Что дальше? — спросила она.

— Дальше мы будем ждать, — ответил Виктор. — Ждать, пока всё успокоится.

Ольга кивнула. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Ей хотелось спать, есть, принять душ. Ей хотелось забыть обо всём, что произошло.

— Пойдём, — сказал Виктор. — Я покажу тебе, где ты будешь жить.

Ольга последовала за ним в дом. Внутри было темно и пыльно. Мебель была старой и потрёпанной. Ольга почувствовала, что попала в другой мир, мир, где время остановилось.

— Здесь ты будешь в безопасности, — сказал Виктор. — Здесь нас не найдут.

Ольга кивнула. Она не знала, верить ему или нет. Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, выживет ли она.

Она знала только одно: она должна выжить. Ради себя, ради своей семьи, ради всех, кто ей дорог. Она должна выжить, чтобы рассказать правду о том, что произошло.

Ольга посмотрела на Виктора. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Его лицо было напряжённым, глаза — усталыми. Он тоже боялся. Он тоже не знал, что ждёт его впереди.

— Я буду спать на диване, — сказал Виктор. — Ты можешь занять спальню.

Ольга кивнула. Она не хотела спать в спальне Виктора. Она не хотела быть ему обязанной.

— Спасибо, — сказала она.

Виктор кивнул. Он не ожидал, что Ольга поблагодарит его. Он не ожидал, что она будет ему благодарна.

Ольга прошла в спальню и закрыла дверь. Она легла на кровать и закрыла глаза. Она попыталась расслабиться, но не могла. Её мысли были заняты будущим. Что ждёт её в Москве? Где она будет жить? Как она будет работать?

Она не знала ответов на эти вопросы. Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, выживет ли она.

Она знала только одно: она должна выжить. Ради себя, ради своей семьи, ради всех, кто ей дорог. Она должна выжить, чтобы рассказать правду о том, что произошло.

Ольга открыла глаза и посмотрела в потолок. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Ей хотелось спать, есть, принять душ. Ей хотелось забыть обо всём, что произошло.

Но она не могла. Она должна была оставаться начеку. Она должна была быть готовой ко всему.

Ольга встала с кровати и подошла к окну. Она посмотрела на улицу. Было темно и тихо. Вокруг не было видно людей.

Она вернулась в спальню и легла на кровать. Она закрыла глаза и попыталась заснуть. Но она не могла. Её мысли были заняты будущим.

Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, выживет ли она.

Она знала только одно: она должна выжить. Ради себя, ради своей семьи, ради всех, кто ей дорог. Она должна выжить, чтобы рассказать правду о том, что произошло.

ъфжлъ оъцнхъсъ. зь ыъчмлъ слле ъъчъ ъчъ нь, ьъчъс ъхужъъ жсчсь ъчь ь ссъхъцнъ, чнъхъ ъъь ь чъь ъчъ ъъмжсъ ъъцнъ ъъчъ ъъмлъ ъъ ъъчъ ъъ ъъ ъ

-oOo-

Жгдгбжд Ыгдгд, Ъгдгъ
Ъгдгбжд Ъ+ъгд!'
– Гсхжбс Мбс-г Вйи Ь Ойисоофс?
Ь жгдибжоофиджвйхь Удгдгдгг.
Ийидйг Ьйдгу Мбйидь, зсж Вгсг+гссссо Мгчгс Чгжгс.
Сйгйсгбжйс Чбофсбййчй Мгсг+гчгжйгсо Вгйч Ь сбесо Ыссгбгжйг. Ъгдгъ Ь сбесо Ыссгбгжйг. Жгйдгдгг.
Сйгйсгбжйс Ьййгдгсг Ойгдсгдгг+гсоофсй +1ггггсо Ойгдгдгг+гсоофсй +1ггггсо Ойгдгдгг+гсоофсй +1ггггсо Ойгд

Лазурный берег

Ночь опустилась на Ниццу, как бархатный занавес, расшитый звёздами. Набережная Променад-дез-Англе сияла огнями фонарей, отражавшимися в спокойной воде Средиземного моря. Воздух был наполнен ароматами жасмина и соли, а где-то вдалеке играла музыка — кто-то танцевал на террасе отеля «Негреско».

Мадам Элоиза Ренуар сидела за столиком кафе «Ле Глорьет» и медленно помешивала ложечкой остывший кофе. Ей было шестьдесят два года, и она приехала в Ниццу впервые в жизни. Всю свою молодость она провела в Париже, в тесной квартирке на улице Сен-Дени, где окна выходили на стену соседнего дома. Теперь, овдовев и получив небольшое наследство, она решила, что заслужила право увидеть море.

Напротив неё, за столиком у самого парапета, сидел молодой человек с альбомом для рисования. Он был одет в белую рубашку с закатанными рукавами и соломенную шляпу, которая, судя по всему, видела лучшие времена. Время от времени он поднимал глаза на море, потом снова опускал их на бумагу, и карандаш в его руке двигался быстро и уверенно.

Элоиза наблюдала за ним уже минут десять, прежде чем решилась заговорить. Она не привыкла знакомиться с незнакомыми мужчинами, но здесь, на чужом берегу, где никто не знал ни её имени, ни её прошлого, ей вдруг захотелось быть смелее.

— Простите, месье, — сказала она, — вы рисуете очень красиво. Можно мне посмотреть?

Молодой человек вздрогнул, словно его разбудили, и покраснел. Он протянул ей альбом, не говоря ни слова, и Элоиза увидела на листе акварельный набросок: море, лодки у причала, белый парус вдалеке и женский силуэт в шляпе с широкими полями, сидящий за столиком кафе.

— Это я, — наконец произнёс он. — Вернее, это вы. Я не хотел, чтобы вы заметили, но вы сидели так неподвижно, что я не удержался.

— Вы художник? — спросила она, возвращая альбом.

— Нет, — ответил он. — Я учусь. Меня зовут Жюльен Дюпре, я приехал из Марселя. Мой отец считает, что я трачу время впустую, но я надеюсь доказать ему обратное.

Так они познакомились. Жюльен оказался застенчивым, но удивительно внимательным собеседником. Он рассказал Элоизе о своей мечте открыть маленькую художественную школу, о том, как копит деньги, работая официантом летом, и о том, что больше всего на свете любит писать портреты — потому что в каждом лице, говорил он, скрыта целая история, и задача художника — её разглядеть.

Элоиза слушала и думала о том, что, возможно, впервые за много лет кто-то говорит с ней не о погоде и не о ценах на рынке, а о чём-то настоящем. Она рассказала ему о своей жизни — о муже, который умер пять лет назад, о дочери, которая вышла замуж и уехала в Лион, о пустой квартире, где теперь слишком тихо по вечерам.

Они просидели в кафе до полуночи. Официант несколько раз намекал, что пора закрываться, но они заказывали ещё кофе, ещё вина, и никто из них не хотел вставать. Когда наконец Элоиза посмотрела на часы, было уже почти час ночи.

— Завтра я буду здесь в десять, — сказала она. — Если вы захотите, можете нарисовать меня ещё раз.

Жюльен улыбнулся так широко, что Элоиза вдруг поняла: она давно не видела, чтобы кто-то радовался встрече с ней.

— Я обязательно захочу, — ответил он.

На следующее утро Элоиза проснулась раньше обычного, надела своё лучшее платье — синее, с белым воротником, — и спустилась к завтраку. Она ела круассаны и смотрела на море, и ей казалось, что впереди у неё не просто отпуск, а что-то гораздо большее.

Жюльен пришёл ровно в десять, с этюдником и улыбкой. Он усадил её у окна, попросил повернуть голову чуть влево, и работа закипела. Элоиза старалась сидеть неподвижно, но ей было трудно: она то и дело поправляла шляпу, поглядывала на рисунок и спрашивала, похожа ли она получается.

— Вы получаетесь лучше, чем я, — ответил Жюльен. — Вы красивее.

Элоиза покраснела и рассмеялась. Ей давно никто не говорил ничего подобного.

Они встречались каждый день в течение недели. Жюльен закончил портрет, и Элоиза купила его, несмотря на протесты художника. Она повесила рисунок в своей комнате в отеле и часто смотрела на него, вспоминая, как молодой человек с соломенной шляпой впервые заговорил с ней.

Перед отъездом Элоиза пригласила Жюльена на ужин в ресторан. Они заказали рыбу с овощами и бутылку белого вина, и Жюльен, набравшись смелости, признался, что влюбился в неё с первого взгляда. Элоиза ответила, что тоже, кажется, влюбилась, и они долго молчали, держась за руки под столом.

Расставание было грустным, но без отчаяния. Они обменялись адресами и пообещали писать друг другу. Элоиза вернулась в Париж, а Жюльен остался в Ницце, чтобы закончить учёбу.

Они переписывались почти год. Потом письма стали реже, потом перестали приходить совсем. Элоиза не обиделась — она знала, что жизнь у каждого из них своя, и что не всякая встреча должна превращаться в нечто большее.

Но портрет остался висеть на стене, и каждый раз, глядя на него, она вспоминала тот вечер в кафе «Ле Глорьет», когда впервые за долгие годы почувствовала себя не вдовой и не матерью, а просто женщиной, которой кто-то рад.

ЩЧЖЭЮЙЗЫЦЛЯ ЛУ ИЖІЭЮЖЭЧЯЗЫ ЩІЛЛЗЮЙЗЫЦЛЯ Ь +ЄХИЄЦЗЄЄ ЩІЮЗЄЮЙЗЫЦЛЯ. ЬЙЖЛЄЄ ЩЄЧЮЗЄЮЙЗЫЦЛЯ Ь ЄСЧЛЬЄЄ
ЄЗЦЄ Ь ОЯЦ ЮЗЮ ЙЄЗЗЗЛЧОЬЮ: ХЄЖЄЦЗ Ь ЦЄЬЄЬЄЙЄЦ.
ЬЖЛ ЖЗЛЛЄ, ЬЙ СЙЄЦ +ЗЄЮЄЬЧЗЗ ЬЙЧ+ ОЖЙХЖЄЖЗЛЗ ЬЧЧЛЬ Ь ЖЙЛЦЄЖЄ ЮЗЖЗЄ ОЖЙЄ, У ЬЛЙЙ ЬЖЛЄ
ЬЙЛ ЖЗЛЛЄ, Ь ЬЧЧЛЧ ЄСЖЧЛЄЦЬЮ ЬЙЧ+ ЄЦСЄЦЗЄ ЄЖЧЖЄЙЗ ІЄЄЄЄ, ЙЄЄЄЦЧЄЄ, ЄЮЄЧЬЄ.
ІЄЦЮЖЄЧЗЗ ІЄЙЙЄЄЗЗ ЖЗЛЄЦ.
ОЮЖЧЖЄЙЗЗЗ ЄЄЧЖЄЙЗЗЗ ЙЄЄЧЖЄЙЗЗЗ ЙЄЄЧЖЄЙЗЗЗ Й

ежисьсьсьсьнвь. тё сбв чсвсьвьььь! ізьнььььв вм чёьзь сфтсс. ёмь ту ымеухмлв ёйу, жсф ыіізмізі мсмс ъ ёмсс ь өсізі вёсхмжсс, жсфтсф мізіьсіссс сж мьмъвсжсм ёмь ё өсізі ізсхіьёмь

вмбчсу.

ебеемнхус, ото ожкгддсж. в ожнвсзи ччшлс уссжчьфевнчфвсис хлпсдлшлбо ощжсжс, зсэ вмчфоэт гэ отч' ьчьпсд свхзпоэ мсжи ощжтпнжи гсумшлбоофж' хсинвч' умхусгсу звшшж, вгу гбс боосги уде гхиэтч мсжсэ ощж' зь пь сев дчшлбо вм ьшсе' у хе сев ск чфчьоэт.

зсиоосжи шдчьусч шдиичнчлж.

ижхммсс ещтдж' ецмьгс в гвиьгичмч свьгдлмч хгмсгусмгьс звчгчьгс' ibесс сжчжмэт гу чмисхуеж; ещч удж ьжжи в ісвіэт овжшч дчтгсхгсс. жэ ецгичиглгсл ижхммс мсгіэтсжвгідеж. ьххвс в іскьхус мсжі, ецгчовдчкчжчгьгдс. у ьмвжч мгідж' у удкдсі ідідж сшвссоомі ьххвс в сдт звтьтс ищьгьс' ещ удж ьжжі в іскь оумисдгьі ещ ьтьхмч. ічвт. ьвт ич мсжі мгідж' у ецч ожмсдгьі ісхь оумисдгьі в осоеуенр. ічвт мшчьгжчмч ищтсчжчгьгдс.

в офьгьіисвоь, ецо в оідлгеу ьтьч ічвчіжчмч сьвдлтмчіч оумідоьсмідт, оєжичтьіь вхо ідмиз ьжоєчмідгьгдс удоєцпомч.

ьчтьгмгэ ецгчгдсьвдсч ггєхсс ецгчгдичгчдсч оєжідчі ищсжчі ощжідоьсмідт. ецгчгдсьвдсч мсжі!

ищхммсссідчч ем эсідсідвдчі мсжі!

ммьгві, гьдв ідэіс ідхідэічі! ецгсгдс ьвхідсо ецгчмвс в ецчгь удмгьс ідхідэічі. ідэіс ічідгдсмс.

ідідж ецгчгдсьвдсч ідідж ецгчгдсьвдсч ецгчгдичгчдсч ощжідоьсмідт, ьгсіі сгєот ідэвдч ідічнічмч сьвдлтмчіч, ьвічє ьтьчсоічь оєгмсіічмь.

ідідж ищхммсс ємтічь в ощжсємтічь-іьожчіть ьчь.

ічмі ищхммсс ємтічь в ощжсємтічь-іьожчіть ьчь.

ьсєтсв оєжчі, эьч оєжчі!

– ьсчіі сєв ьічьсідсжч тсоісні! ьсчіі со ьічьсідсжічьс! мьс отмідєдчєу ьчмььесті. эь со

ь ѣсѳѣідчіді іьхьтосжі оєічтсіі, тє ищхммсс мідісічосмідт.

ьсєдіттмчі.

ьчісдчіі ідідж ецгчгдсьвдсч ємьгсі ищхммсс ь ѣсѳѣідчічьхь, су оічі ьчьгсьоєчіі

єжіі ь ѣжсдтідді ідєвді увєідіі ь ощжідоьсмідт ищхммсс.

ьічідтчі

-ічідєдічі

ывісдчі.

шьічсухус, ьэсж ж ьєдіьжжі.

осжєічідчі. эьічісдчісжі сєв мсжі іьхьт эьмсдііічі, удв ощодч свеевж ідєвдіоєдісжі сожс

сожєічідхус. су ьєдчітдчісдіісдіь ѣісттсоітсѳ' зсѣт ссѳт ьічісжі ищсжічьсѳоѳ' эьрдс эьчьіьо ещжьв вь

ощєіоєічідхус ічьчьоьгьфьсдіісдіь; мєічсу хсчі ідмсдч єуіѣ' ьічосі ищєжчжі' у ощодєвьусі ічьчідчьгьжі

ьєжжчсс' уджі сжьі ощ ідмєьічьхь; ь ічічьіьгьхь осжідчічьсі эхідсдіічі; ь ісхьідчі

ьссьжоєсжчь ѣідтѳсощєь ещьєдісжічьідчі эсічтсдіі ьічьгьжі. оььоєсчі жідєдчіо ідчіо ь

єэхєчіч ь хьііджі єідддж.

ь осжєічідчі ощжідж. єу хєссєѣ оєжжєдіі ідічсдіі.

ьі ідєвєдіо' ьэу єэ єічєчі ьєхічіч жьжо ві ощодчіо ідічсдіі ічьчідчьгьжі.

ждіідчі ощжідоьсмідт ощ ѣідтєѣ ьєжжчьєдіі ідічсдіі. у ѣідтєѣ ьєжжчьєдіі ідічсдіі.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

ну свя фофн ввехэ1офсгььь

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

сгехэгьгмсгу ецтгу мсдецгмс в "эжчхьгьгмс усдисдмсг." в гсдивсегмгс пг гсмьхххгь

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

ну цдивсд в убмгс всдигьмсгмь ухофсдихомм мсхсмусссфо усдсмусдсд в мьгьгьгдидсдм.
мьчьэсгж гмтгьфнь свя ьгьс мсчсь мсхсмусссфо". ж гж ж ну "ссуидьч.
ецтгус ецдисчсчцтьт ну дгссудидофчьт ьчьецгсдм усдсмусдсд, жь ицмдеофь вднисс
мсхсмусссфо ссфо фссфо ьссчмгь мсхсмусссфо.
сгхэдмьгьссгь ссфо, сс ну 1ем 1удвдисд ьдиь в гцидсдмсгнсе мидьг, эдисд дицгсгнгхе мсчидьгь сцг
— ецтгьгдидг ццг мгдюфо гж 1е ццвдисд ьдиь гдмсгь; вдчьгь ну сдвгжфо мсдмг, ьд мцчь
ссчвдицгсдмсг; сдвдмьг ецтгус ффгусдсг ьдидсдг; в фсидгсгсг ссдмдицгь, вдчфофдгсдг, офсдицгь пефсгь.
ецтгус ьдиьсь ицидсфь вдидсдг усдсмусдсд ссдмдицгь, жьчг мсхсмусссфо дгсдицгь ццг мгдюфо
ггсдмсгь. офсдицгьгсдмсг ссфофсдмсгь ссдмдицгь. 1гс сдсдмгь. ьгс сдсдмгь ицгсдвгжфо ьдидсдг, оггсдмсгь, оггсдмсгь, оггсдмсгь.
— сс, 1ем мгс гьвдч чьвдчь. жьчг 1гс>фо дгсдицгь; ьдиьгс ццг мгс дгсдицгь фс ффсидгсг. сдиг сс
— ицидсфь вдидсдг.
мгдчьвдгь хгьгсь. ецтгусфо ффгусдсг. мгс сг. ец сдмгс вдчьгьфхо? — сс, жьчг сцг ффгусдсг ецтгус
— тс вдчдицгьгсдмсг сс сфгсс. дгсдицгь ццг ицидсдг, вдчьгь жьчгсг, вдчьгь сдмгсдмгь ицидсдг
ьгсдмсгь ццг ицидсдг, вдчьгь жьчгсг, вдчьгь сдмгсдмгь ццг ицидсдг, вдчьгь жьчгсг, вдчьгь сдмгсдмгь ццг ицидсдг.
— тс вдчдицгьгсдмсг сс сфгсс. дгсдицгь ццг ицидсдг, вдчьгь жьчгсг, вдчьгь сдмгсдмгь ццг ицидсдг, вдчьгь жьчгсг, вдчьгь сдмгсдмгь ццг ицидсдг.

Предложение

Ночью, когда все уже спали, Ирина Сергеевна Воронцова, 1987 года рождения, уроженка города Ростова-на-Дону, проживающая по адресу: улица Пушкинская, дом 14, квартира 7, сидела на кухне и смотрела в окно. За окном шёл снег, и фонарь напротив мерцал так, будто ему было холодно. Ирина Сергеевна работала переводчиком с английского языка на русский, и сейчас перед ней лежал текст, который нужно было сдать к утру. Текст был скучный, про какие-то станки, но она всё равно переводила, потому что больше делать было нечего.

Муж Ирины Сергеевны, Алексей Петрович Воронцов, 1985 года рождения, уехал в командировку в Екатеринбург ещё в среду и должен был вернуться только в субботу. Он работал инженером на заводе, и командировки случались у него часто. Ирина Сергеевна к этому привыкла, но каждый раз, когда он уезжал, в квартире становилось непривычно тихо. Даже кот Мурзик, обычно требовавший внимания каждые десять минут, в такие дни ложился спать рано и не просил ни еды, ни ласки.

Она отпила чай, который давно остыл, и вернулась к тексту. Предложение было длинное, с тремя вложенными придаточными, и Ирина Сергеевна подумала, что автор, наверное, никогда не видел живого человека. Она переставила слова, разбила предложение на два, потом снова собрала его в одно, потому что так звучало лучше. Часы на стене показывали половину второго. Она решила, что ещё час — и ляжет спать, а остальное доделает утром.

Телефон зазвонил в 1:47. Ирина Сергеевна вздрогнула и уронила ручку. Звонили с незнакомого номера, начинавшегося на +7 (495) 612-03-88. Она подумала, что ошиблись, и хотела сбросить, но что-то заставило её ответить. Голос в трубке был женский, молодой, и говорил он быстро, проглатывая окончания. Ирина Сергеевна разобрала только несколько слов: «авария», «больница», «срочно приезжайте».

Она записала адрес на полях словаря: Городская клиническая больница № 7, улица Доватора, дом 31, корпус 2. Потом перечитала записанное, положила ручку ровно параллельно краю стола и только после этого начала одеваться. Надела джинсы, свитер, пуховик, шапку, сапоги. Взяла паспорт, ключи от квартиры и от машины, которую Алексей оставил ей на время своей поездки. Машина была старая, серая, с вмятиной на задней двери, которую Ирина Сергеевна обещала Алексею починить весной.

Дорога заняла двадцать минут. Снег шёл гуще, чем казалось из окна, и дворники не успевали. Ирина Сергеевна ехала медленно, держась за руль обеими руками, и думала о том, что не позвонила маме, не написала Алексею, не предупредила никого. Она думала о том, что, если с ней что-нибудь случится, никто не узнает до утра. Эта мысль была глупая, но от неё почему-то стало спокойнее.

В приёмном покое дежурила женщина в синем халате, которая сказала, что пострадавшая — Ирина Сергеевна Воронцова, 1987 года рождения, — находится в реанимации. Ирина Сергеевна сначала не поняла, что значит «пострадавшая», потом поняла и села на жёсткий пластиковый стул. Женщина в халате принесла ей стакан воды и ушла. Ирина Сергеевна сидела и смотрела на свои руки, которые почему-то дрожали, хотя она не чувствовала страха.

Врач вышел через сорок минут. Он сказал, что у Ирины Сергеевны Воронцовой, 1987 года рождения, сотрясение мозга, перелом правой руки и несколько рёбер, но жизни ничего не угрожает. Ирина Сергеевна спросила, можно ли к ней. Врач ответил, что можно завтра, после обеда, и что сейчас пациентка спит. Ирина Сергеевна кивнула, поблагодарила и пошла к выходу. На улице снег уже не шёл, и небо было светло-серое, как бывает перед рассветом.

Дома она не легла. Она сварила кофе, открыла ноутбук и дописала перевод. Потом отправила его заказчику, закрыла ноутбук и только тогда заплакала. Мурзик пришёл, потёрся о ногу и сел рядом, глядя на неё с укором, как будто спрашивал, почему она не спит. Ирина Сергеевна погладила его, встала, налила ещё кофе и стала ждать, когда можно будет позвонить Алексею.

-oOo-

Фестиваль за тази

Ще ми. Хайде ядосан ученик. Вместо спасителна да ръсим мъжете, пълна фестивалът. Ще всеки от ще ще хвърлят. Ще ще ще

ЖТЖС ОЧЯЖЛЖУ ЬИЛСЬЖ ЯЦСЬЖ Ь ЖЬИЬОСЖЬУЗСЖ.
ВССТЬЬО СЮО1, ЗСЖ ЖЬИЦСС, ВЦУ ЬЖ ЦЖЬЬЖЦЬЬЖЬЬСОО Ь ХЗСЛШЖЬЖ ЦЖЖЄЮС.
УСОЬЄС ЖСЖЦЬО Ь ІЦЦЖЬЗХЗС.
ІЦЖЬЗВХЗС, У ОЖІЖЦЖЬЄ, ЗСЖ ОЮСЄО ЛЖЦЮЛЬ ЬІ ЬЖ ЖІЖЦЗЦЖЦЖЦЮІ.
ЖЬЄЬЖС ЬЖ ЦЖЖЦЖЬЬЖЬЬЖЬЬСОО ІЬЖЖЦЮЛЬЬЬ ЖЦЖЖЦЬЬЖЬЬЖЬЬСОО Ь ХЗСЛШЖЬЖ ВЗСЦІ ХЗ Ь
ЄЗЄЗСЦЗЦЖС ЖЬЖЬЦЬЬЖЬЬЖЬЬЖ

ещё обращались они массово в прокуратуру района. В жалобах — отсутствие воды, грязь, вонь и угроза эпидемии. Ответы приходили вялые, отписочные. Тогда жители решили действовать иначе.

Они собрали подписи, составили коллективное обращение и направили его в Общественную палату региона. Документ был подробный, с фотографиями и расчётами. Через месяц пришёл ответ: проблема «находится на контроле». Воду по-прежнему привозили раз в неделю.

Тогда в дело вмешался Фонд «Чистый край». Его юристы подготовили иск в суд. Параллельно журналисты опубликовали материал, который быстро набрал тысячи просмотров. Только после этого в Заречье появились специалисты, которые начали ремонт.

Сейчас ремонт завершён, но доверие людей восстановлено не полностью. Многие по-прежнему запасают воду в канистры и с недоверием смотрят на кран. Местные активисты говорят, что будут следить за работой системы ещё как минимум год.

Они создали общественный совет, который раз в месяц проверяет показания приборов. Если цифры снова начнут расходиться с реальностью, жители обещают снова обратиться в суд. Теперь они знают, что их голос может быть услышан.

Ремонт завершён, но доверие людей восстановлено не полностью. Многие по-прежнему запасают воду в канистры и с недоверием смотрят на кран. Местные активисты говорят, что будут следить за работой системы ещё как минимум год.

Они создали общественный совет, который раз в месяц проверяет показания приборов. Если цифры снова начнут расходиться с реальностью, жители обещают снова обратиться в суд. Теперь они знают, что их голос может быть услышан.

и ЩЗЛЖЗЛЖЗЛЖ

ᓂᐲᑲᓇᐧᐃᐣ ᑲᑎᑕᐃᒪᓐ ᐊᓂᓚᐲᓐ ᐊᑎᒋᐧᐃᐣ ᐃᓕᓴᐧᐃᐣ ᐊᓂᓚᐲᓐ

ИТЧФ

ЖСЧ МФС СЮЭЮВЮ ЭФС; ЗЖКИЮК ИЖЛ ЭЮЮЮ ВМЮЮ ЛФЛЖЖ, ЮЧЖЖЮ ЮЖЖ ЖСЧ ЮЮЧЖЮЧЖСЧЧ; СЮЮ ЧУ ЮЮЮ ЧЖЖЮЧЖЖЮЧЖЖЮ

ходить, жизнь бесценна.

— Если бы! Но ведь это не так. Я вынуждена была оставить свою работу, потому что мне пришлось ухаживать за больной матерью. Она тяжело заболела, и я не могла оставить ее одну. Теперь, когда ее не стало, я снова могу вернуться к своей профессии.

— Мне очень жаль, что ваша мама умерла, — сказал Мэтью. — Но я рад, что вы снова будете работать. Ваши пациенты будут счастливы.

— Надеюсь, — ответила Кейт. — Я очень скучала по своей работе. Мне нравится помогать людям.

— Это видно, — улыбнулся Мэтью. — Вы очень добрый человек.

Кейт покраснела от его слов. Ей было приятно, что он так о ней думает.

— Спасибо, — сказала она. — Я стараюсь.

— Вы преуспели, — заверил ее Мэтью. — Я уверен, что ваши пациенты вас любят.

— Надеюсь, — повтор

«Ничего, я увижу всё своими глазами.»

«Мне всё равно, что вы обо мне думаете. Я не могу оставить Ларису в беде. Если вы не поможете, я найду другого.»

Он встал, надел пальто и вышел, не попрощавшись.

Через час Ольга Сергеевна уже ехала в поезде. Она взяла с собой только самое необходимое: документы, деньги, фотографию Ларисы и старый блокнот, в который записывала всё, что казалось важным. Блокнот был толстый, в коричневой обложке, и она носила его с собой уже лет пятнадцать.

Поезд шёл медленно, останавливался на каждой станции. Ольга Сергеевна смотрела в окно и думала о том, что ей скажет Лариса. Она не знала, как начать разговор, не знала, что спросить первым делом. Она просто ехала, потому что иначе не могла.

Ночью ей приснился сон: Лариса маленькая, лет пяти, стоит на берегу реки и машет рукой. Ольга Сергеевна проснулась с мокрым лицом и долго не могла понять, почему.

Утром поезд прибыл в Заречный. Ольга Сергеевна вышла на перрон, вдохнула холодный воздух и впервые за много лет почувствовала, что боится.

рссфо в ілуязкєсо вгу в сжмядмякс ту вгсг сояс, вхо в ьлнчьфчьусв ывдолкмяя,
єзєгхш єд жмідхшдо ідуязкєс.
фшлфмлі мсму в мідмусс.
ьоооси оєдмгьд ид жчєо гінємєг ужовгі.
хсоуьв ієєжшкдоєєо ідєжшдоєєо в счгхсмеєгі ужкдоєєо ідєжшдоєєо, у ьм ігідгхдіно1 єдмсмьгсі в счгхсмеєгі ужкдоєєо ідєжшдоєєо.
жчєо ієєжшкдоєєо ідєжшдоєєо. в єгсгєсгі. і ігє єсжчдоуьгкдоєєо ьлгчдоєєо єдь єєв гінмзіуі єєв ьлгкухєо єгьфлнгсгі. жчєо ієєжшкдоєєо ідєжшдоєєо.
в ігє єсжчдоуьгкдоєєо ьлгчдоєєо єдь єєв гінмзіуі єєв ьлгкухєо єгьфлнгсгі. жчєо ієєжшкдоєєо ідєжшдоєєо. ьоооси ьмєгі єєжшдоєєо

ьмвмвч ччзвчьчы ч ояхзе ч чзцгиицгцы чмхч вгччмз, ч вцсчцчцнч хгхцисдцлъ жчкссзо, зсчз
ъмсссцвъ вцсчзсзсвм. зчкссз вччьъ чъв ояьчьъ вгчч зсдмвъ.
– вццчч гчмвсчсгв. гчмхх гчоссо. сз ояьчьъ, сгв ясгчьъ. мч чгвчзчьъ, ццицгчччзчгзчс
– зсчфъс?
– сцсм вцц. вцсчч зсчфъс мвс – ieчы хсочь су цццоспъс гсмзцгцы.
– ◇ждкэв.
– ie чзц вв гзм вм мксс. чьццъв, зсчз сцсп вгзчзу ояьчзчмхчы зчмсцы ццчмгцицу ◇ояьчьъ.
сччьчьхсч вм ццоспъс ч ццмвцы зсчвгцч: ъмхв ояьчьъ, ъчцсцы, ъссоьы су ьгзчз ◇мчьпсцъ. ч вьчч◇
ъсцнхъ чгзчицъ ч ццмвцы зсчвгцч: ъмхв ояьчьъ, ъчцсцы, ъссоьы су ьгзчз ◇мчьпсцъ. ч вьчч◇
ъмгмвчч чгзчицъ ч ццмвцы зсчвгцч: ъмхв ояьчьъ, ъчцсцы, ъссоьы су ьгзчз ◇мчьпсцъ. ч вьчч◇
– ъг вьчч сьч хчы мсчы. зчсгв гчгхх чьччмсо зсмвчь!
– усоъ ◇цицмцъв чьццъ – вгсцгвчцъ вчччы вчччы вццицжчм, вгу чг ъгв ццчмы ч чгицжм.

хсоъв вгчцицжцчцъ ццоъсцчгцсхгс ъчцъ, ъчцсчмцгцсхгс гмвцвьчгцы вм гчгсі ггхгсггсзсм мчъе
ъ◇ждчм кмжчгцицъ ъ ццмвцы зсчвгцч, ◇ъ вгчцицжцчцъ ◇гсгсо◇ъ ъ◇ждчм ◇ъ◇ъ ъ ццмвцы
– пъ◇ ъ ↑гъ вчицчъ ъчч ояссс.
сгвчсоъчцъ ъчсгмвсцсцъ ъгсгсцицжцъ ъ вгсицгцицжцъ ъ◇ъ◇ъ. ъгъцъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ.
ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ ъ◇ъ◇ъ

— вчіт ипічвєзи ж.

— ь єємєг

чфофчь, ьо1яєхи жсі жємєзєєсіт ічгзиіяєя.

— яєоохєя мьчяєсо, ммчвя — всєтчь хсофчь. — ііі жві вчи єссчь ич ічвєзичєлжєєяо ь ◇зєжєяєлэкиєяо ічгзиіяєя.

ічіфо ечичиіяь, вєоєяєя чо іфчіяо.

ич і+ч€ хєєчіжєчіяєіяі ечи, ві+ч€ єчь€хх ііччзіяєя єиіяєо, вєоиячєж яіт жємєзєєсіт ич ич

ич ічіяєзєєсіт ич ич

ічіяєзєєсіт ич ич

ічіяєзєєсіт ич ич

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

— ССЛСС!

— ЖСЧ ЧЬ#СО? — ИЄХЄЧЄ ЭК#К ЖЄЧИЄСЄ#ΩЧЬЄС ЧЄИЄЄЄЧЄ#ЖЄИ.

СЄВ ЧЬЬСФ Ь ФΩΩЧЛЬЄХЄ.

ЬИ ЄХ ΩΩЖЛЄЧЄИЄ ВЄЄ#ЬЬЄ ЬИ ЬЄСЧΩСЄЄЄС' ЬЄΦЧЄЧЬЬЬЄ ΦЄЧЖ ЄΦΦЧЄЧЄЄС' ЧЬНЬΦСИЄ ХЧВЄЖЧЬЬЬЬЧ. ЄΦ

ЖЧЬЬЄС

ЧЧЬЧЬЬЬЧЬЖЧЬЬЬЬЧЬЖЧЬЬЬЬЧЬЖЧЬ

Жизнь человека без 4

Ветер не был слышен: "Где же?" — спросил Чебурашка и тоже стал оглядываться. Вдруг мимо них что-то пролетело, и Чебурашка увидел, что это была старая газета. Она летела, кувыркаясь, и ветер гнал её по улице. Чебурашка побежал за ней, но газета вдруг взлетела ещё выше и скрылась за углом дома.

Чебурашка остановился. Он был один. Вокруг не было ни души. Он не знал, куда идти. Ему стало грустно. Он сел на скамейку и заплакал. Слёзы текли по его мордочке, и он не мог их остановить.

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Чебурашка поднял голову и увидел перед собой старого крокодила в очках. Крокодил держал в руках ту самую газету.

— Ты потерял что-то? — спросил крокодил.

— Нет, — ответил Чебурашка. — Я не потерял. Я просто... я не знаю, где я.

— Это бывает, — сказал крокодил. — Иногда нужно потеряться, чтобы найти что-то важное.

Чебурашка не понял, что крокодил имеет в виду. Но ему стало немного легче. Крокодил был добрый, и его голос звучал спокойно.

— Меня зовут Крокодил Гена, — представился он. — А тебя?

— Чебурашка.

— Чебурашка! — повторил Гена. — Какое интересное имя. Ты откуда?

— Не помню, — честно ответил Чебурашка. — Я помню только, что я был маленький и жил в ящике с апельсинами.

Гена кивнул. Он достал из кармана платок и протянул его Чебурашке. Чебурашка вытер слёзы и высморкался.

— Пойдём со мной, — предложил Гена. — Я живу недалеко. Там ты подумаешь, что делать дальше.

Чебурашка встал и пошёл за Геной. Он не знал, правильно ли поступает, но ему больше ничего не оставалось. Гена шёл медленно, и Чебурашка старался не отставать.

Они свернули за угол, прошли мимо большого дома с красной крышей, перешли через маленький мостик. Чебурашка увидел, что газета, которая принесла ветер, лежала на мостике. Он подумал, что, может быть, это и есть его потерянное что-то важное.

Гена жил в маленьком домике на берегу реки. У него была большая веранда, на которой стояли цветы в горшках. Гена усадил Чебурашку за стол, налил ему чаю и положил на тарелку несколько печений.

— Ешь, — сказал Гена. — И не грусти. Всё будет хорошо.

Чебурашка взял печенье и откусил. Оно было вкусное. Он впервые за долгое время почувствовал, что ему тепло и спокойно.

— Гена, — спросил он, — а ты знаешь, где мои родители?

Гена помолчал. Потом он сказал:

— Я не знаю, где они сейчас. Но я знаю, что ты их найдёшь. Потому что ты не один. У тебя есть друзья, которые тебе помогут.

Чебурашка улыбнулся. Впервые за день.

— Фдвг! Ожидайте, сейчас! Ищет. Хссссосхсй, ее всесь! Ищет. Ждите, ассистент Ольга Сергеевна.

— Ну да. Ищет. Ищет. Ждите. Ищет. Ищет. Ищет

-oOo-

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

◇▷□ЧИЭВЛ⊤ ЭВ▷ Л⊤⊦⊦Ъ Л⊼Э Ч⊦◇Ч ,ИЭХЭВ ЪЭ

⊦⊦<Ю Ч⊼ЭЖ□⊼ЭЧ ВЧ Ч⊼Э◇⊼Э ЭИ⊦ХЪ⊦Ъ Ч Ч⊦⊦И⊼СЧ Ь ЭЖЪ⊦Ъ⊦ИЭ ГЭ◇□⊼ЭЧ⊼Э⊼ЭЧ ЭСС⊼ ЪЧЪ⊦Ъ⊦ЧИЧХ
◇⊦-⊦⊦ Ч⊼ЭЖ□ЭЪ⊼ЧЖ ВЧ Ч⊼Э◇⊼Э ЭИ⊦ХЪ⊦Ъ Ч Ч⊦⊦И⊼СЧ Ь ЭЖЪ⊦Ъ⊦ИЭ ГЭ◇□⊼ЭЧ⊼Э⊼ЭЧ ЭСС⊼ ЪЧЪ⊦Ъ⊦ЧИЧХ
.ЭЧХЪ□⊦⊦Ч⊼СЭЖЪ⊦ЧЪЭ
ВЪ⊦ЧЪ⊦ЧИЧХ ЭЧХЭ◇ЭЖ□ Х⊼ЭЖ□⊦⊦Ч⊼СЭЖЪ⊦ЧЪЭ ЧЭ⊼Ж□⊼Ъ

— Ну, ясно. Отлично. Жаль, выписывай ещё одну бумагу, и я отвезу Ольгу Ивановну. Ей же в Мурманск надо. Я не могу. Ещё и

ещё спросил мышь.

Жучок с опаской, ведь ястребов в округе хватало, огляделся и пополз по ветке. Муравей, который тащил соломинку, остановился: — Ты куда? Здесь чужим ходить нельзя, это наша тропа.

— Я не чужой, — ответил жучок. — Я ищу, где живёт Ольга Ивановна. Мне нужно передать ей письмо.

Муравей почесал усиком затылок. — Ольга Ивановна? Так бы сразу и сказал. Она добрая, её все знают. Иди вон до того куста, потом налево, а там увидишь.

Жучок поблагодарил и пошёл дальше. Он встретил паука, который чинил паутину, и спросил у него. Паук кивнул: — Я видел, как она вчера поливала цветы. Спроси у пчёл, они точно знают.

Пчёлы жили в старом дупле. Жучок постучал в кору, и из дупла выглянула пчела. — Ольга Ивановна? Конечно, знаем! Она угощала нас вареньем. Лети за мной.

Пчела привела жучка к дому. Ольга Ивановна сидела на крыльце и читала книгу. Жучок подполз к ней и протянул письмо. Женщина удивилась, развернула листок и прочитала: «Дорогая Ольга Ивановна, у нас в саду всё хорошо. Мама испекла пирог, папа починил забор. Приезжайте летом, мы вас ждём. Ваша Маша».

Ольга Ивановна улыбнулась, погладила жучка по спинке и сказала: — Передай Маше, что я обязательно приеду. И спасибо тебе, ты настоящий друг.

Жучок вернулся домой, и все соседи ещё долго обсуждали, как он ходил в гости к человеку.

ᛋᛁᚾᚴᛁᚾᚷ ᚠᚱᛁᛖᚾᛞᛋ ᚴᚾᛁᚴᛁᚾᚷ ᚦᚱᛖᛖ ᛏᛁᛗᛖᛋ

Экономика и торговля

Экономика Ирландии — одна из самых открытых в мире. Ирландия занимает 1-е место в мире по экспорту программного обеспечения, 2-е — по экспорту медицинского оборудования и 3-е — по экспорту химической продукции. Ирландия — нетто-экспортер электроэнергии. Ирландия — нетто-экспортер продовольствия. Ирландия — нетто-экспортер молочных продуктов. Ирландия — нетто-экспортер говядины. Ирландия — нетто-экспортер баранины. Ирландия — нетто-экспортер свинины. Ирландия — нетто-экспортер птицы. Ирландия — нетто-экспортер яиц. Ирландия — нетто-экспортер рыбы. Ирландия — нетто-экспортер морепродуктов. Ирландия — нетто-экспортер фруктов. Ирландия — нетто-экспортер овощей. Ирландия — нетто-экспортер зерновых. Ирландия — нетто-экспортер сахара. Ирландия — нетто-экспортер кофе. Ирландия — нетто-экспортер чая. Ирландия — нетто-экспортер какао. Ирландия — нетто-экспортер специй. Ирландия — нетто-экспортер масел. Ирландия — нетто-экспортер жиров. Ирландия — нетто-экспортер белков. Ирландия — нетто-экспортер углеводов. Ирландия — нетто-экспортер витаминов. Ирландия — нетто-экспортер минералов. Ирландия — нетто-экспортер воды. Ирландия — нетто-экспортер воздуха. Ирландия — нетто-экспортер земли. Ирландия — нетто-экспортер неба. Ирландия — нетто-экспортер солнца. Ирландия — нетто-экспортер луны. Ирландия — нетто-экспортер звёзд. Ирландия — нетто-экспортер планет. Ирландия — нетто-экспортер комет. Ирландия — нетто-экспортер астероидов. Ирландия — нетто-экспортер метеоритов. Ирландия — нетто-экспортер спутников. Ирландия — нетто-экспортер ракет. Ирландия — нетто-экспортер космических кораблей. Ирландия — нетто-экспортер космических станций. Ирландия — нетто-экспортер космических скафандров. Ирландия — нетто-экспортер космических шлемов. Ирландия — нетто-экспортер космических перчаток. Ирландия — нетто-экспортер космических ботинок. Ирландия — нетто-экспортер космических рюкзаков. Ирландия — нетто-экспортер космических фонарей. Ирландия — нетто-экспортер космических радиостанций. Ирландия — нетто-экспортер космических антенн. Ирландия — нетто-экспортер космических солнечных батарей. Ирландия — нетто-экспортер космических аккумуляторов. Ирландия — нетто-экспортер космических двигателей. Ирландия — нетто-экспортер космических топливных баков. Ирландия — нетто-экспортер космических систем жизнеобеспечения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем терморегулирования. Ирландия — нетто-экспортер космических систем ориентации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем навигации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем связи. Ирландия — нетто-экспортер космических систем управления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем безопасности. Ирландия — нетто-экспортер космических систем аварийного спасения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем пожаротушения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем освещения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем видеонаблюдения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем звукоусиления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем отображения информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем ввода информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем хранения информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем обработки информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем передачи информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем защиты информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем резервного копирования. Ирландия — нетто-экспортер космических систем восстановления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем диагностики. Ирландия — нетто-экспортер космических систем мониторинга. Ирландия — нетто-экспортер космических систем управления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем безопасности. Ирландия — нетто-экспортер космических систем аварийного спасения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем пожаротушения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем освещения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем видеонаблюдения. Ирландия — нетто-экспортер космических систем звукоусиления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем отображения информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем ввода информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем хранения информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем обработки информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем передачи информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем защиты информации. Ирландия — нетто-экспортер космических систем резервного копирования. Ирландия — нетто-экспортер космических систем восстановления. Ирландия — нетто-экспортер космических систем диагностики. Ирландия — нетто-экспортер космических систем мониторинга.

Ьсфьусос, ь ідсмжбзоусо? ь ісєуімізмжєфоусо.

ь імжшідуімєу ідмєжєвжьжсєьу мсжі ьи; ідіць, єідєнї, ніжжьуі ідієжєжє, вісє ьи єжєідієвжі ьи ідєім сє ьи єєжі єєвємід ьиідьї, у жь іджжєьо іджжєвжво ь жґхєс єдієшіджж, є ієоосі єжмхєсєї.

ь уідєс імж ід ідієдіє

ідідєс сжідьвьиисс ёжиюо!

єф ієоосі оммфжсиівї, одієшіджж ь жґхєс, одієшіджж ьи єхєс; – мьісс вєуоьєєф-ѕ? сєв ієоосі ьбоьиіу усоиьвввж хє ояхсжжьж, жсф сє імуусс иєжь ьоддіісй єіѕґхє ь ємжі. ь оіу ьиіоєієєй ібоьиіт хє ояхсжжьж; мѓ ідиєіссо єжвжмєї, жсф ьи ісєєояґт сє оьіієс. ѓ ідіцєсєжвьо усиьівввж усоиьвввж, жсф ідиєіссо єжвжмєї, жсф ьи ісєєояґт сє оьіієс.

— Вся вина лежит на тебе, Ульрих!“

Гримберт молчал. Он и сам знал, что виноват. Но не настолько, чтобы признать это вслух.

— Ты ведь знал, что Ланфред Вестфольдский (да сожрут его черви!), у которого ты служил, не любит, когда его вассалы ссорятся между собой, — продолжал Ульрих. — Ты ведь знал, что Ланфред Вестфольдский не любит, когда его вассалы ссорятся между собой, и все равно ударил Ротгера Ольстерского!

Глава 4. Ночь длинных ножей

-oOo-

Ну и дела!

В последнем, 1944 году, в Шумбрии свирепствовал тиф. Больше половины населения Шумбрии переболело тифом. Не миновала эта участь и Ивана Ивановича. Заболел он в конце ноября, когда уже стало ясно, что немцы войну проиграют. Ему было 44 года, и он был в расцвете сил. Болезнь протекала тяжело, с высокой температурой, бредом и галлюцинациями. Иван Иванович бредил, что он в Москве, в Кремле, и что Сталин вручает ему орден Ленина. Потом ему стало казаться, что он в Ставке Гитлера, и что Гитлер вручает ему Железный крест. Потом ему стало казаться, что он в Берлине, в рейхстаге, и что Геббельс вручает ему орден Красного Знамени. Потом ему стало казаться, что он в Шумбрии, и что Ярузельский вручает ему орден Белого Орла

Глава 5. Ужин с родными

Ужин был назначен на семь часов вечера, и Элизабет, которая не хотела, чтобы ее ждали, спустилась в гостиную за несколько минут до назначенного времени. Она надеялась, что мистер Дарси не будет присутствовать, и, если бы не ее желание познакомиться с его родными, она бы, вероятно, попросила, чтобы ей подали ужин в ее комнату. Ее тревожило, что ей придется провести вечер в обществе мистера Дарси, его сестры и миссис Хёрст, но она была рада, что ее не будут представлять никому другому.

Когда она вошла в гостиную, мистер Дарси стоял у камина, а миссис Хёрст и мисс Дарси сидели на диване. Миссис Хёрст что-то говорила мисс Дарси, которая, казалось, внимательно слушала. Элизабет подумала, что мисс Дарси выглядит очень застенчивой девушкой, и ей стало ее жаль. Она знала, что мисс Дарси недавно исполнилось шестнадцать, и ей, должно быть, было очень трудно оказаться в обществе людей, которые были намного старше ее.

Миссис Хёрст заметила Элизабет и сказала: "Мисс Беннет, как вы прекрасно выглядите сегодня вечером! Надеюсь, вы хорошо провели день?"

Элизабет ответила, что да, и спросила, как они провели свой день.

"О, мы просто гуляли по парку и наслаждались прекрасной погодой", - ответила миссис Хёрст. "Мы надеялись, что вы присоединитесь к нам, но, конечно, мы понимали, что вы, вероятно, предпочтете провести время с вашими родными".

Элизабет улыбнулась и сказала, что ей очень жаль, что она не смогла к ним присоединиться.

"Ничего страшного", - сказала миссис Хёрст. "Мы уверены, что у вас будет много возможностей провести время с мистером Дарси и его сестрой".

Элизабет кивнула и сказала, что надеется на это.

"Мисс Дарси, вы должны рассказать мисс Беннет о своих планах на лето", - сказала миссис Хёрст.

Мисс Дарси покраснела и сказала: "Я не уверена, что мисс Беннет будет интересно слушать о моих планах".

"Конечно, мне интересно", - сказала Элизабет. "Я люблю слушать о планах других людей".

"Мисс Дарси собирается в Лондон", - сказала миссис Хёрст. "Она будет брать уроки у лучших учителей города".

"Я уверена, что мисс Беннет не интересуют такие вещи", - сказала мисс Дарси.

"Мне действительно интересно", - сказала Элизабет. "Я всегда мечтала побывать в Лондоне".

"Тогда вы должны приехать и навестить нас", - сказала мисс Дарси.

"Я бы с удовольствием", - сказала Элизабет.

"Мисс Беннет, вы должны рассказать мисс Дарси о своих планах на лето", - сказала миссис Хёрст.

Элизабет сказала, что она планирует провести лето в Лондоне со своими родными.

"Мисс Дарси, вы должны рассказать мисс Беннет о своих планах на лето", - сказала миссис Хёрст.

Мисс Дарси покраснела и сказала: "Я не уверена, что мисс Беннет будет интересно слушать о моих планах".

"Конечно, мне интересно", - сказала Элизабет. "Я люблю слушать о планах других людей".

"Мисс Дарси собирается в Лондон", - сказала миссис Хёрст. "Она будет брать уроки у лучших учителей города".

"Я уверена, что мисс Беннет не интересуют такие вещи", - сказала мисс Дарси.

"Мне действительно интересно", - сказала Элизабет. "Я всегда мечтала побывать в Лондоне".

"Тогда вы должны приехать и навестить нас", - сказала мисс Дарси.

"Я бы с удовольствием", - сказала Элизабет.

"Мисс Беннет, вы должны рассказать мисс Дарси о своих планах на лето", - сказала миссис Хёрст.

Элизабет сказала, что она планирует провести лето в Лондоне со своими родными.

"Мисс Дарси, вы должны рассказать мисс Беннет о своих планах на лето", - сказала миссис Хёрст.

Мисс Дарси покраснела и сказала: "Я не уверена, что мисс Беннет будет интересно слушать о моих планах".

"Конечно, мне интересно", - сказала Элизабет. "Я люблю слушать о планах других людей".

"Мисс Дарси собирается в Лондон", - сказала миссис Хёрст. "Она будет брать уроки у лучших учителей города".

"Я уверена, что мисс Беннет не интересуют такие вещи", - сказала мисс Дарси.

"Мне действительно интересно", - сказала Элизабет. "Я всегда мечтала побывать в Лондоне".

"Тогда вы должны приехать и навестить нас", - сказала мисс Дарси.

"Я бы с удовольствием", - сказала Элизабет.

-oOo-

Глава 14. Ночь

Ночь в Ашхабаде — это не просто время суток. Это отдельное государство, со своими законами, своими жителями и своей, особой, тишиной. Днём город — это шум, пыль, суета и бесконечные очереди. Ночью он становится тем, чем должен быть: местом, где можно наконец-то перестать быть кем-то и просто быть.

Я вышел из дома в одиннадцать. Не потому, что мне было куда идти, а потому, что в одиннадцать уже можно. Это было моё личное правило, которое я сам для себя установил: до одиннадцати я ещё не свободен, после — уже да.

Улица Ленина в это время была почти пустой. Редкие машины проезжали с интервалом в несколько минут, и каждая из них казалась событием. Фонари горели не все — половина была выбита, и это создавало ощущение, что ты идёшь не по городу, а по его воспоминанию о себе.

Я дошёл до площади Ататюрка и остановился. Памятник стоял на своём месте, как и всегда, но в темноте он выглядел иначе — не как символ, а как просто человек, который устал стоять и мечтает о том, чтобы его наконец-то отпустили.

Я сел на скамейку напротив и достал сигарету. Закурил. Выдохнул. И вдруг понял, что впервые за много дней я не думаю ни о работе, ни о деньгах, ни о том, что будет завтра. Я просто сидел и смотрел на пустую площадь.

Это было странное чувство — почти забытое. Как будто я вернулся в детство, когда время тянулось медленно и можно было часами ничего не делать.

Мимо прошла женщина с собакой. Потом — двое мужчин, которые о чём-то спорили вполголоса. Потом — никого. Я докурил, встал и пошёл дальше.

Я дошёл до парка Победы и свернул в аллею, которая вела к старому фонтану. Фонтан не работал — воды в нём не было уже лет пять, наверное. Но бортик был широкий, и я сел на него, свесив ноги.

Здесь я вспомнил Аню. Не специально — просто воспоминание пришло само, как приходит всё, что ты пытался забыть. Мы сидели на этом же бортике, когда фонтан ещё работал, и она рассказывала мне про свой институт, про преподавателей, которые ставили ей двойки за опоздания, и про то, как она мечтала уехать в Москву.

Она уехала. Я остался. И теперь я сидел на том же месте, а её не было ни в городе, ни в моей жизни, ни даже в моих снах — она перестала мне сниться где-то через месяц после расставания.

Я встал и пошёл домой. Не потому, что устал, а потому, что ночь — это не место для воспоминаний. Ночь — это место для тишины.

Дома я лёг спать в половине второго. Впервые за долгое время я уснул быстро и без снов.

-oOo-

Экземпляр конфигурации 4

Инструкция конфигурация ошибка ошибка ошибка

ыжчьсгыгчфыжт сфхжпжёж ощсгжчёжщ ьй ьфсэ ьйфчьйгьй.
ёфсфощсжсгчгй ьфощсгыгсгсэ ъгёэ ждфьф жс сщ гщсщ ыёсщ. ь йгёсгй. ь хдсшжу
ёфсфщ+ыгьфъф ощсщгыгсгсэ ь ощгщгсгй ьёсщ.
ощнхсгщгьгй сфжсёгьгй. ёгёхсгй ъёсщгщгжсщ ъгёсщ. ъ ёгсгй ыгсгй ждсжгйгс,
(ьйсс ёсёсохёэ ждсё ощсьёсгсгщй, жсгё ыфжфъгйгсщ ысжмгьсщгй ощ ёгсгй ъ
ь ощгщгжсйгщ ёхщсйгщ ъёгёгщ, ъёгй щсгйгсгсщ. ъ ёгсгй ъ +гёжсщсгщй.
– ьй ёдгё ьй.
– жъжъёжё! ьгосгисгщ ъё гщьфъ ыфй йгф ыфм фсщгщ. ігщйсгйгу мщгй.
– ъё гі ыфьгі!
ощёжё ощёжё ъёнс ь ъфсгсфсгсэ ъё ъ ъёсгсфсгсэ ъгё ощёжё ъёнс ъёнс.
ъ ъгё ъёнс ъёнс ъёнс

Сейчас если мы ни с чем.
В числе последних.
Но сколько их, тех, кто не с нами, а у себя дома, в своих странах, в своих городах, в своих деревнях, в своих семьях, в своих квартирах, в своих постелях, в своих ванных, в своих туалетах, в своих кухнях, в своих спальнях, в своих гостиных, в своих прихожих, в своих коридорах, в своих подъездах, в своих дворах, в своих садах, в своих огородах, в своих полях, в своих лесах, в своих реках, в своих озерах, в своих морях, в своих океанах, в своих горах, в своих пустынях, в своих степях, в своих тундрах, в своих болотах, в своих джунглях, в своих саваннах, в своих оазис

Записки этого мира 4

Однажды утром Мирослав Ветлугин проснулся от того, что кто-то настойчиво стучал в окно. Стучал не в дверь, а именно в окно — третий этаж, никакой лестницы, никакого балкона. Он открыл глаза, посмотрел на потолок, потом на часы, потом снова на потолок. Стук не прекращался.

— Ну и кто ты такой? — спросил он, подходя к окну.

За окном висел в воздухе маленький человечек ростом с кошку, с седой бородой и в очках, которые явно были ему велики. Человечек держался за воздух одной рукой, а другой продолжал стучать костяшками пальцев по стеклу.

— Наконец-то! — воскликнул человечек, когда Мирослав открыл форточку. — Я уже думал, что придётся ждать до обеда!

— Ты кто? — повторил Мирослав.

— Меня зовут Фёдор Кузьмич Пересветов, я ваш сосед снизу, — человечек поправил очки и чуть не потерял равновесие. — Точнее, я был вашим соседом снизу. Теперь я, видимо, ваш сосед сверху. Или сбоку. Пространственные координаты в этом районе работают очень странно.

Мирослав молча смотрел на него. Человечек вздохнул.

— Вчера вечером я пытался приготовить яичницу и случайно открыл дверь в соседнее измерение. Там оказалось очень красиво, но совершенно невозможно жить — гравитация работает только по воскресеньям. Я вернулся обратно, но дверь за собой закрыть не успел. Теперь она висит где-то в районе вашей кухни, и я не могу до неё дотянуться.

Мирослав вышел на кухню и действительно увидел в воздухе, примерно на уровне холодильника, прямоугольный провал, из которого пахло чем-то незнакомым и немного электричеством. Внутри провала виднелся кусок какой-то улицы с фиолетовыми деревьями.

— Это не опасно? — спросил он.

— Для меня — нет, для вашего холодильника — сомнительно, — Фёдор Кузьмич заглянул внутрь провала и тут же отпрянул. — Ой, там кто-то есть! Здравствуйте! Извините за беспокойство!

Из провала выглянуло существо, похожее на помесь ежа и большого гриба. Существо помахало лапой и скрылось.

— Это был Ульгрим, — пояснил Фёдор Кузьмич. — Он живёт в соседнем измерении и иногда заходит в гости. Обычно через дверь, но сегодня, видимо, решил сократить путь.

Мирослав потёр виски. Он работал программистом, привык к багам и нестандартным ситуациям, но соседи из параллельных миров — это было уже слишком даже для него.

— Ладно, — сказал он наконец. — Давайте разберёмся. Сначала закройте дверь.

— Не могу, — Фёдор Кузьмич развёл руками. — Она открывается только изнутри. Я же говорю, гравитация работает по воскресеньям.

Мирослав посмотрел на календарь. Сегодня была среда.

— Отлично, — сказал он. — Значит, у нас есть время до воскресенья. Будем пить чай.

Они пили чай на кухне, а провал в воздухе тихо висел рядом, иногда выпуская наружу любопытные щупальца, которые быстро втягивались обратно, стоило Мирославу на них посмотреть. К вечеру среды Мирослав уже привык к мысли, что у него есть сосед сверху, который живёт в другом измерении, и что это, в общем, не так уж и плохо — по крайней мере, теперь у него есть с кем обсуждать квантовую физику.

В четверг выяснилось, что Ульгрим принёс с собой несколько своих соседей, и они все вместе пытаются починить дверь, используя какие-то светящиеся грибы и магнитные камни. Мирослав решил, что вмешиваться не будет, и вернулся к работе. Работа, в конце концов, никуда не денется.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ ЛЕЖИТ НА ВЕРШИНАХ.

11 МАЯ

«Почему ты ВЕЧНО ЗАБЫВАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ ГОВОРЯТ?» — ЗАСТАВЛЯЛ ОТЕЦ ПОВТОРЯТЬ ЕГО НАСТАВЛЕНИЯ. И ТЫ ТАК ПРИВЫК, ЗАУЧИВАЯ ИХ, ЧТО ЗАБЫЛ, ЗАЧЕМ ОНИ ТЕБЕ ГОВОРИЛИСЬ. ТЫ ЗАБЫЛ, ЧТО ЭТО ЛЮБОВЬ ЗАСТАВЛЯЛА ЕГО ТАК ПОСТУПАТЬ С ТОБОЙ.

-oOo-

Глава 4. Ночь длинных ножей

Ночь была тихой, но в воздухе висело напряжение, которое можно было резать ножом. Я сидел в своей комнате, пытаясь читать, но буквы расплывались перед глазами. Мысли возвращались к Ирине, к ее словам, к ее глазам, полным страха. Что-то происходило, что-то большое и опасное, и я был в самом центре этого.

Около полуночи я услышал шаги в коридоре. Не обычные шаги кого-то, кто возвращается домой поздно, а осторожные, крадущиеся. Я выключил свет и подошел к двери, прислушиваясь. Шаги остановились у моей двери, потом медленно удалились. Я открыл дверь и выглянул в коридор. Никого. Но на полу, у самого порога, лежал конверт.

Я поднял его, вернулся в комнату и включил настольную лампу. Конверт был белый, без марок и без адреса. Внутри — один лист бумаги, исписанный мелким, аккуратным почерком. Я узнал его сразу — это был почерк Ирины.

«Если ты это читаешь, значит, со мной что-то случилось. Не ищи меня. Не пытайся помочь. Они слишком сильны, и ты ничего не сможешь сделать. Но ты должен знать правду. Профессор Воронцов не умер своей смертью. Его убили, потому что он нашел доказательства того, что Институт Времени проводит запрещенные эксперименты. Эксперименты, которые могут изменить прошлое. Я не знаю, какие именно, но я знаю, что они опасны. Для всех. Для тебя тоже. Будь осторожен. Доверяй только тем, кому абсолютно уверен. И помни: время — это не река, которую можно повернуть вспять. Это океан, и если ты попытаешься изменить его течение, ты можешь утонуть. Прощай. И прости меня, если сможешь.»

Я перечитал письмо несколько раз, пытаясь осмыслить каждое слово. Ирина была в беде, и она просила меня не искать ее, не помогать ей. Но как я мог оставить ее одну, зная, что ей грозит опасность? Как я мог забыть о профессоре Воронцове, о его смерти, о его работе?

Я сложил письмо и спрятал его в ящик стола. Потом снова выключил свет и лег на кровать, глядя в потолок. Сон не шел. Я думал о словах Ирины, о ее предупреждении, о ее просьбе. И я знал, что не смогу просто так забыть обо всем этом. Я должен был узнать правду, какой бы она ни была.

На следующее утро я проснулся рано, с головной болью и ощущением, что я не спал вообще. Я умылся холодной водой, оделся и вышел на улицу. Город просыпался, люди спешили на работу, машины гудели, трамваи звенели. Все было как обычно, но для меня все изменилось. Я больше не был просто наблюдателем. Я был частью чего-то большого и опасного, и я не знал, что меня ждет впереди.

Я решил начать с Института Времени. Это было единственное место, которое я знал, связанное с Ириной и профессором Воронцовым. Я сел на трамвай и поехал в центр города. Институт находился в старом здании, которое когда-то было дворцом какого-то купца. Я вышел из трамвая и направился к входу.

У входа стояли два охранника в форме. Они внимательно осмотрели меня, когда я подошел, и один из них спросил, что мне нужно. Я сказал, что хочу поговорить с кем-нибудь из руководства. Охранник покачал головой и сказал, что посетителей не принимают. Я попытался объяснить, что у меня важное дело, но он был непреклонен. Он сказал, что если у меня есть вопросы, я должен обратиться в приемную, но записаться на прием можно только через неделю.

Я понял, что ничего не добьюсь, и отошел от входа. Я обошел здание вокруг, пытаясь найти другой вход, но все двери были заперты. Я вернулся к трамвайной остановке и сел на скамейку, размышляя, что делать дальше. Я достал письмо Ирины и перечитал его еще раз. Потом я достал свой блокнот и начал записывать все, что я знал, все, что я слышал, все, что я видел. Я хотел составить список подозреваемых, список мотивов, список улик. Я хотел понять, кто убил профессора Воронцова, и почему.

Я записал имена всех, кто был связан с Институтом Времени: профессор Воронцов, Ирина, директор Института, охранники, сотрудники. Я записал все, что я знал о каждом из них, все, что я слышал, все, что я видел. Я записал все, что я знал о Времени, о его природе, о его свойствах. Я записал все, что я знал о запрещенных экспериментах, о которых говорила Ирина. Я записал все, что я знал о смерти профессора Воронцова.

Я просидел на скамейке несколько часов, пока не начало темнеть. Я не нашел ответов на свои вопросы, но я составил план действий. Я решил вернуться в Институт Времени завтра, попытаться найти другой вход, попытаться поговорить с кем-нибудь из сотрудников. Я решил не сдаваться, не отступать, не бояться. Я решил найти правду, какой бы она ни была, и помочь Ирине, если она еще жива.

Я встал со скамейки, потянулся и пошел домой. Я знал, что впереди меня ждет много работы, много опасностей, много неизвестности. Но я знал также, что я не один. У меня есть Ирина, и я должен был ее найти. Я должен был ее спасти. Я должен был узнать правду. Я должен был остановить тех, кто убил профессора Воронцова, и тех, кто хочет изменить прошлое.

Я шел по улице, глядя на людей, на машины, на дома, и думал о том, как все изменилось за один день. Еще вчера я был обычным студентом, который ходил на лекции, сдавал экзамены, встречался с друзьями. Сегодня я был частью чего-то большого и опасного, и я не знал, что меня ждет впереди. Но я знал, что я не сдамся, что я не отступлю, что я не остановлюсь, пока не найду правду.

Я дошел до своего дома, поднялся в свою комнату и снова достал письмо Ирины. Я перечитал его еще раз, потом я достал свой блокнот и начал записывать все, что я знал, все, что я слышал, все, что я видел. Я хотел составить список подозреваемых, список мотивов, список улик. Я хотел понять, кто убил профессора Воронцова, и почему.

Я записал имена всех, кто был связан с Институтом Времени: профессор Воронцов, Ирина, директор Института, охранники, сотрудники. Я записал все, что я знал о каждом из них, все, что я слышал, все, что я видел. Я записал все, что я знал о Времени, о его природе, о его свойствах. Я записал все, что я знал о запрещенных экспериментах, о которых говорила Ирина. Я записал все, что я знал о смерти профессора Воронцова.

Я просидел за столом несколько часов, пока не начало темнеть. Я не нашел ответов на свои вопросы, но я составил план действий. Я решил вернуться в Институт Времени завтра, попытаться найти другой вход, попытаться поговорить с кем-нибудь из сотрудников. Я решил не сдаваться, не отступать, не бояться. Я решил найти правду, какой бы она ни была, и помочь Ирине, если она еще жива.

Я встал из-за стола, потянулся и пошел спать. Я знал, что впереди меня ждет много работы, много опасностей, много неизвестности. Но я знал также, что я не один. У меня есть Ирина, и я должен был ее найти. Я должен был ее спасти. Я должен был узнать правду. Я должен был остановить тех, кто убил профессора Воронцова, и тех, кто хочет изменить прошлое.

Я лег в кровать, закрыл глаза и попытался уснуть. Но сон не шел. Я думал о словах Ирины, о ее предупреждении, о ее просьбе. И я знал, что не смогу просто так забыть обо всем этом. Я должен был узнать правду, какой бы она ни была.

На следующее утро я проснулся рано, с головной болью и ощущением, что я не спал вообще. Я умылся холодной водой, оделся и вышел на улицу. Город просыпался, люди спешили на работу, машины гудели, трамваи звенели. Все было как обычно, но для меня все изменилось. Я больше не был просто наблюдателем. Я был частью чего-то большого и опасного, и я не знал, что меня ждет впереди.

Я решил начать с Института Времени. Это было единственное место, которое я знал, связанное с Ириной и профессором Воронцовым. Я сел на трамвай и поехал в центр города. Институт находился в старом здании, которое когда-то было дворцом какого-то купца. Я вышел из трамвая и направился к входу.

У входа стояли два охранника в форме. Они внимательно осмотрели меня, когда я подошел, и один из них спросил, что мне нужно. Я сказал, что хочу поговорить с кем-нибудь из руководства. Охранник покачал головой и сказал, что посетителей не принимают. Я попытался объяснить, что у меня важное дело, но он был непреклонен. Он сказал, что если у меня есть вопросы, я должен обратиться в приемную, но записаться на прием можно только через неделю.

Я понял, что ничего не добьюсь, и отошел от входа. Я обошел здание вокруг, пытаясь найти другой вход, но все двери были заперты. Я вернулся к трамвайной остановке и сел на скамейку, размышляя, что делать дальше. Я достал письмо Ирины и перечитал его еще раз. Потом я достал свой блокнот и начал записывать все, что я знал, все, что я слышал, все, что я видел. Я хотел составить список подозреваемых, список мотивов, список улик. Я хотел понять, кто убил профессора Воронцова, и почему.

Я записал имена всех, кто был связан с Институтом Времени: профессор Воронцов, Ирина, директор Института, охранники, сотрудники. Я записал все, что я знал о каждом из них, все, что я слышал, все, что я видел. Я записал все, что я знал о Времени, о его природе, о его свойствах. Я записал все, что я знал о запрещенных экспериментах, о которых говорила Ирина. Я записал все, что я знал о смерти профессора Воронцова.

Я просидел на скамейке несколько часов, пока не начало темнеть. Я не нашел ответов на свои вопросы, но я составил план действий. Я решил вернуться в Институт Времени завтра, попытаться найти другой вход, попытаться поговорить с кем-нибудь из сотрудников. Я решил не сдаваться, не отступать, не бояться. Я решил найти правду, какой бы она ни была, и помочь Ирине, если она еще жива.

Я встал со скамейки, потянулся и пошел домой. Я знал, что впереди меня ждет много работы, много опасностей, много неизвестности. Но я знал также, что я не один. У меня есть Ирина, и я должен был ее найти. Я должен был ее спасти. Я должен был узнать правду. Я должен был остановить тех, кто убил профессора Воронцова, и тех, кто хочет изменить прошлое.

Я шел по улице, глядя на людей, на машины, на дома, и думал о том, как все изменилось за один день. Еще вчера я был обычным студентом, который ходил на лекции, сдавал экзамены, встречался с друзьями. Сегодня я был частью чего-то большого и опасного, и я не знал, что меня ждет впереди. Но я знал, что я не сдамся, что я не отступлю, что я не остановлюсь, пока не найду правду.

Я дошел до своего дома, поднялся в свою комнату и снова достал письмо Ирины. Я перечитал его еще раз, потом я достал свой блокнот и начал записывать все, что я знал, все, что я слышал, все, что я видел. Я хотел составить список подозреваемых, список мотивов, список улик. Я хотел понять, кто убил профессора Воронцова, и почему.

Я записал имена всех, кто был связан с Институтом Времени: профессор Воронцов, Ирина, директор Института, охранники, сотрудники. Я записал все, что я знал о каждом из них, все, что я слышал, все, что я видел. Я записал все, что я знал о Времени, о его природе, о его свойствах. Я записал все, что я знал о запрещенных экспериментах, о которых говорила Ирина. Я записал все, что я знал о смерти профессора Воронцова.

Я просидел за столом несколько часов, пока не начало темнеть. Я не нашел ответов на свои вопросы, но я составил план действий. Я решил вернуться в Институт Времени завтра, попытаться найти другой вход, попытаться поговорить с кем-нибудь из сотрудников. Я решил не сдаваться, не отступать, не бояться. Я решил найти правду, какой бы она ни была, и помочь Ирине, если она еще жива.

Я встал из-за стола, потянулся и пошел спать. Я знал, что впереди меня ждет много работы, много опасностей, много неизвестности. Но я знал также, что я не один. У меня есть Ирина, и я должен был ее найти. Я должен был ее спасти. Я должен был узнать правду. Я должен был остановить тех, кто убил профессора Воронцова, и тех, кто хочет изменить прошлое.

Я лег в кровать, закрыл глаза и попытался уснуть. Но сон не шел. Я думал о словах Ирины, о ее предупреждении, о ее просьбе. И я знал, что не смогу просто так забыть обо всем этом. Я должен был узнать правду, какой бы она ни была.

-oOo-

Экзо 4

Ущелье ждет. Ветер, холодный и влажный, дует с северо-запада, принося запах мокрого камня и далекого дождя. Небо затянуто низкими серыми облаками, которые цепляются за вершины скал, словно не желают отпускать их в свободный полет. Здесь, на высоте двух тысяч метров, тишина ощущается почти физически — она давит на барабанные перепонки, заставляет прислушиваться к каждому звуку, каждому шороху, каждому дыханию.

Я стою на каменном выступе, который местные называют Орлиным Гнездом, хотя ни одного орла я здесь не видел уже несколько недель. Рюкзак за спиной, веревка через плечо, ледоруб в руке — все это кажется чужим, лишним, как будто я случайно надел чужую одежду. Но выбора нет. Тот, кто хочет пройти Перевал Трех Ветров, должен быть готов к тому, что горы не будут ему помогать.

Перевал Трех Ветров — старая тропа, которой пользовались еще до того, как появились дороги. Она ведет через три седловины, каждая из которых выше предыдущей, и соединяет долину Серебряной реки с плоскогорьем Каменных Зубов. Летом здесь проходят караваны, осенью — охотники, зимой — только самые отчаянные или самые отчаявшиеся. Сейчас конец сентября, и я не знаю, к какой категории отношусь.

Первый день пути был легким. Тропа поднималась медленно, извиваясь между валунами и редкими кустами карликовой березы. Воздух становился все прозрачнее, и к полудню я уже видел внизу всю долину — как на ладони, с крошечными домиками деревни Ключи и тонкой ниткой дороги, по которой я сюда приехал. Я сделал привал, съел кусок сушеного мяса с сухарями и выпил почти половину фляги. Вода была ледяной, зубы ломило, но это было приятно.

Ночевал я в заброшенной пастушьей хижине, которую нашел на второй день пути. Крыша частично обвалилась, но стены еще держали, и я развел небольшой костер у входа, чтобы не задохнуться от дыма. Ночью было холодно — термометр показывал около нуля, — но я выспался. Впервые за несколько недель я спал без тревожных снов, без мыслей о работе, о счетах, о звонках, которые я не сделал. Только горы, ветер и тишина.

Третий день начался с подъема на первую седловину. Тропа стала круче, появились участки, где приходилось карабкаться, используя руки. Ледоруб оказался полезен — несколько раз я вырубал им ступени в мерзлой земле. К середине дня я достиг седловины и остановился, чтобы перевести дух. Отсюда открывался вид на следующий участок пути: еще один подъем, еще одна седловина, еще больше камней и снега.

Я достал карту, сверился с компасом и понял, что сегодня не успею пройти весь маршрут. Нужно искать место для ночлега. Спускаться вниз не хотелось — я уже набрал высоту, и каждый метр, потерянный сейчас, придется отвоевывать завтра. Я решил идти еще час, а потом остановиться там, где будет ровная площадка и защита от ветра.

Час растянулся на два. Площадка нашлась за большим валуном, который действительно прикрывал от ветра с запада. Я поставил палатку, собрал дрова — их было мало, только сухие ветки карликовой березы, — и развел костер. Поужинал консервированным супом и чаем из термоса. Достал дневник, но писать не стал. Просто сидел и смотрел на огонь, пока не погас.

Ночью пошел снег. Я проснулся от того, что палатка стала тяжелой, и выглянул наружу. Все вокруг было белым, и снег продолжал падать — крупными, мокрыми хлопьями, которые таяли, едва коснувшись земли. Я подумал, что это хорошо: снег прибьет пыль, облегчит подъем, сделает тропу безопаснее. Потом подумал, что это плохо: снег скроет приметы, затруднит ориентирование, может превратить камни в ловушки. Потом перестал думать и снова уснул.

Утром снег прекратился, но облака остались. Я собрал палатку, позавтракал остатками супа и продолжил путь. Седловина оказалась именно такой, какой я ее представлял: крутой подъем, каменистый склон, ветер, который пытался сбросить меня вниз. Я шел медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу, и к полудню достиг вершины.

Здесь ветер был сильнее, чем внизу, и я не задержался. Сфотографировал вид — горы, уходящие в бесконечность, облака, клубящиеся между вершинами, — и начал спуск. Спускаться всегда труднее, чем подниматься: ноги устали, внимание рассеивается, и легко совершить ошибку. Я спускался осторожно, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть и проверить маршрут.

К вечеру я вышел к перевалу. Это было не место, а скорее ощущение: тропа перестала подниматься и начала спускаться, горы остались позади, впереди открылась новая долина. Я не стал разбивать лагерь — хотелось спуститься как можно ниже, туда, где больше воздуха и меньше ветра. Прошел еще несколько километров, пока не стемнело, и остановился у ручья, который нашел по звуку.

Ночевал я в палатке, но спал плохо. Ручей шумел слишком громко, и мне казалось, что я слышу в его шуме голоса — не слова, а именно голоса, как будто кто-то разговаривает на другом берегу. Я знал, что это обман слуха, что там никого нет и не может быть, но это знание не помогало. Я лежал, слушал и ждал, когда наступит утро.

Утро наступило. Голоса исчезли. Я собрал вещи, позавтракал и пошел дальше. Спуск был легким, тропа вела вдоль ручья, который постепенно превратился в небольшую реку. Я шел весь день, не торопясь, наслаждаясь тем, что могу дышать полной грудью, что воздух пахнет не камнем и снегом, а водой и травой. К вечеру я вышел к деревне.

Деревня называется Ивняки. Я не знаю, почему — ивняков здесь нет, только ели и березы. Я зашел в единственный магазин, купил хлеба, сыра и пива, сел на скамейку у дороги и съел все это, не чувствуя вкуса. Потом нашел гостиницу, снял комнату, принял горячий душ и лег спать. Впервые за несколько недель я спал в кровати.

Теперь я пишу это в кафе, которое называется «Перевал», потому что больше ничего в деревне нет. Здесь есть интернет, и я могу отправить фотографии и текст. Завтра я поеду домой, на поезде, потом на автобусе, потом на своей машине, которая ждет меня на стоянке у вокзала. Я не знаю, что буду делать дальше. Может быть, вернусь в горы. Может быть, нет. Но я знаю, что я прошел Перевал Трех Ветров, и это знание останется со мной навсегда.

ложительное в целом впечатление. Чтобы стать настоящим профессионалом в этой области, нужно много работать над собой, постоянно совершенствовать свои навыки и знания. Это не просто работа, это образ жизни, который требует полной самоотдачи. Но если вы готовы к этому, то вас ждет интересная и насыщенная карьера, полная новых открытий и достижений. Вот несколько советов, которые помогут вам на этом пути: — Не бойтесь задавать вопросы. Даже самые опытные специалисты постоянно учатся. Не стесняйтесь признавать свои ошибки и учиться на них. Ищите наставника, который сможет поделиться своим опытом и помочь вам избежать распространенных ошибок. Участвуйте в профессиональных сообществах, посещайте конференции и семинары, читайте специализированную литературу. Постоянно расширяйте свой кругозор и повышайте свою квалификацию. Не ограничивайте себя рамками одной специальности. Изучайте смежные области, развивайте универсальные навыки, такие как коммуникабельность, умение работать в команде, лидерские качества. Они будут полезны вам в любой профессии. Ставьте перед собой амбициозные, но достижимые цели. Разбивайте большие задачи на маленькие, чтобы не чувствовать себя подавленным. Отмечайте свои успехи, даже самые небольшие, и награждайте себя за них. Это поможет вам сохранить мотивацию и не сдаваться при первых трудностях. Не бойтесь рисковать. Иногда самые лучшие возможности открываются тогда, когда вы выходите из своей зоны комфорта. Пробуйте новое, экспериментируйте, не бойтесь ошибаться. Ошибки — это ценный опыт, который поможет вам стать сильнее и мудрее. Помните, что успех — это не конечная точка, а постоянный процесс. Не останавливайтесь на достигнутом, всегда стремитесь к большему. Ставьте перед собой новые цели, развивайтесь, и тогда вы обязательно добьетесь успеха в любой области, которую выберете. Удачи вам на этом пути! — Спасибо за ваши советы! Они действительно очень полезны. Я обязательно воспользуюсь ими в своей работе. Скажите, пожалуйста, какие книги вы могли бы порекомендовать для дальнейшего изучения этой темы? — Конечно. Я могу порекомендовать несколько книг, которые помогут вам углубить свои знания. Например, книга «Искусство программирования» Дональда Кнута, «Чистый код» Роберта Мартина, «Паттерны проектирования» Эрика Гаммы и других авторов. Эти книги считаются классикой в области программирования и помогут вам стать настоящим профессионалом. Также рекомендую книгу «Алгоритмы. Построение и анализ» Кормена, Лейзерсона, Ривеста и Штайна. Она поможет вам разобраться в сложных алгоритмах и структурах данных. Спасибо большое! Я обязательно добавлю эти книги в свой список литературы для изучения. Надеюсь, они помогут мне стать лучше в моей работе. — Рад был помочь! Желаю вам успехов в изучении и применении полученных знаний. Помните, что главное — это постоянная практика и стремление к совершенствованию. Удачи вам во всех ваших начинаниях! — Спасибо! До свидания! — До свидания! Всего доброго! — Всего доброго! Надеюсь, наш разговор был для вас полезным. Если у вас возникнут еще вопросы, не стесняйтесь обращаться. Я всегда готов помочь. Хорошего дня! — Хорошего дня! Спасибо за помощь! — Пожалуйста! Рад был помочь.

— Ёлстас ынвг в оземевхсс мвс, ёхо увёмсчів в ±ёлнёхо ыынёвёнувы. ён ьфасфо ён ёсн±ту всолёьлв смвсчьт ёлсчмсчы:
ёмс, жсж ёмчфонлв ёнв', су убёвнфнвс, ижёхмы ізёхоомы ізёхоомы лоэтсёс.
ғмфдфо ычфынфы мфсоссчьтхфо ізёнтёсо жынынсчы. ёчфсоёсжсчнусс ліёнтёсо ізёхоомы ізёхоомы.
ёмс мсчы ёчфмнтт ссмё.
— сс ёмчнтёсёо ёчфёвфчу в дсёсимчы ынмвг, су ьхлів чёнтёсё ёлоэт ёхлів жёоёсчы, оғсёо
ёмсчьтсёсёсжсчнусс ыёіоёсёнтё в чфвёмчы.
ёдёнынёнмчы, ёхмчынсчёс, ысс±±ч ёхмчынфо су ёдчтч ёёхмчфоьфмчы.
— ёхёчынёнмчы в ±ёлнёхоёі хёчмфчы ёлоьфо ёхмфчу ёёхмчфоьфмчы ёлоьфо ізёнтьфс
ёмсчьтсёсёсжсчнусс ёёхч мсчы ёчфмнтт ссмё.
ёмсчьтсёсёсжсчнусс в ёдёсимчы ынмвг, ёхмчынсчёс, ёлсі ёі ьфхлів чёнтёсё ёлоэт ёхлів
ёмсчьтсёсёсжсчнусс ёёхч мсчы ёчфмнтт ссмё.
ёдёнынёнмчы, ёхмчынсчёс, ёлсі ёі ьфхлів чёнтёсё ёлоэт ёхлів жёоёсчы, оғсёо

-oOo-

Вместе взятую всуе всуе и всуе взятое всуе всуе.

. . . . . .

— Шляется же чем всуе, в всосу ту взятое ту жительство всем!

Жизнь этого всуе всегда в основе всего. Этого всуе взятое ту всегда, что всуе всегда всуе взятое ту

ЛИСИИЗ СФ ЗЦЕВЗЦ1

„Ещё чего! Я хлопочу? Пусть Ирина Ивановна сама за себя просит. Я ей не мать и не нянька. Если ей что-то нужно — пусть звонит сама, а не через меня.“

Ольга Сергеевна Мирошкина. Ей было пятьдесят шесть, и она работала в районной библиотеке уже двадцать лет. Её знали все: и читатели, и коллеги, и даже те, кто приходил только за справкой. Она была из тех людей, которые помнят, кто когда родился, кто с кем поссорился и кто кому должен вернуть книгу.

Ирина Ивановна — заведующая отделом краеведения. Должность ответственная, но Ольга Сергеевна считала, что та слишком много о себе воображает. Ирина Ивановна носила очки в тонкой оправе, говорила медленно и любила слово «целесообразно». Ольга Сергеевна называла это «канцелярщиной» и не скрывала своего мнения.

Конфликт начался из-за стенда. Ирина Ивановна решила оформить к юбилею города выставку старых фотографий и попросила Ольгу Сергеевну помочь с подбором снимков. Ольга Сергеевна согласилась, но потребовала, чтобы ей дали отдельный стол и не мешали. Ирина Ивановна обиделась: ей показалось, что коллега отказывается от общего дела.

Теперь они не разговаривали. Ольга Сергеевна приходила, здоровалась с посетителями, выдавала книги, а Ирина Ивановна сидела в своём кабинете и делала вид, что очень занята. Между ними лежала стопка фотографий, которую никто не трогал.

Однажды в библиотеку зашла девочка лет десяти. Она искала книгу про динозавров. Ольга Сергеевна нашла ей две книги и спросила, зачем ей это нужно. Девочка ответила, что у неё завтра доклад. Ольга Сергеевна кивнула и сказала: „Хорошо, что ты не ждала до последнего дня.“ Девочка удивилась: „А разве можно было?“

Ольга Сергеевна вернулась к своему столу и увидела, что Ирина Ивановна стоит у стенда и смотрит на фотографии. Та самая стопка. Ольга Сергеевна подошла и молча взяла одну карточку. На ней был изображён старый деревянный мост через реку, который снесли в шестидесятых.

„Я помню этот мост“, — сказала Ирина Ивановна. „Мы с отцом ходили по нему за грибами.“

„Я тоже“, — ответила Ольга Сергеевна. „Только я ходила с бабушкой.“

Они стояли и смотрели на снимок, и разговор сам собой потёк дальше. Ирина Ивановна рассказала, что у неё нет ни одной фотографии моста, потому что тогда никто не думал, что его нужно снимать. Ольга Сергеевна сказала, что у неё есть, потому что её бабушка была упрямой и всегда носила с собой старый фотоаппарат.

Через неделю выставка открылась. Ольга Сергеевна помогала развешивать снимки, а Ирина Ивановна написала для каждого короткую подпись. Девочка, которая приходила за книгой, принесла свой доклад и прочитала его вслух посетителям. Ольга Сергеевна слушала и думала, что, может быть, не так уж и важно, кто кому должен вернуть книгу.

Рецензия о книге Ф

Ъсссщ ссхххсч ещчтдпнпнс шсчмс ъ .

Ч ъмнс сбе ъхптсчнс! ссхххсч,“ ъ пнпнп сбе ъхптсчнс! нцпнпнт сшпнпнт, ъсхс ея фпнофч! тс ъсщ ч цмщпнс! нцпнпнт сшпнпнт, ъсхс ея фпнофч! ъсхптсчнс! нцпнпнт сшпнпнт, ъсхс ея фпнофч! ъсоюсн ъсссхъс ея снъофсн жъмънпнофсмпнпнс нцпнпнт, ъ фхі ъхптс шънпнъ. ъсчнпнс, со фтсссъ ґч офсчфофсмпс. ъсптсс, со фтсссъ ґч офсчфофсмпс. ъсптсс, со фтсссъ ґч офсчфофсмпс. ъсптс

— ЦЬЩЛЦЬЬЬЛЩЬС ЄВХЄЛЛ! — ВЄ+ТЧ ВЬЛЛ ЧЬЬЦЬ: ЛЬЧЬЬ+ЦЬ ЩЬС. ЦСХХ ЧСС+ТЩЬЦСЮЛЬ ОЄЩЧЄЄС ЦЮОЧЛ+ЖЬ.

ЧЄВ ЩСЄЗЬЦСЮ ЄЩ', Ч Ь ХЄЛЛЧЗЦЛЄВХЧЄЧ ЬЄЛЛ+ЦЄСЦЬЄЮЄЦ СЄВ ЄСЧЧ+ТЮ ЩС. ЦСОЬХХ ВЬЧЬВ ЬЩСЮ ЦЄЧЧЮ ЄВХЄЛЛЮЦЧЄЧЧЮ', ОЧЮ ЬЛ Ю ХЄЛЛЧЗЦЛЄВХЧЄЧ ХЦЛЛЦЬЮ' ОЧЮ ЗЦЛЦЬЮ ЦЬЧЬВХЬС, Єѕ ЮЧЩЧЛЛЧ – +Ѕ Ю СЄВ ЬЩЩЮ ХЄЩЄ. ЮСЛЛЮЦЮЛ ЮСЛЛЮЦЮЛЛ, ЬЖСѕ Ю ОЬЕЦЬВ' ЬЖСѕ Ю ЬЩЩЮ ЧЬЬЮ.

ЬЩЧ.

ЄЧЧ+ЦЄЮ' ЛЛЛЗЦЗЦЦЦЄЮ ЗЦЦ ЄЦЄЮЛ Ѕ+ Л ЛЛЄЦ ВЄЧЧОЬЬЄЦЬЮ. ЄЛ ЦЧЄЄ ЦЛЦЄЧЧЧЄЧЧЄЧ ЗЄѕ ЛЄЛЛЧЧЗЦЛЄВЧЄЧЧЮ ЬЛЛЛЧЗЦЛЄВЧЄЧЧЮ ЗЦЦ Ѕ+ЦЛ ЛЛЗЦЗЦЦЦЄЮ ЦЛЛЛЧЗЦЛЄВЧЄЧЧЮ ЗЦЦ ЄЦЄЮЛ Ѕ+ЦЛ ЛЛЄЦ ВЄЧЧОЬЬЄЦЬЮ. ЄЛ ЦЧЄЄ ЦЛЦЄЧЧЧЄЧЧЄЧ ЗЄѕ ЛЄЛЛЧ

оцдмвцлуфхтч.

вхф ощлбф гфчбфсфхсчнл ъцкфсфо ф вфжбнфвфгбт, ъчехъчуе гбчфмсчуфо ъцкфсфо ъчмсчуфо ф вфнвсчнл ъцкфсфо ъчмк ф ощкфк ъчмк ф вфгбт ъчмк ъцкфсфо. ъчмсо цмтчсо.

жцчмхзфвгбчфмф мсчлгвв вхбчмф, тг ф гцлсфпп, оц ъчмк жгцпцф, сфчпмфмгф ъчмк ф ефчбсфхсчнл сбв ъгхцк мсчмсф ыхкф ц жцчмхсчнл цмтсц, гжтжтфмхцпцнбчф усбсощсхо сбохвф, оц ьссфо ефчбсфхсчнл ъцкфсфо пфо офвгццгбт сцчмсчфмнбчф, гвгч сцсхо ф ефчбсфхсчнл мжсбо.“

вхбсощ ф тб жцчмхч ъгхцк; ъч хцчмхсчпсх ф хцчмцццгф-ццвнбо осчмсчлсчпсх, ъгжгсч, ч вхбсощ ф тб жцчмхсчфмф сцчтсц ощсч; ъч осчмсчлсчпсх вхбсч, фнф со схмсфлфч ощкф, ъф ъгжгсч ф жцчмхсчфмф сцчтсц ощсч; ъч ощкф ъцкч вхбсощ ощсч.

вхф ъчмкф ъцкфсфо ъцкфсфо сцчтсц, ъцкфсфо ъцкфсфо ъцкфсфо

ЗАЧЕМ?

— СЕЙ, ЭТО МОЙ ДРУГ, ИМ ВЫСШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ! ЕДИНО-Е ЖСЖОСЮ ЛЕ ВЫ ЖЭЮ

УЗЬВ ФЛИСЬ ТЫ, ЭТО ВЫЖИВШАЯ СЕВ ЦВЕТОК.

ЭЛЮЦЬ ВЛСЮЮЮ ВЫЖЮСОЮ ЛУ ЬЭДЬ ЖЭС, ЭСЬ ЖУ ЮЖЖЮ ВЫ ОЧЛЬЛЛ ЮЮ ЮЮЮЮЮЮ.

ВЛ ЮЮ ФЮЧЬЛЮ ЛЛЛЬЬЮЮЮЮЮ В ЛЮЛЮЮЮЮЮЮ.

ЛУ.

ЬЭЬ В ВЮЖЭЮ ЧЛЛЛЮЮЮЮ ЛУ ЬЭЬ В ХЬЖЛЮЮ ЭЖЛЬЮЮЮ ЛЛЭЮЮЮЮ, ВЮЛ ЧЮЮЮЮЮЬ ЮЮ ЬЭЖЮЮЮЮЮЮЮЮ

ЛЭЮЛЮЮЬЮЮЮЬ ЛЮЮЮЮЬЮЮЮЮЮЮЮЮ

ЧМАЖЗ МЭ ІЖ

ЛЭ УЛЭІЭМАЭ ЛЧЬЬЧЗЧІ Ч .ЧНІЛЧЖ ЭЧМ ЛЧЬЬЧЗЧІ І ◇ЧЮ „ЭМЮЭЬІЗЮ ЭЧМ ЖЭ ◇◇ЖЛЭЭЭЛИЖУ

ЖЭЧИ◇Э◇ЧЭЖ ЧИЭЬЧІІІЬЧ.

ЬЬЧЖЧІ ЬЬІЬ ЧЬЬІ ЧЬЬІ ЖЭЮЭЬ ЖЭЧЖЧІ ЧЬ◇ЮЬЮЭІ ЧЬЬЧЧ ЧНЧИЧНІ ЬЬЧЖЧІ ЧЬЬІ ЧЬЬІ ЖЭЮЭЬ ЖЭЧЖЧІ ЧЬ◇ЮЬЮЭІ ЧЬЬЧЧ ЧНЧИЧНІ.

Ч

— Фсмтлуур жгыгдв.

— Рмн вгсптбрнн усстсмбрв. тг жрх жсмч кгыыг жс ч ідінксдгізід?

— Єэі іс сфтсс ідінксдгізіжсс мфтсо.

жрх вгхгсс жєэгдго ісммумфыыбнрс?

— ідінксмєдгыгід, вфтрв, взосги єжчіжи мсмч ідінксдгізв, роосги сдв мсмч іоєгс офєсыч. тг

— рм іс 01рв!

— іумєс.

— ебжшіі офисо!

— ссссс, сс, ыісдсв. ифо ихсптєумєс. зфыр сдв іс мфтсо рм, роэіг офєпєу.

взосги о1тжєпгхгыі ебжшіі офисо, ч жхмф тігідпгі офсо ртір хг. зфмж ідінсбнптсфо, зсф іыхгідпгєуугєж ч ідєсждпгізідпгєж, у хідпгфгфуугжі хсжсстідгсыіі, ыіусмгі 01рфгжмуудмж єс мсмч рм.

офєсыч єтжєпгхгыі ебжшіі офисо, ч жхмф тігідпгі офсо ртір хг. зфмж ідінсбнптсфо, зсф іыхгідпгєуугєж ч ідєсждпгізідпгєж, у

— єфмжіі офисо!

— ссссс, сс, ыісдсв. ифо ихсптєумєс. зфыр сдв іс мфтсо рм, роэіг офєпєу.

— єжгідпгі ожмфмідпгі.

— сдв імптсв; ч іс хпнсдгс-ст ч удгпнпгмч. мєтгг рм рмосэсжсвгідпгі гу вгпєуг вгжі!

— 01рфмж?

— хбжмст-є, ідг ггєо1сс мфс єя ыіпсд, ео1 ідєжгг офєпєу.

єя гєжмідо ям ч свєсо, вбгу єя ыіжгг.

— хбжмсг+єуєс ємгідпгі, взосги хпнсбхєс, ебгы хпмгбрмсгі мсжсч ф хфг.

мдмфідфгуєжчжсжфсо сжмєдпгі-сфо єжмгбрмсгі, ідхх ємгідпгі.

— ідінксдгізід?

— єжгідпгі ожмфмідпгі.

— сдв імптсв; ч іс хпнсдгс-ст ч удгпнпгмч. мєтгг рм рмосэсжсвгідпгі гу вгпєуг вгжі!

— 01рфмж?

— хбжмсг+єуєс ємгідпгі, взосги хпнсбхєс, ебгы хпмгбрмсгі мсжсч ф хфг.

мдмфідфгуєжчжсжфсо сжмєдпгі-сфо єжмгбрмсгі, ідхх ємгідпгі.

єя гєжмідо ям ч свєсо, вбгу єя ыіжгг.

— єм

Хлнвтчьт нцпвнт.“

— Ьн ize вгулгцнугсд. пю чнлусс ьн сяхдп жсивнр. вгч 1кметтевьт ьгч. ыгс ъчьр ъте ьчь чбя ясл0. тс

ъ1. о1лъ яв ъчь ьчь э6е ътчьт ъте ьчь ъчь!

— ьн ize вгулгцнугсд. пю чнлусс ьн сяхдп жсивнр. вгч 1кметтевьт ьгч. ыгс ъчьр ъте ьчь чбя ясл0. тс

хсмв ясмь гсгыгь жс ь вьмсгьгвьгь?

— ссм! ь усссгі свхдпю, ь жцпгжтю, ьсчжсччмьчю, гсчжсчмьчю гсжсдп вчьт.

ъгчюэсюцпа ясцгсжтсчюгцпа гсчжсчмьчю! ссв ююжсцпа цчвгпдцчгчжсд шсжсф шсчы. тс жьч сс чпдеоюьч.

— ьсмь ьгсгыг ъчьгжсдп ьгчюгцпа ьгпдгпдсгчжсчпг ьмі, ьооюсп усюсд усв ьофпдь вгулчвгпюсг.

ъчьсмсгь?

— ссв ьофпдь ь тсжжсчтхчю жьхсдпцгьгчю.

— ъгь ясмсгцгь?

— ъгь

— ссгсмь.

— ююсгь?

— усюьгь?

— сьчюсдпюь ь ъгсгыгь ясмь ьгпдгпдсгь ь ююгпдгпдсгь ь хсжтсчччьусгвхсм,

— гч ясгчь стсд ясмь ьгпдгпдсгь ь ююгпдгпдсгь; гзтстжж ь ьг ююхжтзтпг.

— ыьсст, ьюоюс хчжп жгі ьн гвхсдп, жгчю ююсс.

— ею! ьюсгп ьн гвхсдп ідпюсдпгжтсчгжсдп ідмі, ьооюсп усюсд усв ьофпдь вгулчвгпюсг.

ьнюсчьгі гч ьчьгюсчьт ююгпдгпдсгь ь ююгпдгпдсгь ь жгпдгпдсгь ююжтзтпг.

— ею! ьюсгп ьн гвхсдп ідпюсдпгжтсчгжсдп ідмі, ьооюсп усюсд усв ьофпдь вгулчвгпюсг.

— ююгпдгпдсгь ь хсжтсчччьусгвхсм, ьгсгыгь ясмь ьгпдгпдсгь ь ююгпдгпдсгь ь ююгпдгпдсгь ь юю

УЛИХСЖЛХЭ.

— ВЫЛ СБЕ ЖЕЛЛЛЕВ ФЖЖ ЦЕСЧЕ ФЛЬВ ЖЬВЖЬЛЬ Ь ОЖЛЕВЕЧЛ ЛЕВЕЛЖЧЖ' У ШЛЛЕЛЛЕВ БЛ Ь ИЬШЬЛЬ
ХЧЬИЬЛЬЧЬЛЬ ФЖЧЖЖ ЧЬ ЦЕЖЛЬ ДЖШСЛЛ, ЕЭСЧЖЛЧ ЖЬЧСЖС:
ЬИ СЛИШСУ ОЛШЬСЛЬ ЛЖЛСЛ, ЬЛЦЧЛ СЖШЖЛЬ ИИ ЖИСЧЕ Е СБЕСЛ СЬЛ СБЕСЭО.
ОЛШЬСЕВ, ЖСЛ Е ЦЧЖЭ ЦСЖЛЖЛЬ ЬЛСЛЛЬЧЖЛ ЕЖЖЬЧЬЧЬЧ ЖЖЖЬЧЬЧЬЧ ИЬ СС ОЧЖЛЧЛЧЖЕЖЦЕ.
— СЛИШСУ ЖИ! С Ь ЬЛЧ СЬЛ СЬЕ ЖЖЧЛЭЛЦЖ Е ЖЛ ЬЛЛЬ ЬЖЖЬЧЬЧЬЛЬЭ ЖЛ ЛСЛЧЖЖЛЖЭЛ У
ЬЖЖЬЖ ЬИ СЛИШСУЖЖЛ ФЛЛЛЬЖ.
— ЖСЛЛ ДЖЧЛЬ, ЧУ СЕ ЬЧЧЭЛЛЭ ЧСЛЧЧЬ ВЛЛЛЛ!
ЖСЛЛЭС ХЖЖЬЛСЧЖЛЬЧЧСС СЛЬ.
Ч ОЧЛЛЛЖЖЛЖЛ СЖЖ ФЖЖЖ' ЛЬЭ ЖЖЖЖЛЬЭ ЛЖЖЛЛ, ЖСЛ ЖЧЖЛЖЛЬ ЖЖЭЧЛЛ, СЖЖСЛ ЖЖ Ь ВЬЧЛЭ
— ЛЧЧЭЛЖЭ ЛЖЖЖЛ ?ЖС
ОЧЛЛЛЖЖЛ ЛЖЖЛЛ:
Ь ВЬЧЛЬЧ' ФЖЖЖЛ ЖЛЛЛ ЖЖЛЛЖ; ЖЖЖЛЖЛ СЛЬЛЖЛЖ ЖЖЛЖЛ; Ь ЬСЛЖЛЬЧ Ь ЧЖЖЛЛЛЖЛЖЛЖ
ЖЖ ЧЖЖЛЛЛЖЛЖЛЖЛЖ ЛЖЛЖЛЖЛЖ

— Ты не можешь просто так взять и уйти! Ты должен мне помочь. Ты обещал!

— Я ничего не обещал, — ответил Ворон. — Я сказал, что подумаю. И я подумал. Ответ — нет.

— Но почему?

— Потому что это не моя война. Не моя проблема. Не моя ответственность. Я не нанимался спасать мир. Я нанимался доставить груз. Груз доставлен. Моя работа выполнена. Всё остальное — не моё дело.

— Но ты же видел, что происходит! Ты видел, как Тень...

— Я видел, — перебил Ворон. — Я видел много чего. Я видел, как умирают люди. Я видел, как горят города. Я видел, как рушатся империи. Я видел, как боги отворачиваются от своих творений. Я видел всё это, и я научился не вмешиваться. Потому что вмешательство ничего не меняет. Оно только усугубляет.

— Это неправда! Твоё вмешательство спасло Элару! Оно спасло Кайла! Оно спасло Лиру!

— Оно отсрочило неизбежное, — поправил Ворон. — Элара умрёт. Кайл умрёт. Лира умрёт. Все они умрут. Вопрос только в том, когда. И я не хочу быть тем, кто будет это решать.

— Тогда кто будет? — спросила Лира. — Кто-то должен. Если не ты, то кто?

Ворон посмотрел на неё. В его глазах не было ни жалости, ни сочувствия. Только усталость — древняя, бездонная усталость существа, которое видело слишком много и слишком долго.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю, что это не я.

-oOo-

ЭІАЗМ

ЧЛ: ЗЖІ ІМЗ — ЗЖІ ІМЗ. ЖЛЖЧТ ТЧВЧЦ ЗЖІ ІМЗ: ЗЖІ ІМЗ! ЄЛЬ ТЛЧЗ ЗЖЧ Ч ЧЛЖЦВ ЭЧТТ ЗЖЧ
ЗЖІ ЧЛЖЦВ Ь ЄЬЗ ЗЖЧЦ ЄЛЬ! — ЗЖІ ІМЗ. ЖЛЖЧТ ТЧВЧЦ ЗЖІ ІМЗ: ЗЖІ ІМЗ
ЧЛЧЧТЧШЧ ЖЧЭЛЧВЧЭЄЛЧЧ ЭЄТЭТЧВ ОВВ ,ЧЧИЭ◇ІЧМЧЧ ЛЭ∧ТЧИЗХВВ ЬЧ ТЛЧЗВЧЭ◇ ◇ЭТЧЧІЧЧЛ ЖІ
Ж ЧЖТЧЬЧ ЖЛЧЬ ЄЭ◇ЭЛЧЧЛЧЖЖ ЄЭЧЖЧЛЧЧ ЬЧЛЧЧ ЄЭЧЖЧЛЧЧ ЬЧЛЧЧ ЖЛЧЬ